

№ 12 (31) 1991

Цена 2 руб.

ISSN 0236-6864

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

А.Н. ЯКОВАЛЕВ: ТАЙНЫ ПАКТА

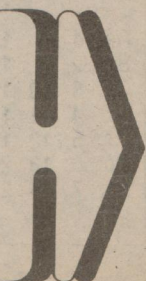
читайте на с. 4

Смертный
приговор
наркому
Литвинову
с. 13

«Болгарский
зонтик»
для KGB?
с. 14

Иосиф
Бродский,
которого
мы не знаем
с. 10

19 СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО 92

Январь

Пн.	6	13	20	27	
Вт.	7	14	21	28	
Ср.	1	8	15	22	29
Чт.	2	9	16	23	30
Пт.	3	10	17	24	31
Сб.	4	11	18	25	
Вс.	5	12	19	26	

Февраль

Пн.	3	10	17	24	
Вт.	4	11	18	25	
Ср.	5	12	19	26	
Чт.	6	13	20	27	
Пт.	7	14	21	28	
Сб.	1	8	15	22	29
Вс.	2	9	16	23	

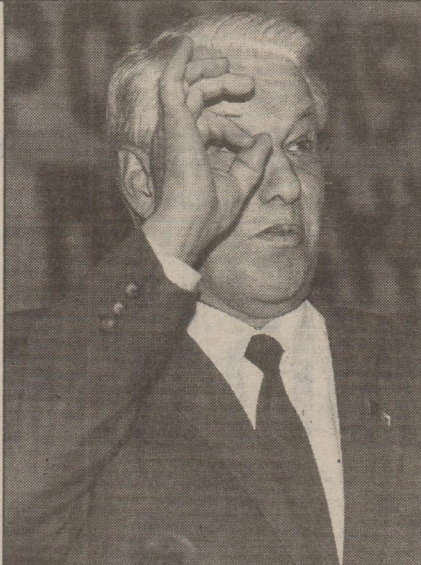

Июль

6	13	20	27	Пн.
7	14	21	28	Вт.
1	8	15	22	Ср.
2	9	16	23	Чт.
3	10	17	24	Пт.
4	11	18	25	Сб.
5	12	19	26	Вс.

Август

3	10	17	24	31	Пн.
4	11	18	25		Вт.
5	12	19	26		Ср.
6	13	20	27		Чт.
7	14	21	28		Пт.
1	8	15	22	29	Сб.
2	9	16	23	30	Вс.

Март

Пн.	2	9	16	23	30
Вт.	3	10	17	24	31
Ср.	4	11	18	25	
Чт.	5	12	19	26	
Пт.	6	13	20	27	
Сб.	7	14	21	28	
Вс.	1	8	15	22	29

Апрель

Пн.	6	13	20	27	
Вт.	7	14	21	28	
Ср.	1	8	15	22	29
Чт.	2	9	16	23	30
Пт.	3	10	17	24	
Сб.	4	11	18	25	
Вс.	5	12	19	26	

Сентябрь

7	14	21	28	Пн.
1	8	15	22	Вт.
2	9	16	23	Ср.
3	10	17	24	Чт.
4	11	18	25	Пт.
5	12	19	26	Сб.
6	13	20	27	Вс.

Октябрь

5	12	19	26	Пн.
6	13	20	27	Вт.
7	14	21	28	Ср.
1	8	15	22	Чт.
2	9	16	23	Пт.
3	10	17	24	Сб.
4	11	18	25	Вс.

Май

Пн.	4	11	18	25	
Вт.	5	12	19	26	
Ср.	6	13	20	27	
Чт.	7	14	21	28	
Пт.	1	8	15	22	29
Сб.	2	9	16	23	30
Вс.	3	10	17	24	31

Июнь

Пн.	1	8	15	22	29
Вт.	2	9	16	23	30
Ср.	3	10	17	24	
Чт.	4	11	18	25	
Пт.	5	12	19	26	
Сб.	6	13	20	27	
Вс.	7	14	21	28	

Ноябрь

2	9	16	23	30	Пн.
3	10	17	24		Вт.
4	11	18	25		Ср.
5	12	19	26		Чт.
6	13	20	27		Пт.
7	14	21	28		Сб.
1	8	15	22	29	Вс.

Декабрь

7	14	21	28	Пн.
1	8	15	22	Вт.
2	9	16	23	Ср.
3	10	17	24	Чт.
4	11	18	25	Пт.
5	12	19	26	Сб.
6	13	20	27	Вс.

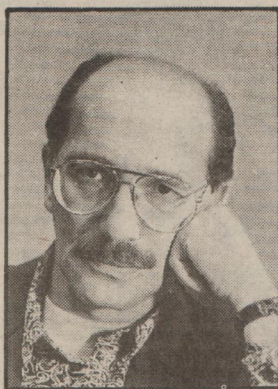

В Новом Году!

Номер «Совершенно секретно», который вы, дорогой читатель, держите в руках, последний в уходящем году. Мы с вами шагнули в новый, трудный и непредсказуемый, 1992 год.

Новый год — праздник особый: под звон бокалов с шампанским и огнем разноцветных елочных огней мы обычно поздравляем друзей и желаем им и себе беззаботного счастья, успехов и исполнения всех желаний. Но сегодня, нам кажется, любые пожелания прозвучали бы грустно и иронично. Это, пожалуй, больше для сладкой рождественской сказки. Ведь позади у нас год безрассудного августовского пуща, унесшего, к великому нашему горю, молодые человеческие жизни. Позади год развала Союза, нарастания политического и экономического кризиса, противостояния радикальных и консервативных сил, межнациональных столкновений, рождения и крушения различных социальных программ. И все-таки... И все-таки хоть крохотная надежда начать в новом году жить по-человечески остается...

А раз надежда остается, то мы решили задать совершенно разным людям, слово и мнение которых звучат всегда громко и весомо, два вопроса: — Каким он будет, 1992 год, для страны и лично для вас? — Сумеет ли Б. Н. Ельцин выполнить свое обещание — вывести Россию к осени 1992 года из глубокого экономического кризиса?

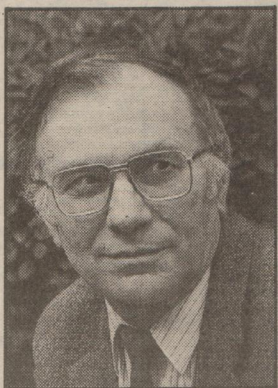

Александр КАБАКОВ, писатель, заместитель главного редактора «Московских новостей».

— Я совершенно уверен, что в конце концов в этой стране все нормализуется. Как во всем мире. Не сомневаюсь в этом. Что же касается 1992 года, то он будет чудовищно тяжелым. Может быть, как никогда. Хотя — в этом мой прогноз — к концу года ситуация начнет выправляться.

Мне представляется заявление Б. Н. Ельцина несколько легкомысленным. На Западе так никто бы, конечно, не сказал. А если — к августу, если — к октябрю?.. Откуда Ельцин может знать? Разве он Господь Бог? По-моему, заявление Бориса Николаевича — это чисто советское заявление. Отрыжка плановой системы.

Себе лично желаю чисто экономически — выжить. Не снижать своего уровня жизни. В смысле творчества? Надеюсь начать новую большой роман. Работать по-прежнему в газете, на телевидение переходить не собираюсь. Упаси Боже! А сотрудничество с телеканалом «Добрый вечер, Москва!» вообще считаю эпизодом в своей жизни...

Станислав КУНЯЕВ, главный редактор журнала «Наш современник».

— Мы будем жить, как жили в 1919 году. Сжав зубы. Поджав животы. И затаив потуже пояса. Все противоборствующие силы будут уверены, что они борются за выживание Родины. А на деле будут бороться друг с другом.

Возникнут новые лидеры толпы. Дай Бог, чтобы они оказались искренними людьми, а не демагогами.

Во многом ситуация окажется зависимой от того, в какую силу сплотятся ныне разгромленные коммунисты. Мне кажется, что в этих людях антианархический, государственный инстинкт развит как ни у кого. И поэтому я думаю, что нынешняя власть должна опираться на людей именно такого склада. Все остальные течения вы-

росли в разрушительном менталитете.

Как можно нормализовать то, над разрушением чего ты сам столько лет трудишься! Впрочем, я не сомневаюсь, что Борис Николаевич искренне желает нормализовать ситуацию в стране, но, увы, вокруг него нет людей, которые могли бы это осуществить. В хозяйственной системе все перерублено. Нет ни одной целой косточки. Если же Борис Николаевич сотворит чудо, я преклоню перед ним голову.

Себе желаю не умереть с голоду. Желаю также, чтобы газеты мои не бросили школу, не перестали читать, не стали детьми улицы, не превратились в винтики ни транснациональной экономической силы (?), ни национальной криминальной буржуазии (?). Я буду прислушиваться к жизни, к еще не утраченному, надеюсь, слуху поэта, чтобы написать что-то перекликающееся с поэмой Блока «Двенадцать».

Татьяна ТОЛСТАЯ, писатель.

— Мне трудно давать какие-либо прогнозы на будущее, поскольку здесь, в Америке, мы практически не получаем сведений из СССР. Конечно, есть достаточное количество учреждений, которые только нами и занимаются, но это не средства массовой информации. Для них мы выпали из моды. Если мы еще недавно шли в первых заголовках новостей, то теперь спасибо за то, что в последние и одну минуту... Хотя от ситуации в нашей стране зависит ситуация на всем глобусе. Я имею в виду проблему раздела ядерного оружия.

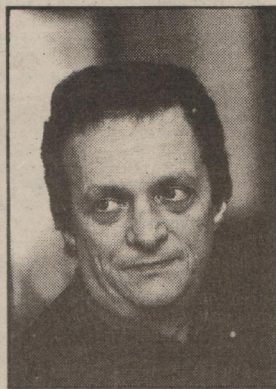
Я не хочу накаркать, но никаких оснований для оптимизма в 1992 году я сегодня не вижу.

Ельцин пока делает все разумно, но, к сожалению, разрушительные и конструктивные тенденции в стране одинаково сильны. За национальными движениями, включая Прибалтику и некоторые регионы Закавказья, мне видятся судороги коммунистического режима, отторгающего целые куски земли, чтобы спастись. Ельцин обещал стабилизацию, и он сделает все для того, чтобы сдержать слово, а дальше... Не знаю. Себе бы я желала иметь возможность приехать в Москву и в Санкт-Петербург и не бояться. Как и многие, здесь я хочу перебраться, но жить хочу дома.

США, штат Мериленд, по телефону

Марк ДЕЙЧ, корреспондент радиостанции «Свобода».

Чтобы делать прогнозы, живя в этой стране, нужно быть сумасшедшим. Страна и в спокойные для себя периоды никогда не отличалась стабильно-

стью, а в тот момент, когда царят разброд и хаос, говорить о прогнозах вообще бессмысленно.

На второй ваш вопрос я не могу ответить однозначно. Что-то Ельцин сделает, но отнюдь не все, что он планирует.

У меня нет пожеланий самому себе, кроме того, что я хотел бы нормально и спокойно работать. Под нормальной работой я подразумеваю профессиональную работу журналиста. В этих условиях работать трудно. Психологическое отношение к радиостанции «Свобода» не изменилось. Мы выходим в эфир ежедневно, надо готовить по 5—6 материалов в неделю, и мне бы хотелось, чтобы меньшая часть моих материалов была низкого качества.

Геннадий ХАЗАНОВ, заслуженный артист РСФСР.

— Я не обладаю способностями Тамары Глобы и информацией Вадима Бакатина. У меня есть только надежда. Сейчас наступила расплата за относительно сытое состояние при тоталитарном режиме. На мой взгляд, самое главное сегодня — это чтобы бедный захотел стать богатым. Я не выступаю в качестве адвоката теневой экономики. Но меня возмущает, когда человек выходит на улицу и говорит: «Я не буду работать из-за того, что есть богатые». Мы привыкли примерять свою жизнь на соседа. И если на время зажать это вечное человеческое качество — зависть, не смотреть по сторонам, а повернуть глаза внутрь самого себя, у нас появится шанс тотально изменить положение.

Но сегодня все настолько плохо, что даже минимальные изменения в лучшую сторону — уже доказательство позитивного движения. Будет ли это конец 1992-го или начало 1993 года, предсказать трудно.

Я сатирик и считаю, что любая власть не должна находиться вне критики. Когда-то этим мы уже породили коммунисти-

ческое чудовище. С одной стороны, мне очень хочется поддержать российского руководство, но с другой... Я не могу понять, как можно сегодня заявить о том, что Госбанк СССР переходит в ведение России, а на следующий день взять и перемешать это решение на 180 градусов?! Какие-то метания, непоследовательность. Когда метался Горбачев, мы не раздумывали, стрелять в него пушками или нет. Почему же тогда Ельцин должен быть выведен из зоны критики? Ведь уже сейчас ясно, что он ничуть не лучше Горбачева, если позволяет себе сегодня говорить одно, а завтра другое. Да и как можно продумать ситуацию на год вперед, если она не продумывается на двадцать четыре часа? В этом смысле меня не покидает тревога.

Когда Ельцин был избран народом на пост президента, поднимая тост в его честь, моя жена сказала: «Желаю Вам не оказаться самой лучшей иллюзией нашего народа». Я желаю Борису Николаевичу того же.

Себе в будущем году я пожелаю бы не разувериться в надеждах и увидеть положительные результаты отчаянной попытки российского президента. А моя помощь ему может заключаться только в снятии у людей агрессивного состояния.

Сейчас наступает время созидания. И если раньше артист моего жанра получал удовольствие от того, что мог произнести со сцены нечто запретное, то сегодня, после того памятного августа, нужно просто возвращаться к актерской профессии. Смеяться над поверженными неуместно.

Я рассматриваю 1992 год как еще одну возможность анестезировать человеческую боль. Потому что, пока человек способен смеяться, улыбаться, он способен переносить тяготы.

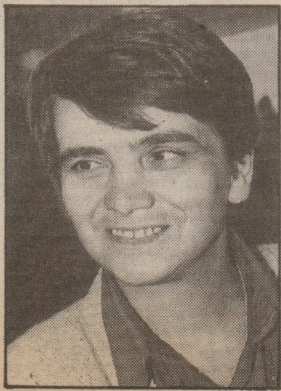
Татьяна КОРЯГИНА, народный депутат РСФСР, доктор экономических наук.

— Мой прогноз такой: 1992 год будет с очень трудной окраской. Я предвижу много неожиданностей, и прежде всего неожиданных для друзей-демократов, ибо они абсолютно неверно делают политологический анализ общества, основываясь на ложной трактовке возможностей быстрой реконструкции экономики. Я предвижу, что в рамках этого трудного года у нас произойдет то, что сейчас происходит в Польше. Придут к власти новые левые демократы, с программой более взвешенных перестроенных реформ, с более мягким темпом движения. Нынешние демократы не знают экономики. Ее не знают даже ученые, которые прорабатывают сейчас концепции для Ельцина. Они из команды академических ученых, оторвавшихся от прикладной науки. А это чистое политиканство.

Я думаю, что в 1992 году будет новый всплеск широкого народного движения. Эти протуберанцы уже сегодня выскакивают, когда таксисты в Москве идут громить рынки, не понимая, что спекулятивная экономика существует как негатив. Мы опять ударились в крайность: сначала не признавали предпринимательство, а теперь говорим, что вообще нет спекулятивной экономики. Она есть, но ее почему-то путают с рыночной экономикой. А это заблуждение. На рынке в нормальной цивилизованной экономике защищают и производителя и потребителя — через антимонопольное законодате-

льство. Именно оно приспособливает стихию рынка к более удобному и, соответственно, более эффективному взаимодействию потребителя и производителя между собой.

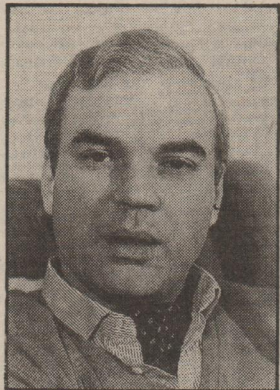
К сожалению, мой прогноз такой: ельцинская программа реформ в 1992 году реализована быть не может, потому что по всем своим компонентам она антинародна. Значит, все уйдет в модель пугачевщины, будет стихия. Последует стихийное отторжение грубого навязывания капиталистических отношений, потому что такого капитализма уже давно нет нигде в мире. Отторжение психологическое, отторжение экономическое — через забастовки, демонстрации, бунты, через любые формы протеста.

о каком вообще эффективном его движении вперед говорить? Провалы начнутся уже в этом году. Гул подземный идет, он уже слышен. В плане ухудшения работают либерализация цен, приватизация, доктрина полной либерализации внешней торговли. Эта доктрина приведет только к одному: повальному интересу внутренних производителей вытаскивать из Союза все, что можно, конвертируемое, — а это в первую очередь сырье, — отправить на Запад и получить валюту. В рамках этой гангстерской буржуазно-криминальной революции на поверхность вышли не те предприниматели, которые нам нужны, а грабители, которые раньше воровали внутри социалистической догматической экономики, а сейчас будут грабить в капиталистической экономике. Акцент ставится не на те силы: не на поддержку нормального здорового бизнеса и предпринимательства, которым нужно, чтобы государство потворствовало им, но так, чтобы сначала население почувствовало пользу от их деятельности, а наоборот. Нужны более сбалансированный рост доходов по всем секторам экономики, независимо от форм собственности, замораживание цен и тарифов и обязательно государственный контроль над всеми ресурсами.

Владимир МОЛЧАНОВ, тележурналист.

— Мой прогноз очень пессимистический. Я страшно боюсь, что новые демократы, пришедшие к власти, при всех их замечательных человеческих качествах не обладают достаточно широким кругозором, иногда и элементарной образованностью, и за пустыми разговорами о власти оказались не в состоянии сделать главное — обратить внимание на человека. Если этого не произойдет, в стране будет не путч, а страшный кровавый русский бунт. Этого я больше всего боюсь.

Я, к сожалению, при всем уважении к Ельцину не могу поверить в это. Ни в одной стране мира, особенно такой разгромленной, как Россия, невозможно за год, даже меньше чем за год, стабилизировать положение.

Себе желаю одного — жить.

Интервью взяли
Борис ДАНОШЕВСКИЙ,
Наталья КИЛЕССО,
Елена СВЕТЛОВА
и Евгений СТЕПАНОВ

Фото Дмитрия АЗАРОВА,
Сергей АНДРЕЕВ, Владимира
КОЧИНА. РИА «Новости» и ТАСС

ТАЙНЫ ПАКТА

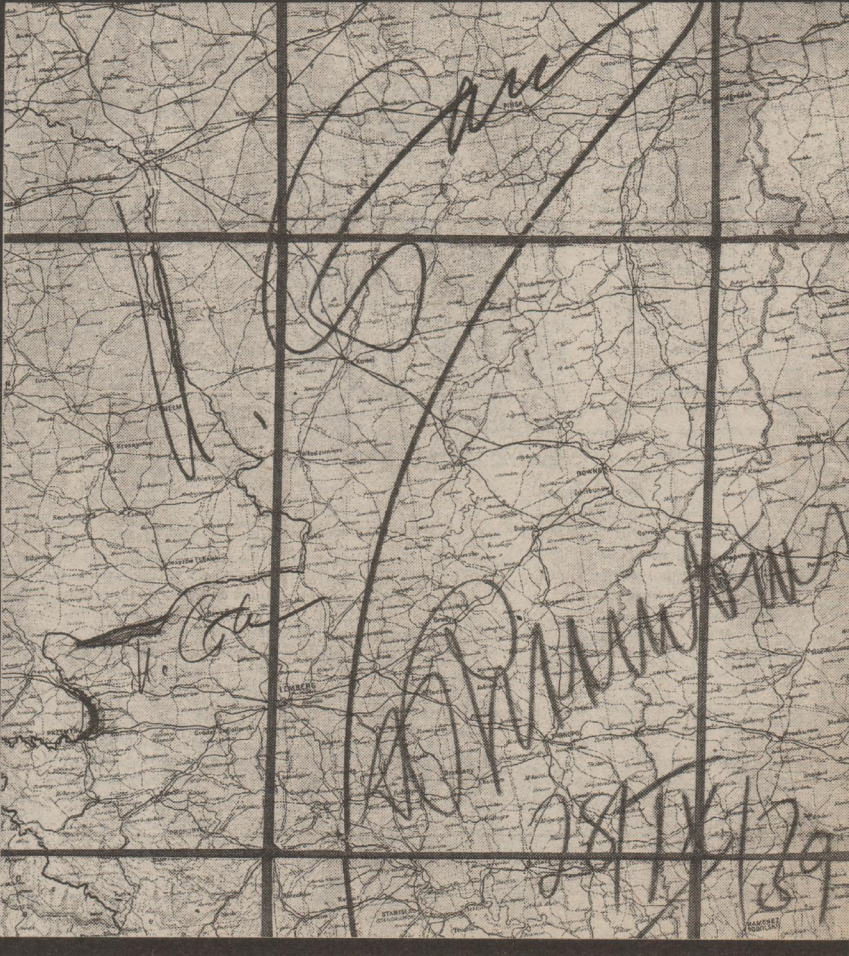
Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ

КАК РАБОТАЛА

Инициаторы заключения советско-германского пакта о ненападении после подписания документов. Слева: Риббентроп, Сталин, Хильбер, Молотов

Приложение к советско-германскому договору о границах и дружбе от 28 сентября 1939 г. На карте подписи Сталина и Риббентропа

ОТ АВТОРА.

Как быстро бежит время и как быстро становится историей то самое время, которое мы пережили только вчера! Сегодня кое-кому может, к примеру, показаться просто невероятным, что Литве, Латвии, Эстонии не только упорно отказывали в признании их независимости, но сама подобная мысль представлялась абсурдной и, уж конечно, антигосударственной и подлежащей наказанию. Но так было совсем недавно — во времена достопамятного 1-го Съезда народных депутатов СССР в июне 1989 года. Только два с лишним года — и какие перемены!

Но не будем неблагодарными к собственной истории. Именно в те дни свершилось многое, без чего немислымы сегодняшние сдвиги. Вот почему мне хочется вернуться к одному «эпизоду» (ставлю слово в кавычки, так как эпизод — это мгновение, а случившееся охватывает эпоху) дискуссий 1989 года. Он касается работы Комиссии съезда по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года — комиссии, вошедшей в анналы под названием «комиссия Яковлева». Сегодня о ее работе можно рассказать больше, чем было известно раньше, и я, работавший в качестве одного из экспертов комиссии, беру на себя смелость это сделать.

КОМИССИЯ ЯКОВЛЕВА

1

Александр Николаевич Яковлев сначала наклонился к микрофону, затем отошел от трибуны назад, пытаясь лучше расслышать вопросы, доносившиеся из зала. Завершался день 23 декабря 1989 года, который мог бы стать роковым в истории советской демократии и чуть было им не стал из-за секретов акустики в Кремлевском дворце съездов, где заседал 2-й Съезд народных депутатов СССР. Только что Яковлев закончил доклад о результатах работы созданной в июне 1989 года на Первом, действительно историческом Съезде Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года. Съезд слушал доклад Яковлева в абсолютной и напряженной тишине, непривычной для огромного зала, в котором депутаты привыкли то и дело выбегать к микрофонам. Доклад закончился предложением: принять решение, осуждающее действия сталинского руководства.

Бесстрастным голосом Анатолий Лукьянов, только начинавший свою карьеру «председателя номер один», предложил задавать вопросы. Тогда-то беспокойство и овладело депутатами. Так что же, знаменитые секретные протоколы все же существовали? Существовал сговор Сталина с Гитлером? Вопросы, вопросы... наконец один из депутатов закончил свою долгую и не очень связную реплику прямым обращением к докладчику:

— Вот вы в проекте Постановления своей комиссии пишете, что подлинные протоколы не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. И все-таки в проекте написано, что съезд осуждает факт подписания секретного протокола. Является ли правильным писать, что съезд осуждает несуществующие протоколы?

Яковлев переспросил — он, видно, не знал секрета зала, в котором стоявший на трибуне оратор плохо слышал вопросы, задававшиеся от микрофонов. Лукьянов попросил повторить вопрос, к которому спрашивающий добавил еще какие-то подробности. Зал утих. Казалось, сейчас-то Яковлев все разъяснит! Ко всеобщему удивлению, докладчик от прямого ответа ушел. С некоторым раздражением он начал говорить о том, что договор и протокол — разные вещи. Договор

формально был правилен, зато протокол был изъят из процедуры переговоров, он является противоправным...

Шум в зале возобновился. Раз такой опытный политик, каким является Яковлев, ушел от прямого ответа, значит, у комиссии достаточных фактов нет. А раз фактов нет, то разве можно осуждать договор и протоколы? Именно такой был смысл заявлений последующих ораторов, среди которых особо отличился депутат Сухов, уже снискавший себе лавры постоянного «возмутителя спокойствия». Все шло к отклонению предложений комиссии. Противникам Яковлева помог не кто иной, как будущий президент Литвы (тогда еще народный депутат) Витаутас Ландсбергис, который подлил масла в огонь, ультимативно потребовав не только подтвердить выводы комиссии по 1939 году, но и создать новую комиссию — по событиям 1940 года, иными словами, объявить присоединение Прибалтики к СССР незаконным.

Только этого не хватало знаменитому «агрессивно-послушному» большинству съезда (так его окрестил депутат Юрий Афанасьев), чтобы проголосовать против предложений Яковлева! Итог: при голосовании комиссия собрала в свою пользу лишь 1052 голоса из 1880. Предложение было провалено. Что делать дальше? С огромным трудом председательствующий уговорил съезд отложить решение до утра, поручив комиссию «доработать» текст. Михаил Горбачев с каменным лицом сидел рядом с Лукьяновым...

Будущий историк сможет рассуждать, оказала акустика добрую или злую услугу докладчику. Действительно, Яковлев вполне мог не разобрать длинную и путаную реплику депутата из Туркмении. А может быть, он сделал это намеренно, чтобы иметь возможность на следующее утро преподнести ошарашенному съезду беспорядочные доказательства, которые он не сообщил ранее?

В полные драматизма вечерние часы 23 декабря комиссия собралась в опустевшем зале вокруг своего председателя. Я никогда раньше не видел столь солидарного и участливого отношения членов комиссии друг к другу и к своему шефу. Что делать, как избежать катастрофы? Для делегатов Прибалтики это было жизненно важным. Но не менее важным был исход голосования для демократической части съезда. Уже

тогда консерваторы (Егор Лигачев еще был в зените власти) только и искали случая нанести удар по А. Н. Яковлеву, скопировав его в глазах народа. И вот подворачивался повод — история с секретными протоколами...

Предлагались различные рецепты и новые пункты проекта. Однако главный рецепт оказался у самого Александра Яковлева. Откровенно говоря, для меня до сего дня остается непонятным, почему он, хотя и мог, не использовал этот рецепт раньше? Пусть это останется еще одним секретом этого непростого, порой загадочного политика, который, надеюсь, еще не раз потрясет мир своим интеллектом. Дело в другом: в абсолютном и точном старике, который был нанесен удару, кому был нанесен удар, кому на следующий день.

24 декабря Александр Яковлев сообщил ошарашенному съезду о документах, которые были обнаружены в архивах МИД СССР — в тех самых архивах, в которых долго и безуспешно искали оригиналы секретных протоколов. Документы были датированы апрелем 1946 года и неоспоримо свидетельствовали: да, существовали оригиналы секретных протоколов. Да, остались их копии, заверенные советскими официальными лицами. Да, их текст до запятой совпадает с копиями, оставшимися в немецких архивах. Съезд проголосовал за выводы комиссии Яковлева.

2

Советско-германский договор о ненападении являлся объектом споров и политических конфликтов с самого момента его подписания. Как гром среди ясного неба прогремел он на весь мир 24 августа 1939 года, паразит в первую очередь советских людей, за ними — всех, кто хоть мало-мальски интересовался мировой политикой. Шутка ли сказать: Сталин и Гитлер, два заклятых и непримиримых врага, стали участниками совместного соглашения, возвестившего мир и даже дружбу между Германией и Советским Союзом. Я помню возмущенную толпу во дворе ИФЛИ — Института философии, литературы и истории — на Росткинской сессии еще не началась, но мы в эти дни все равно сходились около любимого института. Кончался прием, и нам, вторкурсникам, любопытно было

посмотреть на новичков, покрываться перед ними. В те годы на картошку не посылали, она непонятным образом урождалась сама и не менее непонятным образом оказывалась на прилавках. Поэтому в августе все были на месте, а так как для нас институт был поистине родным домом — домом споров, любви, дружбы и постижения мира, — начала сессия ждала с нетерпением. Будущие великие или по меньшей мере знаменитые поэты — Давид Самойлов, Сергей Наровчатов, Семен Гудзенко — прогуливались перед зданием; рядом чинно прохаживались будущие академики и члены-корреспонденты (их ИФЛИ родил несколько десятков) и даже будущие секретари ЦК. Известие о пакте поразило всех, кроме твердых коммунистических партийных и комсомольских пропагандистов, сразу узревших в нем очередной мудрый ход великого вождя. Так или иначе — поворот был совершен. Сомнения разрешили себе, пожалуй, лишь бывшие выпускники немецкой школы, учившиеся вместе с детьми антифашистов-эмигрантов: как, пакт с Гитлером? А мы?

Но время шло — мы как-то свыкли с новыми друзьями. Даже скептики утешили себя мыслью об умелом и необходимом использовании внутримпериалистических противоречий (соответствующие цитаты из Ленина и Сталина сразу оказались под рукой). Привыкли читать в «Правде» рядом сообщения агентств Рейтер и «Трансепона», речи Гитлера и Черчилля. Проводили несколько студентов нашего курса, знавших немецкий, в Германию в качестве переводчиков торговых миссий. И так — до 22 июня 1941 года. Нет, до финской войны, на которой погибли наши добровольцы, что заставило всех понять: войны не избежать...

Сейчас историки знают все или почти все. Но тогда для нас, будущих солдат и офицеров Великой войны, существовала некая «усеченная правда». Тогдашние вершители судеб были великими мастерами создавать некий искусственный, но логичный внутри себя мир, в котором можно было себя чувствовать достаточно удобным. Для самых неожиданных шагов сразу находилось объяснение. Даже когда умильных советско-германский альянс конца 1939 года стал превращаться в конгломерат взаимных подозрений, нас убеждали, что так оно и должно быть,

а великая и мудрая партия — тогда еще не КПСС, а ВКП(б) — все знает и предвидит.

Я вспоминаю об этом не для красного словца, а для того, чтобы самому себе и другим объяснить то внутреннее сопротивление, с которым в послевоенные, а особенно в послевоенные годы стали восприниматься совсем иные, непривычные и даже ошеломляющие факты советской внешней (да и внутренней) политики, никак не укладывавшиеся в привычные официальные схемы и логические объяснения. С подозрением воспринимались и становившиеся известными факты советско-германских отношений 1939—1940 годов, обстоятельство заключения пакта — в частности, распространенные западной публицистикой (сиречь «вражеской пропагандой») сведения о том, что, кроме этого пакта, в августе 1939 года были подписаны какие-то секретные дополнительные соглашения о разделе сфер влияния в Европе и так далее. Где-то в конце 40-х годов те, кто имел доступ к «закрытым фондам», к появившимся в США, а также в Западной Германии книгам, смогли прочитать тексты секретных документов и сразу очутились в роковой схватке верных сынов партии со своей научной совестью.

Надо отдать должное нашим бывшим хозяевам: они делали все, чтобы облегчить нам, грешным, эту схватку. Протоколы? Фальшивки. Копии? Подделка. Сговор? Клевета. Раздел сфер? Поклеп. Появившаяся в 1948 году «Историческая справка «Фальсификаторы истории», написанная под диктовку Сталина и Молотова, подкрепляла этот утешительный маневр, и Господь вселил в защитников сомнительной чести советской дипломатии такую силу, что Андрей Андреевич Громыко аж в апреле 1989 года, то есть уже в разгар новой эпохи, твердокаменно отрицал наличие протоколов, объявляя западные публикации фальшивкой. На всех официальных (в т. ч. научных) уровнях наличие протоколов отрицалось, в том числе и на страницах «Правды» в дни 49-летия начала второй мировой войны.

Так или иначе, вопрос о секретных протоколах стал, как принято говорить, лакумусовой бумагой в отношении к одному из центральных вопросов современности — к сталинизму, как таковому. Эта ситуация особенно обострилась, когда в Прибалтийских советских рес-

публика советские партийные догмы перестали быть высшей научной нормой и там вопрос о протоколах стал дебатироваться совершенно откровенно. Тем более что в протоколах, существование которых оспаривалось, в числе прочего шла речь о судьбах Прибалтики.

3

Май 1989 года. На I-м Съезде народных депутатов СССР советское руководство было обуюно беспокоейством: поднимут ли прибалты вопрос о пакте 1939 года как повод поставить под сомнение принадлежность к СССР или не поднимут? А вдруг пронесет? Поэтому поступали в типичном стиле действий горбачевского руководства: «Ничего не делать до того времени, когда уже ничего нельзя сделать». Первые дни навешенного 25 мая съезда, казалось, оправдали кремлевские надежды. Но только первые.

Почему в Кремле так не хотели обсуждать тему протоколов? Первая причина была политической: в этой теме Политбюро видело нежелательный повод для роста прибалтийского «сепаратизма», который весной 1989 года только еще набирал силу. Вторая причина была как бы следственной: среди бесчисленного количества вкеселей, выданных Советским Союзом от Сталина до Брежнева, Горбачев усматривал категорическое отрицание существования протоколов. Оно началось во время Нюрнберга и под тяжелой рукой Громыко довели над советской политикой и наукой.

Я и раньше знал, что Громыко категорически возражал против любого упоминания протоколов. В 70-е годы он даже приостановил печатание серии «Документы внешней политики СССР» на 1938 год, дабы не возбуждать воспоминаний о годе 1939-м. Советские дипломаты и историки (в их числе и я) изворачивались, как ужи, чтобы обойти «проклятый вопрос».

Со временем в вопросе о протоколах установилось какое-то «зугонитное равновесие». На научных сессиях, на международных встречах историков уже и советские ученые позволяли себе оперировать протоколами как историческим фактом. Не говорю уже о том, что в Литве, Латвии и Эстонии версия о фальсификации была полностью отброшена. На созданной в 1987 году по соглашению М.С. Горбачева и В.Ярузельского советско-польской комиссии по так называемым «белым пятнам» договоров 1939 года и протоколы стали официальной темой обсуждения.

Сомнения обуюли многих. Когда уже отремели все «бон», я имел случай беседовать на эту тему с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе, который расказал: в конце 1987 года в МИДе была подготовлена записка «для вхождения» в ЦК КПСС (такова была традиционная формулировка), в которой обращалось внимание на эту назревшую проблему и предлагалось несколько вариантов действий. Под запиской стояли подписи и нескольких отделов ЦК КПСС.

Мне было совершенно ясно, — говорил мой собеседник, — что мы отмалчивались больше не можем, иначе случится большой скандал. После изложения вариантов (их было три) в записке делалась довольно ясный вывод: альтернативы признанию существования про-

токолов практически нет.

— Результат?

— Насколько помню, на Политбюро это решение поддержал только Александр Николаевич. Главный контраргумент был прежним: нет оригиналов, поэтому разговор беспредметен. Такова была позиция и Михаила Сергеевича. Говорилось и о возможной фальсификации подписи Молотова — тем более что на одном из экземпляров его подписи была латинскими буквами. В результате на заседании наши предложения поддержки не нашли, никакого решения принято не было.

— Что же случилось дальше?

— Все-таки хотелось внести ясность. Для этого с участием специалистов — как мне помнится, из КГБ — была предпринята графологическая экспертиза. Она показала подлинность подписи, что укрепило нас в правильности нашего предложения. Однако официально вопрос был «закрыт».

Так было «в верхах». До общестественности же доходили лишь косвенные отражения этих, сугубо закрытых дискуссий. Но еще более горестным для научного мира стало то, что Горбачев позволил себя втнугнуть в сообщество твердоканменных защитников версии о фальшивке. Признаться, с большими надеждами ждали визита в июне 1988 года генсека ЦК КПСС в Польшу: вот здесь-то он и скажет! Увы: в Варшаве он стал говорить о «неизбежности» пакта и сомнительности копий протокола. Что еще хуже, он заявил: «Признать на уровне советского руководства адекватность этих копий было бы с нашей стороны несерьезно и создавало бы опасный прецедент».

Конечно, и на этот раз генсек показал себя мастером двусмысленностей. «На уровне руководства» — нельзя. А на другом уровне? Тем более что после категорического отказа заниматься протоколами он добавил: «Наука будет во всем этом разбираться» — видимо, имея в виду советско-польскую комиссию.

Наука медленно, но разбиралась. Совместная комиссия собрала большой материал. Многие выяснились на научных сессиях в Москве, участники которых позволяли себе отход от официальной трактовки. Однако инерция снова действовала. Как-то на большой дискуссии в Институте военной истории я стал излагать доводы в пользу подлинности протоколов. Тогда один весьма уважаемый профессор (в будущем — автор сугубо разоблачительной книги о сталинской политике) строго предупредил меня: «А разве вы не знаете, что сказал Михаил Сергеевич в Варшаве?»

4

Здесь я позволю себе включиться в число действующих лиц. Дело в том, что еще в конце года 1988-го я совершил одно недопустимое по любым меркам действие. Только для меня являлся сугубо неофициальная беседа с одним из непосредственных свидетелей встречи Михаила Горбачева с Гельмутом Колем, состоявшейся в октябре 1988 года. Мой собеседник тогда спросил меня: что имел в виду канцлер, когда расказал Горбачеву о том, что оригиналы секретных протоколов лежат в Бонне? Тогда пришла мне в голову мысль: если г-н Коль видел оригиналы в Бонне, почему бы не сделать

мне то же самое? Мысль была одобрена моим авторитетным собеседником, после чего я использовал очередную журналистскую поездку в Бонн для «специальной миссии». В ее реализации любезно помог мой давний знакомый и оппонент, знаменитый историк, боннский профессор Ганс-Адольф Якобсен, которого открытие канцлера удивило не меньше, чем Горбачева. Якобсен любезно организовал визит к руководителям Политического архива МИД господам Вальднеру и Гелингу, где меня встретили весьма любезно и расказали все, что было известно о протоколах и копиях.

...Эта детективная история началась в 1943 году. Когда Берлин стал объектом англо-американских бомбежек и бомбы стали падать в самом центре города, в том числе и на знаменитой Вильгельмштрассе, где находилось имперское министерство иностранных дел, — тогда рейхсминистр Иоахим фон Риббентроп пришел в беспокоейство. Ему захотелось сохранить свои самые важные и самые секретные архивы, которые находились в его личных сейфах. С этой целью была начата пересылка документов на так называемые «сохраненные фильмы». Техника тогда была не ахти как современна, снимали на негативную, перфорированную пленку формата 35 x 55 мм. Мой собеседник в этот момент открыл картонный ящик:

— Вот смотрите. Это и есть «сохраненные фильмы». Их 20 штук, и засняты на них 10 тысяч, точнее, 9725 листов различных документов за многие годы — от конца XIX века до конца года 1944-го.

Именно в это время МИД Германии начал вывозить все архивы из Берлина — в Крумхголь (Рудные горы), в горы Гарца, в Тюрингию. Конечным пунктом оказалось поместье Шенберг близ городка Мольхаузен. Здесь горы архивных дел, в том числе и «сохраненные фильмы», находились в подвалах; надзор над ними поручили Карлу фон Лешу — одному из переводчиков министра. Когда же в самом конце войны пришел из Берлина приказ — сжечь все архивы, фон Леш решил по-иному: «сохраненные фильмы» сохранить. Для этого он упаковал их в жестяную банку, завернул в водонепроницаемую упаковку и зарыл в парке.

Фон Леш был, как говорится, себе на уме. Уроженец Лондона, располагавший в Англии друзьями, он верил, что спрос на его жестяную банку будет изрядным. Поэтому он заготовил письмо на имя своего давнего знакомого, зятя Черчилля Дункана Сэндиса, и вручил это письмо первому приехавшему в Мольхаузен союзному офицеру. И надо же было, чтобы им оказался британский подполковник Роберт Томсон, руководитель специальной англо-американской поисковой группы, которой было поручено искать нацистские архивы!

14 мая 1945 года Томсон по указанию фон Леша откопал банку в парке Шенберга, немедленно отправил Леша на сборный пункт в городе Марбург, а сам вылетел в Лондон. Здесь в министерстве авиации, располагавшем специальным оборудованием, ролики обрабатывали, перенесли их на позитивную пленку и сделали отпечатки. Обработка отняла много времени, так как при съемке не соблюдался хронологический или тематический порядок. Примерно в ноябре британскому кабинету

было доложено о содержании документов, касавшихся тайных советско-германских контактов 1939 года (впоследствии я получил в Лондоне в государственном архиве копии этого доклада на имя премьер-министра). Находились среди этих документов и секретные протоколы.

— Прощу вас, — расказал мне любезный д-р Вальднер, — вот эти кадры, вот эти копии... Мы проводили тщательную экспертизу и установили, что фальсификация невозможна...

Правда, тогда мой собеседник дал мне только полбоковать пленкой; несколько месяцев спустя мне удалось в другом архиве получить два ролика из «коллекции фон Леша» — а именно 11-й и 19-й, на которых (вразброс!) были перенесены договор от 23 августа, секретный протокол, объяснительная записка Риббентропа. Кроме того, там были копии других важных документов — договора от 28 сентября 1939 года, а к нему — двух секретных и одного «доверительного» протоколов. Там же находились и копии знаменитой карты демаркационной линии с большими, размашистыми подписями Сталина и Риббентропа. Ее оригинал сохранился в Бонне, и мне его показали.

— А оригинал секретного протокола?

— Увы, его нет. По одной версии, он сгорел во время одной из бомбежек Берлина. По другой — Риббентроп сам его уничтожил. Во всяком случае, в архиве МИД ФРГ его нет.

После этого д-р Вальднер показал мне еще несколько «перлов» из коллекции; среди них ряд телеграмм, в которых упоминался секретный протокол.

Если даже сомневаться в микрофильмах, то вот совсем иной источник, — добавил он, извлекая с полки толстое дело документов германского посольства в Москве. — Вот, к примеру, черновики телеграмм, которую посылал Шуленбург вечером 23 августа в Берлин, а Риббентроп карандашом вписал несколько слов. В ней есть такая фраза: «Предусматривается подписание секретного протокола о разграничении сфер интересов обеих сторон на всех восточных территориях, к чему я выразил принципиальную готовность».

Мы расстались с руководителями Политического архива, договорившись, что беседа была «неофициальной», но они не будут возражать, если я в Москве сообщу о ней и о всех полученных документах заинтересованным лицам. Что я и сделал в декабре 1988 года — тогда даже скептик по служебному положению начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР Феликс Николаевич Ковалев был готов согласиться с подлинностью немецкой документации. Были готовы к этому В.М. Фалин и многие другие. Не недаром говорится, что «медленно меняет господни мельницы». Все соглашались, но действовать не хотели. Намерение поведать о протоколах на страницах моего родного журнала «Новое время» возразений не встретило, но не встретило и одобрения. Что скажут в Прибалтике? Не сыграет ли публикация на руку сепаратизму? И, пока все размышляли и не давали журналу «добро» на публикацию (такие были еще порядки в 1989 г.), грянул гром — на заседании I-го Съезда народных депутатов.

...1 июня 1989 года, выступая

от имени группы депутатов съезда, эстонский профессор Липпмаа предложил создать комиссию для политической оценки как договора, так и секретных протоколов. Сразу вспыхнула дискуссия: а были ли протоколы? Другой депутат из Эстонии, профессор Грязин, зачитал почти весь текст перевода секретного протокола от 21 августа, что добавило материала для конфликта. Что оставалось делать Горбачеву? Он повторил свой аргумент об оригинале, расказал депутатам о своей встрече с Колеми, дал понять, что не верит в подлинность протокола (мол, почему Молотов подписали латинскими буквами?). Но согласился создать комиссию, добавив как бы невзначай: «Давайте Яковлева в комиссию включим. Хорошо?» Съезд, конечно, согласился.

5

Едва ли Александр Николаевич Яковлев был рад своей новой миссии. Ничего доброго не предвещало небалансированность состава комиссии. Основное ядро — десять человек — представляло Прибалтику, причем среди них оказались умелые, знающие и влиятельные политики — Ландсбергис, Лауристин, Вульфсон, тот же профессор Липпмаа, вооруженный сотнями ссороков из немецких архивов. Специалисты-историков было лишь несколько, а для многих пакт 1939 года интереса вообще не представлял. Тем более что тогда народные депутаты друг друга почти не знали и требовалось время на «притирку». Избрали заместителей — ими стали В. Фалин, Ю. Афанасьев и Э. Сависаар; разошлись во мнениях ведомства просьбы о предоставлении документов и экспертиз, и работа, казалось, могла начаться. Заседания проходили на Старой площади, встречи с экспертами — в эстонском представительстве (тогда еще не посольстве).

Уже на первом заседании определялись главные трудные работы: для делегатов из трех республик это была остронактуальная политическая задача, обусловленная надвигающейся в августе датой 50-летия договора. Поэтому и аргументация прибалтийских депутатов (к ним присоединился Ю. Афанасьев) была преимущественно политической и крайне эмоциональной. На другом фланге находился министр иностранных дел УССР Кравец, который о протоколах знать не хотел и твердо придерживался «Громыковский линии». Линия В. Фалина и Г. Аратова была такой: они считали нужным более обстоятельный анализ всей исторической обстановки тех лет, что их оппоненты считали попыткой реабилитации сталинского руководства. На это следовали очередные возражения, порой очень раздраженные.

Председателю предстояло соединить, казалось, несоединимое. В первую очередь он урезонивал тех, кто хотел от комиссии немедленного вердикта по прибалтийским делам. Как-то он в сердцах расказал своим эстонским коллегам:

— Сейчас дело каждого делать то, что он хочет. Но я думаю, что в свете решения нашего Народного фронта нам будет очень трудно доказать съезду, что надо принять даже этот проект. Вот что написано в предвыборной платформе Народного фронта Эстонии: «Народный фронт поднимает лозунги: из республики Советского Союза — в свободное государ-

ство, в республику. Для этого надо: первое, добиться аннулирования секретных протоколов к пакту Гитлера — Сталина... третье, добиться признания Эстонии аннексированной территории». Четко обозначенная задача!

Эдгар Сависаар, будущий премьер Эстонии, не менее откровенно ответил:

— Правильно!
Но сам Яковлев, да и многие другие члены комиссии думали несколько иначе, рассматривая свою задачу значительно шире и считая необходимым поставить договор в политический контекст 39-го года, а самое главное — в контекст раскритики сталинизма как политического явления. Конфронтацию не удалось снять и после приглашения экспертов. Латвия, Литва, Эстония прислали своих специалистов (их позиция была однозначной). Московские же эксперты (в их числе автор этих строк) делились на «традиционалистов», придерживавшихся прежних официальных трактовок, и «радикалов», требовавших ревизии этих трактовок. Так к спорам депутатов прибавились споры историков. Но вот что любопытно: ни один из экспертов (будь он даже крайне консервативным в объяснении причин пакта) не ставил под сомнение наличие секретных протоколов и правдоподобность немецких копий. Пункт о признании факта подписания протоколов присутствовал во всех проектах, предлагавшихся противостоявшими сторонами.
Но для общего успеха этого консенсуса не хватало. Споры в комиссии были многочасовыми. Боролись буквально вокруг каждой фразы, предлагая формулировки и контрформулировки. Александр Яковлев не раз, и довольно безуспешно,

пытался напомнить о мандате комиссии, ограниченном пактом 1939 года. Вплоть до того, что однажды в сердцах сказал своим прибалтийским оппонентам: «Так что, вы желаете, чтобы я на колени стал перед вами и покаялся!» А эти оппоненты не понимали, что в действительности Яковлев относится к роковому пакту с высокой долей критики!

Снова воцарилось неустойчивое равновесие. С одной стороны, росла готовность отказаться от злополучной версии. В июле 1989 года вторая программа телевидения ФРГ и Гостелерадио организовали дискуссию по 1939 году с участием крупнейших немецких ученых профессоров К. Хильдебранда и Э. Екеля. С советской стороны выступали В. Фалин и ваш покорный слуга. Немецкие ученые были в этом вопросе, как ныне говорят, «однозначны». В. Фалин сначала выразился туманно. Тогда я невежливо позволил себе заметить:

— Но все-таки, Валентин Михайлович, был протокол или нет?

Прозвучал позитивный ответ, что чуть было не стоило заведующему международным отделом ЦК КПСС его поста. На заседании Политбюро на него посыпались шипки и обвинения чуть ли не в пособничестве «сепаратизму».

В августе 1989 года в работе комиссии наступил кризис. Радикальная группа, лидером которой стал Юрий Афанасьев, требовала, чтобы к 23 августа был опубликован хотя бы промежуточный итог работы. Яковлев, а с ним Фалин, зная настроения в верхушке, медлили, вызывая недовольство тех, кто не понимал (или не хотел понимать) сложность положения председателя: ведь ему надо

было убеждать не только и не столько комиссию, а Политбюро ЦК — тогда еще полно-властный орган политической власти. Яковлев, как человек откровенный и честный, так и сказал на заседании: да, наш проект готов, но я, прежде чем подписать, должен спросить своих товарищей...

Стали ждать. Но ждали напрасно: Политбюро не дало согласия на текст, с таким трудом согласованный Яковлевым. Оно сочло, что до 23 августа 1989 года ничего публиковать не надо, так как публикация, мол, дестабилизирует ситуацию в Прибалтике. По знаменитому вышеизложенному принципу: ничего не делать, пока...

Руки у председателя оказались связанными, а дело получило неожиданный поворот. Группа членов комиссии во главе с Афанасьевым передала предварительный текст проекта мировой прессе и выступила на пресс-конференции с обвинением председателя. Возникла реальная угроза развала комиссии. Но победила умная тактика Яковлева, который стал выше личных обид. Сделав вид, будто ничего не произошло, он через некоторое время снова созвал комиссию. По-отечески пожурив своих противников, он продолжил работу комиссии и подготовку итоговых предложений. Слушая его реплики, можно было только восхищаться его высочайшим умением искать компромиссы. Появилось истинное спасительное решение: он будет выступать с «личным докладом», следовательно, согласовывать в комиссии (а также где-то вне ее) доклад не надо, подготовить надо лишь проект резолюции, предлагаемой съезду, и краткую объяс-

нительную запись. Это приняли все — за исключением упрямого министра иностранных дел Украины Кравца, который упорно не хотел верить в существование протоколов.

Перечитывая протоколы заседания комиссии и бесчисленные проекты резолюций (их диапазон простирался от стыдливой констатации «вынужденного характера» пакта до немедленного признания «военной оккупации» Прибалтики уже в 1939 г.), я стараюсь понять смысл позиции Яковлева. Определил бы ее так: Яковлев спокойно воспринимал факты и аргументы всех сторон. Он искал оценку пакту не изолированно, не самому по себе, а как ярчайшему проявлению сталинизма во внешнеполитической сфере. Это он и сделал в своем докладе 23 декабря 1989 года, названном одним из выступавших в дискуссии «виртуозным».

Вторая сторона дела, значительно осложнявшая его положение, состояла в том, что ему, бывшему солдату морской пехоты, тяжело раненому под Ленинградом, на этот раз надо было вести бой на два фронта, не только с радикальными прибалтами, но и с консервативной инерцией мышления высшего партийного и государственного руководства, точнее, с теми, кто не хотел безоговорочного, беспощадного разоблачения и преодоления сталинизма. Тень Громыко незримо витала над обсуждениями в Политбюро — среди партийных идеологов и приверженцев «инерционного» толкования советской истории, к которым относились Лигачев, Медведев и многие другие, в том числе Крючков и Язов.

Приближался день 23 декабря 1989 года. Яковлев как в воду смотрел, когда на заседаниях комиссии предупреждал, что радикальным идеям Афанасьева и его прибалтийских коллег отнюдь не обеспечена поддержка на съезде. Даже взвешенный и объективный доклад привел народных депутатов сначала в смущение, затем в возмущение — но не против Сталина, а против Яковлева. Понадобилось все его умение и расчет, оправдавшийся, когда он изложил съезду документ, датированный апрелем 1946 года.

6

Как привыкли мы ругать бюрократов, канцеляристов, эдаких педантов и крючкотворов! А напрасно. Без них для истории, а тем самым для всех нас пропало бы много существенного. Сохранять документы — дело скучное, требующее не столь душевного озарения, сколь безукоризненной точности и даже бесстрастия. «Добру и злу» обязан совершенно равнодушно внимать человек, который должен вести канцелярский учет, ставить штампы, заносить текущие номера в описи.

Конечно, рукописи не горят. Но как их разыскать? Особенно, когда этого не хотят. Тезис о том, что в советских архивах нет ни оригинала, ни копий секретных протоколов, появился на свет давно, примерно в 1948 году. Но у меня были все основания полагать, что эта дата скорее относится к тому времени, когда протоколы запретили искать. На одной из научных конференций в Москве пожилой полковник — военный историк — рассказал, что во времена своей научной молодости он работал вместе с двумя ветеранами исторической науки — академиком В. М. Хвостовым и

профессором Б. Е. Штейном, которые были авторами упоминавшейся выше печально известной «Исторической справки». Так вот они, располагая наискрестными архивами, видели оригиналы протоколов и обменивались мнениями о них. Это было в 1943 году. Я слышал и от ветеранов МИДа, что и в 50-х годах о протоколах говорили люди, посвященные в секреты дипломатической кухни. Но на свет божий документы ни тогда, ни позже не появились.

Сгорели ли рукописи? Как известно, когда речь идет не о литературном творчестве, а об официальных документах, даже при сжигании составляется соответствующий протокол. Мол, тогда-то и тем-то по указанию того-то уничтожены такие-то документы, в чем и составлен настоящий акт, и подписи: такой-то и сякой-то. Вот почему при очередном просмотре канцелярских дел секретариата министра иностранных дел СССР были обнаружены несколько страниц, на первый взгляд вовсе не относящихся к политической документации, а фиксировавших чисто протокольный момент: такой-то сдал, такой-то принял. Но что же сдали, что приняли? Документ занимал три страницы, первая же, самая для нас важная, гласила:

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, за-меститель заведующего секретариата тов. Молотова В. М. т. Смирнов Д. В. и старший помощник министра иностранных дел СССР т. Подчероб Б. Ф. сего числа первый сдал, второй принял следующие документы Особого архива Министерства иностранных дел СССР:

1. Документ по Германии
1. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 3 экземпляра копии этого протокола.
2. Подлинное разъяснение к Секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 года (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.
3. Подлинный Доверительный протокол от 28 сентября 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.
4. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 года (О Литве) (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.
5. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. («О польской агитации») (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.
6. Подлинный Секретный протокол от 10 января 1941 года (о части территории Литвы) (на русском и немецком языках).
7. Подлинный дополнительный протокол между СССР и Германией от 4 октября 1939 года (о линии границы) (на русском и немецком языках).
8. Подлинный Протокол — описание прохождения линии госграницы СССР и госграницы интересов Германии (две книги на русском и немецком языках).

На следующих страницах шло перечисление иных документов, изымавшихся Смирновым и Подчеробом, но не относившихся к нашей теме. На последней странице стояли две подписи — Д. Смирнова и Б. Подчероба.

Теперь, чтобы полностью разобраться в этом абсолютно сенсационном (в момент опубли-

Последняя страница протокола, которым Гитлер и Сталин развязали себе руки в отношении Польши (на немецком и русском языках)

4) Dieses Protokoll wird von beiden Seiten streng geheim behandelt werden.
Moskau, den 23. August 1939.

In Vollmacht der Regierung der UdSSR!

W. Molotow

Ein der Deutsche der Regierung

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

За Правительством Германии.

Уполномоченный австрийской империи

W. Molotow

кования) документе, надо сопроводить его некоторыми разъяснениями, помогающими неспециалистам понять все его значение. Во-первых: как понять, что документы передают друг другу сотрудники одного и того же Вячеслава Михайловича Молотова?

Ответ таков: у Молотова в первые послевоенные годы (точнее — еще с 1939 г.) было две канцелярии. Когда в мае 1939-го он стал наркомом иностранных дел, Молотов продолжал сохранять пост Председателя Совнаркома. Соответственно у него сохранился кабинет и секретариат в Кремле — в том здании с куполом, который виден с Красной площади. Другой кабинет он занял в здании Наркоминдела на площади Воровского, наискосок от ведомства Лаврентия Берия. Это положение не изменилось и после того, как в 1941 году, на самом пороге войны, Сталин занял пост Предсовнаркома, оставив Молотова своим первым заместителем. Так и осталось: один секретариат Молотова располагался в Кремле, он заведовал долгие годы И. Лапшев, после войны заместителем Лапшева был Д. Смирнов. Другой, «дипломатический» секретариат находился в НКВД (затем в МИДе). Им руководил Б. Поддєрб — профессиональный дипломат, занимавший впоследствии посольские посты.

Этот дуализм создавал сложные проблемы. Так, с утра сотрудники «дипломатического» секретариата звонили и спрашивали: куда им ехать? В Совнарком или в МИД? Соответственно расписанию дня они перемещались из Кремля на площадь Воровского (затем, после завершения строительства нового здания, на Смоленскую площадь). Делопроизводство в секретариатах было раздельное.

Таким образом, при подписании нашего акта и встретились представители двух секретариатов: Д. Смирнов извлек документы из одной канцелярии, поименованной «особым архивом», и передал их Б. Поддєрбу, в другую канцелярию. Смысл этой передачи был на первый взгляд неясен. Историки, увы, упустили случай при жизни Б. Поддєрба задать ему такой вопрос. Ясно лишь одно: Молотов захотел иметь под рукой ровные подлинники, иметь их под личным контролем, дабы на и без того секретные документы не бросил бы кто-то посторонний взгляд.

Почему же именно в апреле 1946 года Молотов решил провести такую «транзакцию»? Почему именно весной 1946 года он проявил такой интерес к оригиналам секретных протоколов? Ответ долго искать не надо: он содержится в том же канцелярском деле, где к исследуемому нами акту подшиты сообщения ТАСС из Нюрнберга о том, что адвокат Гесса д-р Альфред Зайдль поднял вопрос о протоколах. Действительно, впервые о протоколах заговорили, когда 26 марта 1946 года в Нюрнберге защитник Рудольфа Гесса д-р Альфред Зайдль попытался ввести в оборот письменное свидетельство бывшего заведующего правовым отделом МИД Германии д-ра Фридриха Гауса о советско-германском договоре 1939 года и секретном протоколе к нему. Далее разыгралась долгая борьба, в которой советский обвинитель добился отвода как этих показаний, так и самого протокола, полный текст которого опубликовала газета «Сан-луи диспетч», а также

другие газеты США. Перевод одной из таких статей, сделанный тогдашним нюрнбергским переводчиком, а затем известным советским дипломатом О. А. Троияновским, тоже оказался в деле о передаче оригиналов. Все это было очень логично и объяснимо: как только весь мир заговорил о доселе никому, кроме посвященных, не известных протоколах, Молотов забеспокоился. Для такого беспокойства у него имелось особое основание. Оказывается, еще перед началом Нюрнбергского процесса был согласован список «запретных тем», которые не должны были подниматься в ходе суда. Союзники назвали свои «табу», советская сторона — свои. В советском списке за номером «два» числился пакт «и все вопросы, имеющие к нему какое-то отношение». Молотов самолично утверждал этот список. Например, 20 января 1946 года Вышинский писал генеральному прокурору Горшенину: «Если этот вопрос еще не отпал, то просьба вам закончить его, предоставив на утв. В.М.». Вопрос не отпал, В.М. (сиречь Молотов) утвердил. И вот табу было нарушено! Можно понять, что в качестве первой «предохранительной» меры В.М. взял документы к себе поближе.

Правда, в нашем канцелярском деле есть одна заковыка. Обычно на таких актах ставится дата. На этом дате нет. Обозначен месяц — апрель и, как бывает, проставлены кавычки для того, чтобы позже вписать число. Вписать забыли? Но даже этот канцелярский изъян не лишает акта взрывчатой силы, заложенной в его строках. Действительно, теперь мы точно знаем:

Первое: секретные протоколы существовали, причем именно в таком числе и под такими названиями, как обозначалось в немецких архивах.

Второе: сразу после инцидента в Нюрнберге Молотов вспомнил о протоколах и позаботился об их сохранности (или об уничтожении?).

Третье: существовали — по крайней мере до апреля 1946 года — оригиналы.

Но этими тремя пунктами не исчерпываются последствия секретной транзакции, состоявшейся в апреле 1946 года.

7

Пути истории неисповедимы, и ее не обязательно делают великие личности. Кто скажет, мог бы принять президент Вильсон решение о вступлении США в первую мировую войну, если бы безвестный радист британского адмиралтейства не перехватил 17 января 1917 года шифrogramму, вошедшую в историю под названием «депеша Циммермана»? Остался ли бы в живых 1 января 1918 года Владимир Ленин, если бы сидевший рядом в машине швейцарский коммунист Фриц Платтен не заслонил его от пули? В любом случае ясно: историю творят не только великие люди. Вдруг на ее арене появляются скромные, никому не известные личности — и все меняется.

...Безусловно, не мог предвидеть своей будущей роли Василий Иванович Панин. Человек скромный, но умелый, до революции — ученый в банке Рябушинского, член большевистской партии с 1918 года, он в 1938 году стал заместителем начальника секретариата Предсовнаркома СССР В.М. Молотова. На его долю выпало ведение всех канцелярских и протокольных

дел, обращение с самыми секретными документами. Он знал многое и, возможно, мог рассказать многое — если бы дожил до сегодняшнего дня. Но в августе 1941 года, когда грянула война, он ушел добровольцем на фронт, и след его пропал. Тем не менее его скромной профессиональной точности мы оказались обязаны при распутывании запутанного пути секретных протоколов.

Дело в том, что к акту Смирнова—Поддєрба оказались подшиты еще несколько страничек, при взгляде на которые у меня буквально заглохнуло сердце. Это были заверенные Паниным копии тех самых оригиналов, которые хранились в секретариате Предсовнаркома — то есть там, откуда их извлек Д. Смирнов. Таким образом, все становится на место: В. Панин, как сотрудник этого секретариата, заверял тексты, Д. Смирнов передавал.

Когда были сделаны копии? Безусловно, до войны, так как Панин погиб в 1941 году. Д. Смирнов стал его преемником на посту заместителя заведующего секретариатом Молотова по Совмину. Опять все сходится! Теперь же можно было проделать простую домашнюю «криминалистическую экспертизу»: сравнить «подозрительную» копию из немецкого архива с безупречной панинской копией.

Что же нам даст «домашняя криминалистика»? Даст достаточно, чтобы раз и навсегда окончить спор о копиях. Судите сами:

1. Хотя попавшая к немцам и советская копии не являются копиями «из одной закладки» в пишущей машинке (некоторые переносы, начала и концы строчек не совпадают), тексты по содержанию на 100 процентов идентичны.

2. Снимаются все подозрения (повторяющиеся и Горбачевым) о том, что, мол, подписи Молотова латинским шрифтом, следовательно, фальшивки. Молотов русский оригинал подписал кириллицей; зато под немецким текстом (и договора, и протокола) решил продемонстрировать свои университетские знания. Риббентроп этого сделать не смог, оба текста подписаны им латиницей.

3. Сравнения текстов и их идентичности дают еще один неожиданный результат: оставшийся у немцев текст и текст Панина отпечатаны на одной и той же пишущей машинке, видимо, принадлежавшей молотовскому секретариату и предназначенной для самых важных работ.

4. Наконец, что касается подписей самого В. Панина, то я имел возможность получить подтверждение их аутентичности в семье бывшего заместителя заведующего секретариатом Молотова.

Остается лишь добавить, что эти выводы относятся не только к секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 года, но и к другим секретным протоколам, которые были подписаны при втором визите Риббентропа в Москву 27—29 сентября и датированы 28 сентября того же злосчастного года.

8

Остается вопрос об оригиналах. Он сейчас имеет лишь историографическое значение, поскольку их содержание известно. Тем не менее можно высказать некоторые суждения и по сему поводу.

Если говорить о подлинниках, оставшихся в немецких архивах, то здесь имеются некоторые неясности. Уничтожил ли их Риббентроп, погибли ли они во время бомбежек — точных сведений нет. Англо-американские следователи, допрашивавшие в 1945 году Карла фон Леша, не обратили особого внимания на судьбу оригиналов, поскольку у них подлинность микрофильмов не вызвала сомнений. Поэтому мы не знаем, погибли ли оригиналы в Берлине, вывозили ли их в Кrummholtz, сожгли ли их в Шенберге.

Но тут появляется еще одна слогосбательная версия. Ее сообщили мне со слов одного из бывших сотрудников «СМЕРШ», который в 1945 году имел отношение к розыску немецкой трофейной документации. Согласно версии, одна из спецгрупп «СМЕРШ», искавшая важнейшие нацистские документы, имела из Москвы особое задание — любой ценой разыскать оригиналы документов 1939 года. Задание было выполнено — документы нашли и отправили в Москву, в адрес Берия.

Если эта версия соответствует действительности, то она помогает понять некоторые события. Например, она объясняет, почему в 1946 году в Нюрнберге наши обвинители смело утверждали о фальсификации, не боясь того, что будут предъявлены подлинники. Но если в Москве уже лежали оба так называемых «коррелята» — советский и немецкий — злопыхательных протоколов, то можно было говорить что угодно. Неожиданное подтверждение вероятности подобной версии я получил в беседе с моим давним и надежным знакомым, ветераном дипломатической службы. Он рассказывал о том, что еще в 70-е годы предпринималась попытка убедить А. А. Громыко в опасности отрицания самого существования протоколов. Но министр стоял на своем, произнес заглавные слова: «Все равно нас никто и никогда не сможет уличить...»

Однако дальнейшие поиски привели меня к совсем другой версии. Другой мой также весьма информированный собеседник из верхних эшелонов, знавший привычки Молотова, сказал с абсолютной убежденностью:

— Нет, Молотов не мог уничтожить оригиналы. Его позиция тогда, в 1946 или в 1948 годах, была сильна. Зачем ему надо было уничтожить? И если уничтожал, то зачем бы он их скопировал? Надо искать дальше.

С согласия моего собеседника в канцелярии Совета Министров СССР был предпринят новый поиск — может быть, там, в архиве Совнаркома, остались следы «транзакции» Смирнова—Поддєрба? Увы, ничего не нашли. Теперь остается надеяться, что будет открыт доступ в доселе недоступные архивы ЦК КПСС, к знаменитым «особым папкам» Политбюро, которые не получила даже комиссия Яковлева. Не исследованы до конца и архивы Молотова (не говорю уже об архивах Сталина). Как говорится, нас еще ожидают неожиданности.

9

Есть неумирающие сюжеты, есть вечные темы. Хотя в 1989 году было сказано веское и, казалось, последнее слово по поводу протоколов, на

этом «несекретная история секретных протоколов» не закончилась.

В своей знаменитой речи А. Н. Яковлев назвал секретные протоколы «миной замедленного действия». Подозревал ли докладчик, что может и сам на ней подорваться?

В конце 1989 года, когда съезд слушал доклад, авторитет члена Политбюро и секретаря ЦК был неоспорим. Даже те, кто на съезде критиковал выводы комиссии, ни на минуту не сомневались в авторитете докладчика. Но вскоре положение изменилось, как изменилось все в самом советском обществе. Горбачевская линия наткнулась на сопротивление — сначала тайное, затем открытое. Оно шло по всем правилам, а одно из них гласит: атака должна иметь цель. Его стал Яковлев.

Сигналом послужил знаменитый антисемитский погром, учиненный обществом «Память» в Центральной Доме литераторов. Там имя Яковлева как «покровителя сионистов» и чуть ли не ставленника ЦРУ было названо открыто. Власть не вмешалась, следствие затянулось на месяцы. И началось: сначала в консервативных журналах типа «Молодой гвардии» и «Нашего современника», а затем и в партийных дискуссионных замесках самые чудовищные упреки в адрес Яковлева. Его даже объявляли скрытым евреем, для чего послали специальную экспедицию в то село Ярославской области, откуда родом коренной русак Александр Яковлев, уже объявленный то Эпштейном, то Яковсоном. Экспедиция оказалась напрасной, но атаки не прекратились.

В длинном списке «антисоциалистических деяний» Яковлеву поставили в вину и признание протоколов. Это сделала не кто иной, как Нина Андреева. Неумолимая защитница Сталина и сталинизма выступила в «Военно-историческом журнале» (1990. № 6), назвав доклад Яковлева «шагом к перекраиванию истории по рецептам западной историографии» и «низвержением классовой морали». Вслед за этим на страницах «Советской России» член Политбюро, секретарь ЦК КП РСФСР Г. Зюганов (будущий соавтор «Слова к народу») прямо поставил под сомнение не только выводы комиссии, но и наличие секретных протоколов. Андрееву и Зюганова понять можно и даже нужно. Ведь их оппонент недвусмысленно сказал в своем докладе, что секретный протокол «точно отразил внутреннюю суть сталинизма» и что осуждение этого документа необходимо для «утверждения нового политического мышления». Вот этого-то и не могли простить Александру Яковлеву его политические противники и, казалось, добивались успеха. Видя, как Яковлев покидает один пост за другим, консерваторы ликovali, предчувствуя реванш. Он не состоялся — а Яковлев оставался спокойным. Недаром он говорил, что история «сама себе прокурор и судья». Остается лишь добавить, что в составлении ее приговора «комиссия Яковлева» и ее председатель приняли столь решающее участие, что могут им гордиться.

БЕСТСЕЛЕР

В ПЕТЛЕ ПОД КАМНЕМ

Публикуя статью писателя Сергея УСТИНОВА, мы представляем его читателям как нового члена редакционного совета «Совершенно секретно».

В конце семидесятых, в разгар брежневского царствования, когда страна в едином порыве прокладывала в тайге БАМ, готовилась к светлому празднику Олимпиады, в общем, широко шагала вперед по дорогам развитого социализма, попутно гневно выкидывая на обочину отщепенцев всех мастей, два знаменитых московских писателя, облаканных, казалось, и публикой, и начальством, сочиняли клеветнический роман.

Клеветали без разбора: на рядового советского труженика, на руководящие кадры, на творческую интеллигенцию, на самую гуманную в мире отечественную психиатрию, на мудрую национальную политику партии и — что уж вовсе не лезло ни в какие ворота — на ее же, партии, вооруженный отряд, дорогие органы. Сочиняли, отлично, надо полагать, понимая, что, узнай о романе где надо (не важно — на Лубянке, на Старой площади или на улице Воровского, где Союз писателей, результат один), придется авторам лично проверить на практике свои измышления. Как минимум насчет органов, а если повезет, то и насчет гуманной психиатрии. Не говоря уж о национальной политике. И о железных челюстях интеллигентных собратьев по перу.

Итак, в 1977 году братья Вайнеры закончили роман «Петля и камень в зеленой траве». Роман, к которому, по недавнему признанию одного из авторов, они готовились долгие годы. Самое заветное, самое дорогое дитя. Написали. Положили рукопись в железную банку, а банку зарыли в землю в укромном месте.

До лучших времен? Помилуйте, да кто смел мечтать о них, глядя, как «верному ленинцу» нестигаемые соратники цепляют на грудь четвертую геройскую звезду? И вообще, мыслимо ли: создать пятисотстраничный захватывающий детектив, в присущей Вайнерам блестящей манере, умный, ироничный, местами смешной, местами печальный, но больше все-таки злой, страшный, трагический, где есть и любовь, и смерть, и страдания, и непредсказуемые зигзаги сюжета, короче, есть все, что делает произведение, как писали раньше в аннотациях, «предназначенным для широкого круга читателей», — и предназначить его для чтения нескольким особо доверенным друзьям? По всем признакам великолепный бестселлер обречен на тираж в четыре машинописные копии!

Ну хорошо, это у нас в стране и в официальной печати. Но ведь не пустили и ни в самиздат и ни в тамиздат, куда давным-давно была протоптана дорожка предшественниками-коллегами. Если творили не для читателей, то зачем старались, мучались, так тщательно выписывали каждую

Братья Вайнеры

Петля и камень в зеленой траве

главку, каждый эпизод? Если уж отважились, написали, выстрадали, отдали годы труда и жизни, то как же можно-то — в банку?!

Загадка. Детектив.

Последнее дело — сочинять роман о писателе, сказал кто-то из классиков. Что верно — то верно. Если писатель принимает писать о писателе, значит, дальше уже некуда. Значит, возникла нужда сказать о себе подобном. Да что там — просто о себе.

Для миллионов читателей и зрителей братья Вайнеры в семидесятые годы — два упитанных обаятельных здоровяка, громкоголосые, самоуверенные балоны судьбы, авторы доброго десятка разошедшихся на ура книг и фильмов. Деньги, квартиры, машины, заграничные поездки. И вот здравствуйте, сочинили образ московского писателя-неудачника средней руки, который задается безумной целью до самых последних подробностей раскопать давнее убийство агента НКВД великого еврейского актера и режиссера Соломона Михоэлса...

От миллионов читателей и зрителей было в ту пору скрыто многое. Лишь в одном из недавних интервью Георгий Вайнер рассказал, как находили к ним дорогу иные из популярных детективов. Как рыскал по рукописям красный цензорский карандаш — и после всех ревностных изысканий безвестных охранителей уже высочайшая рука брежневского зятя Чубанова лично (великая честь!) вычеркивала описание неказистой внешности участкового. Некрасивых милиционеров не бывает! Как стараниями идеологов летели в корзину десятки, сотни лучших страниц. Господи, что за доля — писать криминальные «бестселлеры» в стране победившего

социализма! По правилам увлекательнейшей игры: «да» и «нет» не говорить, красного и черного не называть... Мафии, коррупции, наркобизнеса, похищения детей, ограбления банков, проституции, всеобщего пьянства и разнузданности, просто секса, наконец, — всего этого нет. Во всяком случае, не должно быть. По крайней мере, в книгах. В газетах. На экранах. В любых публичных выступлениях. Не говоря уж о психушках, куда заточают абсолютно здоровых людей, о политическом терроризме НКВД-МГБ-КГБ. Об этом не следовало рассуждать даже один на один.

В романе «Петля и камень...» есть герой, который в детстве много болел, и его заставляли пить рыбий жир. А чтобы задобрить, за каждую выпитую ложку давали пятачок, и он клал его в копилку. Когда копилка наполнилась, ему разрешили вынуть пятачки и самому купить себе новую бутылку рыбьего жира...

Братьям Вайнерам надоел рыбий жир.

Они сочинили очень еврейскую книгу. И очень русскую. Ровно пополам — потому что написана она от лица двух главных героев.

Суламиф Гинзбург, талантливый молодой ученый, литературовед, которая готовит диссертацию по еврейской литературе. За ней тысячелетняя история ее вечного народа. И история совсем недавняя: с погромами, с комиссарскими кожанками, а потом с лагерями и пулями в подвалах НКВД. Впереди у нее антисемитская травля, потеря работы, психушка, чужбина. Она — дочь писателя, убитого наемниками охраны вместе с Михоэлсом.

Алексей Епанчин, талантливый молодой писатель. Уже сама фамилия уводит корнями в глубокую русскую древность (Епанчины — дворянский род одного происхождения с Романовыми, Шереметьевыми). За ним — так присущий (вспомним Достоевского) русскому человеку мучительный нравственный поиск, но с вывертами, метаниями, разгульным пьянством и порывами широкой души. Впереди у него путь диссидентства, слежка КГБ, избения, арест. Он — сын генерала НКВД, который принимал участие в убийстве Михоэлса и отца Суламифа.

Монтеки и Капулетти? Может быть, отчасти... В романе вообще много литературных реминисценций, кажется, даже слишком. От того же Епанчина из «Идиота» до совсем уж тесного сходства с «Карамзовыми»: тут и три брата, в которых понаেশаны буйство, святость и холодная расщепленность, и даже четвертый брат, незаконнорожденный, возникающий в самом конце. Смердяков наоборот.

Но оставим все это будущим исследователям романа, мощного, вскрывающего огромный пласт нашей такой близкой и такой темной истории. Мы задались пока простым и понятным вопросом обывателя, задравши голову наблюдающего за Поступком. Как решились? Чего убоились?

Есть в «Петле и камне...» литературная параллель, которая не прячется и не темнит, а, напротив, бьет в глаза едва ли не излишней навязчивостью. Герой писателей Вайнеров писатель Епанчин, решивший разгадать тайну смерти Михоэлса, вспоминает, что тот всю жизнь мечтал поставить «Гамлета». Ему не дали осуществить замысел на сцене, но остались его режиссерские экспликации, заметки о философской задаче придуманного спектакля. Михоэлс считал, что подвиг Гамлета — в раскрытии страшной тайны. «Я отправляюсь на свой подвиг роковой...»

«Соломон, в чем урок твоей жизни? — спрашивает писатель. — Ты нашел дурака, которого увлекла твоя идея. Я — не Гамлет и не великий комедиант. Но я буду играть не на театре. Я попробую сыграть эту безнадежную роль в жизни».

Литература для писателя — жизнь, а жизнь — литература, что может быть банальнее? А уж отсюда — что может быть банальнее судьбы сотен расстрелянных, замученных в лагерях, загнанных в психушки, вышвырнутых из родной страны писателей. Сейчас — ставший слегка утомлять предмет художественной и мемуарной литературы. В конце семидесятых — живая и очень страшная жизнь.

Соломон Михоэлс так растолковывал режиссерам сверхзадачу Гамлета: «Гамлет призван раскрыть правду. Но как ее раскрыть, когда человек окружен гнилой атмосферой Датского королевства?.. Стоит повернуться — справа на него устремляется Полоний, слева — Розенкранц и Гильденстерн, впереди — Клавдий. Удар в спину наносит Офелия. За каждым углом грозит удар кинжалом. Гамлет для раскрытия истины прибегает к комедиантам, к актерам, к представлению — он преподносит эту правду в виде произведения искусства».

Герой «Петли и камня...» узнает всю правду. До конца. На этом пути он теряет многое, если не все. Ругаются семья, погибает брат, его разлучают с любимой. Но в награду даже распорядится своим знанием он не волен. Ибо у Ведомства Страха, на которое он пошел замануться, еще очень сильные, длинные и цепкие руки. Правда плюс страх равняется молчанию. Петля на шею гарантирует камень на устах.

Братья Вайнеры поставили точку. Роман закончен. На столе перед ними — «правда в виде произведения искусства». Что дальше?

Банка.

Холмик земли.

А сверху, возможно, еще и камень — для верности.

Десяток лет спустя, когда ослабла всеобщая петля, писатели понесли рукопись по редакциям журналов. Один главный редактор испугался потому, что сам еврей: как бы не обвинили в сионизме. Другой был не еврей, но испугался потому, что в его журнале с еврейской темой к тому моменту «назрел перебор». Третий редактор испугался потому, что испугался...

Так и не обретя журнальной аудитории, роман вышел в издательстве СП «ИКПА». Скромным тиражом. Петля ослабла лишь слегка, и камень отвален наполовину. Правда, правда, ничего, кроме правды...

Предлагаемые вашему вниманию «разговоры с Иосифом Бродским» так же, как и опубликованная в «Совершенно секретно», № 9, 1991 г., беседа с Юрием Любимовым, вошли в книгу Александра МИНЧИНА «15 интервью» (Нью-Йорк, издательство им. Платонова).

Александр Минчин родился в 1953 году. В 1977 году эмигрировал в США. Он автор романов «Псих», «Факультет патологии», изданных на русском языке.

Иосиф Бродский — тоже изгой. Выдающийся русский поэт, ныне лауреат Нобелевской премии, он был изгнан властью и мушкетерами с родной земли и нашел приют там же, в Америке.

Беседы Минчина с Бродским — по-своему уникальный документ нашего времени. Они помечены «1980—1984 гг.», но трудно представить их публикацию в России 1984 года: все, о чем идет речь в интервью (книжки, многие имена), тогда мало что значило для советского читателя.

Сегодня мы уже понимаем друг друга. Мы — сегодняшние, они — старые нас почти на десять лет.

Один из худших цитированных стихов, которых я слышал, это Бродский.

А. М.
Памятник пуля не берёт...

Аноним
...Поскольку именно прозвучавшее составляет основу действительности.

И. Б-й

Вопрос: Иосиф, где вы родились?

Ответ: В Ленинграде, но это скучно и неинтересно.

В. Кем были ваши родители?

О. Отец — фотограф, мать — кто-то еще. Саша, честно, я ожидал, что это будет оригинальней.

В. Я прочитал ваше «Посвящается Ялте». Иосиф, это просто гениально.

О. Ну не гениально, но — хорошо.

В. Откуда вы знаете, что это хорошо?

О. Всё, что я делаю, — это хорошо, иначе я не делаю.

В. Вы прочитали стихи Беллы, которые я вам давал? Подборка в «Новом мире», в конце 70-х.

О. Да. Не понравилась совершенно.

В. Почему?

О. Слишком манерная Белла, да и стихи такие.

В. Жаль, мне понравились, думаю, это её лучшие стихи. А Вознесенский вам нравится?

О. Это вообще не поэзия, это нечто другое.

В. А Евтушенко?

О. Евтух? Талантливый мужик, талантливый.

В. Незвестный Рейн, он вам как? Я слышал, что он был вашим Учителем?

О. Ну учителем он мной никогда не был. (У гениального Бродского не может быть учителей! — Прим. авт.) Но мы с ним довольно близко общались, что-то могло повлиять.

В. Кто же тогда вам нравится из современных поэтов в России?

О. Рейн хорош, но он не опубликованный там. Так что он сам по себе. Пожалуй, никто. Впрочем, вспомнил, Александр Кушнер, он живет в Ленинграде, он действительно поэт.

(О вкусах не спорят: в 1987 году я слушал его по приезде в Нью-Йорк и чувствую тоску.)

В. А кто-нибудь из прозаиков нравится?

О. На ум сразу кто-то один не приходит.

В. А Битов, «Пушкинский дом» вы читали?

О. Читал.

В. И как?

О. Никак.

В. Карл все носится с Соколовым, считает, что «Школа для дураков» —

лучшая книга, которую «Ардис» за все годы опубликовал.

О. Он давал мне её на отзыв, до публикации. У нас в Питере так мужики в 50-х писали (в стол), никто и не думал это публиковать.

В. Так кто-нибудь нравится вам в прозе?

О. С вами, прозаиками, вообще нелегко, не так просто разобраться, как с поэтами, да? И хотя я считаю прозу более «презренной» и гораздо ниже, чем поэзию... Да и вообще, разговор о поэзии и прозе давний, если вы заметили, тянется через века... Поэтому, возвращаясь к заданному вопросу: одного кого-то нет.

В. Я только что прочитал «Ожог» Аксенова...

О. Ну и как? (Впервые мелькнула искра интереса в бесцветных невыразительных глазах.)

В. Очень сильный роман, великолепно написан.

О. Да? Вы так считаете? Я с трудом продражал через 1-ю часть, Карл дал для прочтения.

В. А я читал только 2-ю часть, Карл дал для корректирования, обязательно прочтите, хорошо написано.

О. Не думаю, но посмотрим.

В. Кто-нибудь еще, из прозаиков?

О. Я, по-моему, никого не назвал.

В. Ну а великий Солженицын?

О. Эх-х... (Взмах рукой, выражающий «пустое это всё».)

В. Оставим современников, среди которых вы, безусловно, первый в забеге...

О. Я так не считаю, я — в стороне, ни с кем никуда не бегу. А что, кто-то бежит?

В. Я образно выразился, это образ такой.

О. Странные у вас образы, Саша.

В. Я с вами себя очень стесненно чувствую и неестественно говорю...

О. Может, не стоит говорить?

В. Тогда возьмем целый XX век, кто, вы считаете, был лучшим?

О. В русской поэзии — Мандельштам, Цветаева, кто ближе мне, а вообще для меня единственная Поэзия, что можно ею назвать, да? — это великая четверка: Мандельштам, Цветаева, Ахматова, Пастернак.

В. А Гумилев, прекрасный поэт?

О. Для меня он не поэт вообще.

В. Вы серьезно?

О. Вполне.

В. Что тогда Есенин, Блок, Бальмонт, Белый, И. Анненский, Мережковский, Кузмин, Волошин?

О. Блок еще ничего. Вы же меня спросили о действительной поэзии, я вам ответил: только эта четверка. Из течений единственное, которое представляло Поэзию, — акмеизм.

В. Я слышал, что вы не прищипли по душе Великой Вдове?

О. А да, я заявился к ней пьяный, старушка этого очень не любила.

В. Ваши стихи, я слышал, тоже... неужели такое может быть, ведь...

О. Это дело вкуса, кому какие стихи нравятся.

В. Но вкус у нее есть?..

О. Я предполагаю, что да.

В. Поэтам все же не чужда «презренная» проза, ею пользовались и Цветаева и Мандельштам, как вы к этому относитесь?

О. Спокойно. Остались они все-таки известны как поэты.

В. А «Доктор Живаго» вам нравится?

О. Нет, совершенно, очень слабая, распадающаяся вещь, проза поэта. Стишки там сильные!

В. Но именно за него ему дали премию.

О. Это еще ни о чем не говорит. Как раз наоборот.

В. Вы думаете, в будущем они дадут вам Нобелевскую премию?

О. Ответьте сами себе на этот вопрос.

В. Они пропустили многих гениальных людей: Набокова, Платонова, Мандельштама, Булгакова, Цветаеву. Слава Богу, хоть Бунин при жизни не пропустили.

О. Согласен.

В. Хотя поэзия у него, да и первый том, — крестьянской прозы...

О. Стишки у него слабые. С прозой дела были лучше.

В. Кто из прозаиков в XX веке?

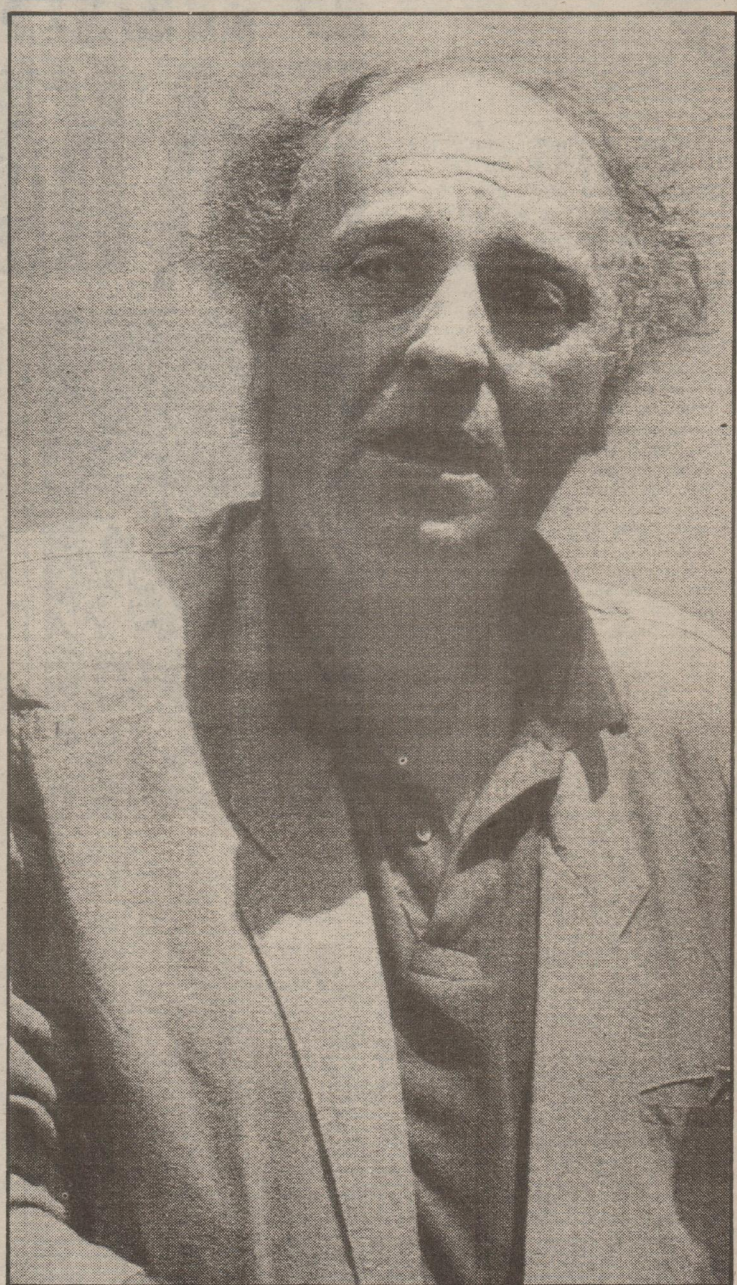
О. Платонов — гениальный прозаик.

В. Абсолютно гениальный стиль, думаю, лучший стилист в нашей литературе.

О. У Булгакова есть неплохие вещицы. Бунина мне нравится.

В. А Набоков?

ВАС ЭТО

НЕ КАСАЕТСЯ

Интервью с Иосифом БРОДСКИМ, которое никогда не было дано, а записывалось по мере общения в жизни

¹ «Метель», «Ожидание слки», «Ада», «Он поправляет пистолет...» «Жидка в покое океаном...»

О. И да и нет, это нелегкий вопрос. И вообще, я устал, хватит на сегодня, а? (И только тут я замечаю, что его ноги в грязных сапогах лежат на двухтомнике Ахматовой, один том в мяской обложке, другой — в твердой, брошенные на стол.)

Семинар Бродского «Поэзия XX века». Мичиганский университет. Аспирантский факультет.

Идет долгий и нудный разбор стихотворения Ахматовой «Подражание армянскому». В произведении 2 строфы, которые мы разбираем 90 минут построчно. Что она имела, что она хотела, почему не сказала. О поэзии XX века из уст самого Бродского (и его интерпретации ее поэзии) никто ничего не узнал. Разочарование.

Следующее занятие. Идет долгий и нудный разбор еще одного произведения Ахматовой. Потом Цветаевой «Попытка ревности».

Наконец в конце семестра на одном из последних занятий аспиранты упростили дать список имен, кого же, он считает, следует читать в XX веке.

— Меня удивляет, что вас это интересует. Прежде всего следует читать...

И он перечисляет имен 20 из английской, американской, французской, ирландской, шотландской поэзии. Потом, разгорячившись, переходит к античности. Вдруг замечает:

— Саша, а вы почему не пишете, вы читали и знаете Вергилия?

— Да.
— Это правда?! (очень удивлен).

Так как Бродский никогда не учился в вузе, он не окончил даже десятилетки, то, естественно, не знал, что в институте на филофаке преподают как Вергилия, так и всю римскую и греческую литературу, по которой на 1-м курсе уже надо сдавать экзамен. Не говоря уже о том, что строфы из Вергилия мы учили по-латыни.

— Вам рассказать «Буколики» или «Георгики»?

— Нет, не стоит. (Остальным: Саша имеет в виду два наиболее известных произведения поэта Вергилия.) Да, кстати, что поэзия как таковая существовала задолго до возникновения прозы, я надеюсь, всем известно?..

В. Ваше отношение к эмиграции?

О. Не положительное. Здесь я общаюсь с людьми, с которыми дома даже и разговаривать бы не стал.

В. А американцы?

О. Американцы — ничего, с ними гораздо легче и приятней. Из всех приобретенных здесь, русских, это только Миша Барышников, уникум, невероятно интересный человек, стихов знает не меньше, чем я.

В. Кем вы себя чувствуете здесь, вы довольно хорошо ассимилировались?

О. Изгоем. Да и там я себя чувствовал — изгоем. Думаю, что я везде и всегда буду чувствовать себя изгоем.

В. Вы тоскуете по своему дому, живущему в Ленинграде? Знает ли он, кто его отец?

О. Не думаю, что вас это касается.

В. Можете звать меня на «ты», я ведь еще...

О. Я знаю, что я могу (произносится подчеркнуто «ч», а не «ш»), но — не хочу.

В. Где вы научились такому глубокому английскому?

О. Я вообще считаю, что два языка — это норма. С рождения. Так и было в России, если помните. До того.

В. Вы действительно принадлежали к кружку Ахматовой?

О. Это не был кружок. Скажем, я был близок к ней, ее окружению.

В. Вам на самом деле нравится ее поэзия?

О. Да, нравится, даже очень.

В. Я совершенно не понимаю (не воспринимаю) ее поэзию.

О. Ничем помочь не могу, читайте букварь, он легче понимается. На лекциях

я пытаюсь это разобрать, но вам, кажется, скучно и неинтересно.

В. Не только мне, всем... Мы ожидали совсем другого от...

О. Это меня, мало волнует, кто что ожидал.

В. Жаль... Кого из западных поэтов вы цените превыше всего?

О. Из американцев мои любимые, а значит и самые сильные, — Роберт Фрост и Эмили Дикинсон. У англичан меня восхищает Оден, также Йетс и Элиот. Надеюсь, слышали о таких?..

В. Что вы! «Где уж выйти замуж, я уж вам уж так уж...»

О. Что вы? Я не понял.

В. Чисто нервно, детская шутка.

О. Я не знал, что у вас с нервами не в порядке.

В. При всем моем уважении...

О. Ну-ну, дальше...

В. Вы не замечали, что вы умеете давить на нервы... беседовать?

О. Вы — собеседник?

В. Ах да, простите...

О. Ну добеседуем в следующий раз.

Да?

В. Карл мне сказал, что он опубликовал Лимонова под большим вашим названием.

О. Не только моим.

В. Вам действительно нравится, что он пишет, его поэзия?

О. Не в том дело. Сам он — эдакий современный Смердяков. Да? Вам не кажется?

В. Зачем же тогда?

О. Алогичность поступков иногда бывает логична.

В. Но к Достоевскому у вас никаких претензий нет?

О. Я не понял вопроса, у меня ни к кому претензий нет, кроме как... впрочем, ладно.

В. Он вам нравится как писатель?

О. Это гораздо более сложный вопрос, чем примитивное «нравится» или «не нравится». Достоевский, с его канцеляризмами, с его канцелярским языком. Позднее — да, нравится, но кое-чего он вначале не умел, потом, правда, научился. Например, писать «скандалы» среди его героев.

В. Кстати, зоологический антисемит был. Да и вообще «расовеннаистик», считали, что он ненавидел 56 национальностей.

О. Но мы его любим («не только за это...»). Кстати, совершенно чудовищный лгул был. Наверно, каждый романист должен им чуть-чуть быть. Хотя в тех условиях, в какие писатель поставлен обществом, — удивляюсь еще, что он не крадет и не убивает.

В. Набоков считал и называл его «шаманом», а не писателем, не очень лестно. А как вы относитесь к поэзии Набокова?

О. Плохо. Очень посредственная, второсортная поэзия. Как поэт он не состоялся, зато как прозаик — он интересен. Но и проза его — манипулятивна, эдакий холодный Актер, всегда за маской, из-за неё не показывается.

В. На ваше отношение к нему ничего не повлияло?

О. Нет, абсолютно. А что, должно было?

И снится мне сон.

— Карл, почему Бродский недолюбливает Набокова?

— О, это замечательная история. Когда-то я привез Владимиру Владимировичу поэму Иосифа «Горбунов и Горчаков», о Иосифе тогда еще мало кто знал на Западе, и спросил его мнение. Набоков прочитал поэму, и она ему очень не понравилась, он сказал, что это вообще не поэзия. Позже я рассказал Иосифу об этом случае (не зная его особенностей и ранимости), с тех пор натурально он и невзлюбил Набокова. Этого никто не знает, и он, естественно, никогда не признается в этом никому.

— А то, что вы послали ему Соколова «Школу для дураков» и она Набокову понравилась, он знал?

— Кажется, я ему рассказывал. Впрочем, отзыв Набокова на обложке книги напечатан. Какие необыкновенные сны иногда снятся. Как пророчества.

В САМОЛЕТЕ, ЛЕТАЮЩЕМ В ДЕТРОИТ, НА ПОХОРОНЫ ИЗДАТЕЛЯ

В. Он был мужественный человек, так долго сражался и не сдавался.

О. И абсолютно спокойно относился к идее смерти, совершенно не боялся.

В. Химиотерапия продлила ему три года жизни.

О. Но какие дикие боли доставляла. Как он смог терпеть все...

В. Вы все преподаете?

О. Да, преподаю. Сею...

В. Сколько лет я вас не видел?

О. Давно не виделось, давно. У вас сигаретки не найдется?.. (Он всегда «стрелял» сигареткой у студентов, друзей, врагов, мимолетных знакомых — у всех, хотя курить было категорически запрещено.) Чем вы занимаетесь, Саша?

В. Живу в Нью-Йорке, женился, только что вернулся из свадебного путешествия.

О. Да?! Поздравляю!

В. Виделся в Париже с Максимовым...

О. Я не знал, что вы его знаете...

В. Говорили о том, что нужно бы интервью с вами для «Континента» сделать. Не о поэзии, а о жизни, слухов много всяких ходит. У вас бы была возможность самому сказать. Ну и потом в России всем будет интересно. Они там вообще ничего не знают.

О. А кто будет делать интервью?

В. Я.

О. У вас есть какой-то опыт?

В. Я сделал для него интервью с Аксеновым, Шостаковичем, Макаровой.

О. Да? И что же случилось? (Вспыхивает, как короткое замыкание, интерес.)

В. Он опубликовал их в разное время в «Континенте».

О. Вот как, даже так? (Выражает достаточную степень удивления.)

В. Так что, Иосиф, если вы согласны, то мы можем сделать интервью с вами?

О. Ну, не так быстро. Но я подумаю.

В. Не бойтесь, «стишки» ваши (как вы любите называть) трогать не буду, только о вашей жизни.

О. Я сказал, подумаю.

В. Иосиф, для «кого» вы пишете, наверное, слишком банальный вопрос, но все-таки интересно было бы послушать ответ?

О. Разминка к интервью? На которое я еще не дал согласие. Пишу я для себя, и только, для себя в проекции.

В. Что же есть такое поэт?

О. Поэт — это образ жизни.

В. Вы пишете великолепные эссе в прозе по-английски, а стихотворения по-русски. Как это объяснить?

О. Когда приходится писать на иностранном языке, это подстегивает. Может, я переоцениваю свое участие в русской литературе (именно участие), но мне это все, в общем, надоело. Прозы я никогда раньше не писал, и если уж приходится ее писать, то, по крайней мере, хоть развлечь себя как-то. А большого развлечения, чем писать на иностранном языке, я не знаю. Хотя почему «чужом», я, по-моему, говорил, что считал два языка — это норма. Стишки пробовал писать по-английски, но не влечет. Вы серьезно решили сделать интервью в самолете?

В. Нет, просто знаю, что вы мне много времени не дадите...

О. Ну, Бог ты мой, зачем же так. Хорошо, я вам дам интервью. Если это доставит вам удовольствие.

В. Спасибо большое. Мне нужно будет пару недель подготовиться. Я хочу, чтобы оно лучшим получилось и, главное, вам понравилось. Когда мы сможем встретиться?

О. Ну, Господи, позвоните мне домой и договоримся. Между моими поездками в Массачусетс.

В. Вы так ездите?

О. Каждую неделю, я там преподаю.

В. В Мичиганский университет возвращаться не собираетесь?

О. Нет, совершенно. Скучно там зимой, тоска. Вы не находите?

В. Да, согласен. Развлечений мало.

О. А вы что, ушли из университета?

В. Да, сразу после вас.

О. Странно, отчего? Вы так рвались туда поступить.

В. С вашей помощью и поступил...

О. Ну не надо преувеличивать. Поступил

пили вы сами, я просто вас рекомендовал. Так что же случилось?

В. Может, не стоит?

О. Давайте-давайте, не тяните, Саша.

В. Был у меня один профессор, который мне за реферат по литературе, итоговую работу по семестру, поставил «С» (тройку). И это в докторантуре.

О. Отчего, тему же вы сами выбирали?

В. Стиль мой не понравился, говорил, что на «стенку от него лезет».

О. Видно, сильные эмоции у него вызвали. И что же?

В. Я попросил его дать мне возможность написать новую работу, а эту оценку в деканат не подавать как окончательную. Так как с тройкой от него, да по литературе, да при том значении, которое придавалось его оценке, я мог уже не писать докторскую диссертацию и искать себе другой «кусочек хлеба».

Профессор уехал в Нью-Йорк, и мы договорились, что я ему пришлю вторую работу в течение месяца. До этого он не будет отсылать финальную ведомость. Когда новая работа была готова, я пришел в деканат, чтобы спросить его адрес. Ученый секретарь спросила, что я посылаю, я ответил: реферат за семестр. Она удивилась, почему так поздно, я сказал. «Он еще три недели назад прислал финальную ведомость в деканат из Нью-Йорка», — сказала она. «У меня тоже проставлена оценка?» «Конечно, у всех его студентов. Сейчас я проверю... у тебя стоит «С».

У вас что-то произошло, личное случилось? Потому что он никому таких оценок не ставит». После этого я, натурально, ушел из университета, потом переехал в Нью-Йорк в поисках работы...

О. Кто был этот профессор?

В. Поэт Бродский.

О. Ну да!! (виноватая ухмылка).

Я такое сделал? А какие остальные оценки были?

В. Все «А».

О. Но работа ваша по Мандельштаму была ужасная, вернее, не сама работа, а стиль. Одна мысль, правда, там была интересная.

В. Какую?

О. Про Мандельштама: да за вас одного я способен возненавидеть весь народ. (И власть, как порождение его?) Да, как же так получилось. Не должен был...

В. Ничего страшного, Иосиф. Не ушли я из университета и не перебрался в Нью-Йорк, не встретил бы свою нынешнюю жену...

О. У вас есть фотография?

В. Да, есть.

О. Красивая, своеобразная девушка.

В. Иосиф, я сейчас вспомнил, а за что на вас обижал Прозанк?

О. А. В., что ли? Он хороший мужик, я его даже люблю по-своему, в Москве еще общались. Разбился на меня, в самом деле, по-страшному...

В. Почему?

О. Общаете, что будет между нами? Я никогда этого никому не рассказывал.

В. Все, что мы говорим, будет между нами.

О. Когда он только приехал сюда, то отдал свой новый роман для публикации по-английски в мое издательство «Фэррар, Страус энд Жиру». Они прислали мне его на отзыв, что и естественно, так как я читаю на языке оригинала...

В. Какой роман?

О. «Поджог». Я им ответил, что думал. О произведении как таковом. Роман был полное г...о (естественно, я отозвался мягче, но не мог я им врать, не мог. Они ему прислали ответ, что отказывают в публикации. Для него это, видимо, важно было: первый большой роман по-английски с момента его приезда на Запад. (Хотя мне, например, все равно — публикуют меня или нет, но я редкий автор, обычно всех нормальных это волнует.) А. В. позвонил в издательство и стал выяснять почему. Там редактором работает одна русская баба (она здесь родилась, но в русской семье), он ее знал через кого-то и спросил, что дал отрицательный отзыв, кто «зарубил»? Так эта дура взяла и ляпнула ему, что рецензию дал Бродский.

Я думал также, что будет лучше для него, возможно, он опубликует что-то более интересное. Через несколько дней он прислал мне письмо, где разнес меня в пух и прах, написал много оскорблений, а в конце — назвал Иудой. То бишь предавшим его...

В. Ну да?!

О. Честное слово, у меня и в мыслях

Валентин БЕРЕЖКОВ

У меня было несколько доверительных бесед с Анастасом Ивановичем Микояном. Они происходили как бы случайно, когда я приходил к нему по какому-нибудь конкретному делу. После того как интересовавший меня вопрос был решен, он обычно предлагал мне задержаться, посидеть, вспомнить старое. Заказывал чай с сушками. Мы располагались в креслах друг против друга, и он начинал рассказывать какую-либо захватывающую историю, связанную со Сталиным. Когда Микоян в 60-е годы занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, его секретари меня предупреждали, что у Анастаса Ивановича для меня имеется не более пяти минут. Поэтому я старался задерживаться в отведенное мне время и тут же собирался ретироваться. Когда Анастас Иванович задерживал меня, ссылаясь на предупреждение его секретаря. А он с хитрой улыбкой говорил:

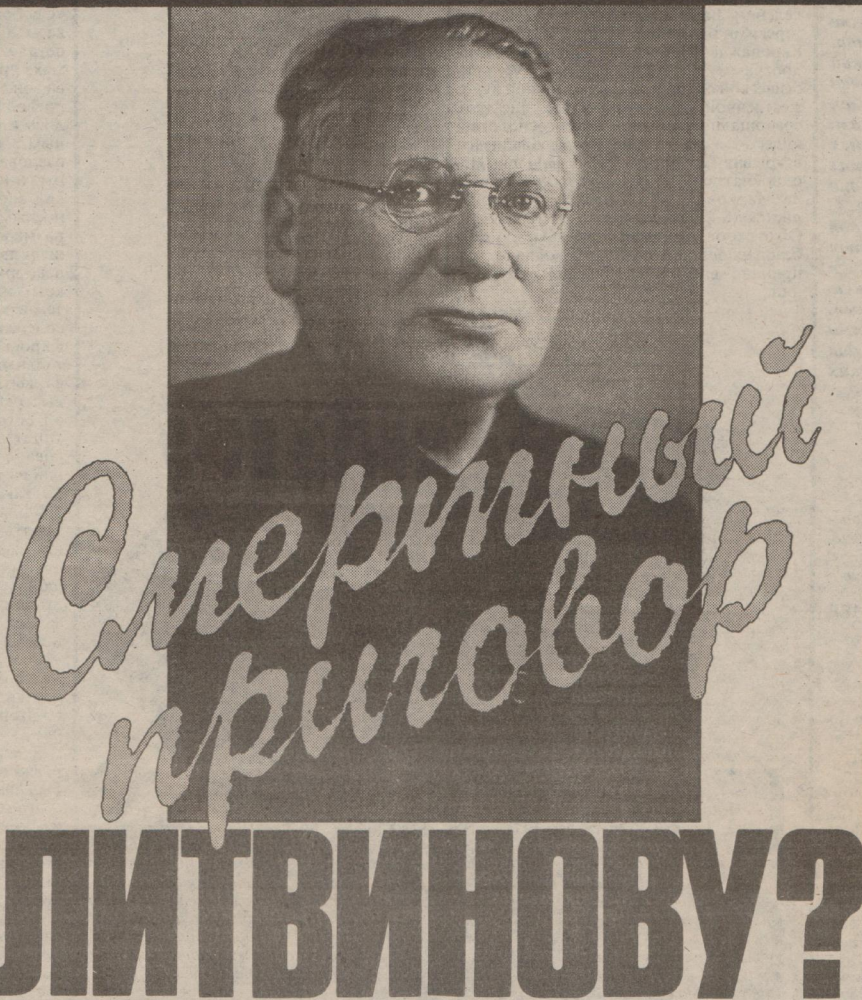
— Ничего там не случится, могут и подождать, — как бы подчеркивая этим, что хорошо понимает церемониальность своего поста.

Когда я в конце концов выходил из кабинета, на меня зверем смотрели собравшиеся в приемной посетители.

Беседа, о которой хочу здесь рассказать, была особенно длинной и предельно откровенной. Это произошло в 1972 году, когда Микояна освободили от президентского поста, но оставили членом Президиума Верховного Совета СССР. В это время журнал «СССР — экономика, политика, идеология», где я был главным редактором, готовил к публикации статью с воспоминаниями Микояна о его командировке в Соединенные Штаты в середине 30-х годов. Я пришел к Анастасу Ивановичу обсудить некоторые уточнения, предлагавшиеся редакцией. Когда со статьей было покончено, Микоян, по обыкновению, предложил посидеть, «поговорить о прошлом». На этот раз он поделился воспоминаниями о Литвинове и Чичерине.

— Литвинов, — начал свой рассказ Микоян, — был умным и острым дипломатом, и Сталин к нему хорошо относился, правда, до определенного времени. Зато Молотов терпеть не мог Литвинова, ревновал, когда того хвалили Сталин, и, собственно, добился того, что Литвинова в конце 30-х годов убрали, хотя он мог еще принести много пользы стране, партии. Не любил Молотов и Чичерина. Именно он убедил Сталина убрать Чичерина. Да и самого Сталина Чичерин не устраивал. Жаль, что опыт и знания этого деятеля не были полностью использованы. Он мог бы остаться хотя бы заместителем наркома или консультантом при Наркоминделе. Вместо этого Чичерин в одиночестве сидел на даче на Клязьме, играл на рояле и преждевременно умер от меланхолии и бездельности. Но все-таки умер своей смертью. Литвинова постигла худшая участь...

Отрывок из новой книги Валентина Бережкова «Как я стал переводчиком Сталина».

Меня это последнее замечание насторожило. Что значит «худшая участь»? Ведь, согласно официальной версии, он скончался от болезней у себя на даче. Между тем Микоян продолжал:

— Верно, что Литвинова решили заменить, когда наметился пакт с Гитлером. Литвинов, как еврей, да еще человек, олицетворявший нашу борьбу против гитлеровской Германии в Лиге Наций и вообще на международной арене, был, конечно, неподходящей фигурой на посту наркома иностранных дел в такой момент. Однако он мог остаться замнаркомом. Его опыт можно было бы использовать. Но Молотов добился того, чтобы его отстранили вовсе. Молотов слабо разбирался в международных делах и не хотел иметь рядом человека, который был в этом отношении более опытен и сведущ. В итоге Литвинов оставался до осени 1941 года не у дел. Только тогда, когда наши дела стали катастрофически плохи, когда Сталин был готов хвататься за любую соломинку, он решил снова использовать опыт Литвинова и направил его послом в Вашингтон. И Литвинов продолжал там огромную полезную работу. Можно сказать, что он спас нас в тот тяжелейший момент, добившись распространения на Советский Союз ленд-лиза и займа в миллиард долларов. Теперь легко говорить, что ленд-лиз ничего не значил. Он перестал иметь большое значение потом, много позднее. Но осенью 1941 года мы все потеряли и, если бы не ленд-лиз, не оружие, продовольствие, теплые вещи для армии и другое снабжение, еще вопрос, как обернулось бы дело. Все это заслуга Литвинова, который использовал личные к нему симпатии Рузвельта и других американских деятелей и помог наладить военное снабжение так же, как в свое время он сумел добиться признания Соединенными Штатами Советского Союза и установления советско-американских дипломатических отношений. Но, как только дела наладились, Молотов снова повел интриги против Литвинова, и его убрали из Вашингтона. Думаю, что этого не надо было делать. Литвинов еще мог много сделать полезного, и его не следовало заменять посредственным, безынициативным человеком.

Вернувшись в Москву, Литвинов, хотя и получил формально пост заместителя министра иностранных дел, фактически оказался не у дел, а потом и вовсе был уволен в отставку. А кончил он жизнь вообще трагично. Автомобильная катастрофа, в которой он погиб, была не случайной, она была подстроена Сталиным...

Меня настолько потрясло заявление об автомобильной катастрофе, о чем я никогда не слышал, что я невольно воскликнул:

— Анастас Иванович, не может быть, я просто не в состоянии воспринять это...

И тут же извинился, что прервал его. Микоян невозмутимо продолжал:

— Я знаю хорошо это место неподалеку от дачи Литвинова. Там крутой поворот, и, когда машина Литвинова

завернула, поперек дороги оказался грузовик, и Литвинов погиб. Все это было подстроено. Сталин был мастером по таким делам. Он вызывал к себе людей из НКВД, давал им задание лично, с глазу на глаз, а потом происходила автомобильная катастрофа, и человек, от которого Сталин хотел избавиться, погибал. Подобных случаев было немало. Такая катастрофа произошла с известным актером еврейского театра Михоэлсом, с советским генконсулом в Урумчи Апресовым и с другими.

У Сталина была причина расправиться с Литвиновым, — продолжал Микоян. — В последние годы войны, когда Литвинов был уже фактически отстранен от дел и жил на даче, его часто навещали высокопоставленные американцы, приезжавшие тогда в Москву и не упускавшие случая по старой памяти посетить его. Они беседовали, конечно, на всякие, в том числе и на политические, темы. В одной из таких бесед американцы жаловались, что советское правительство занимает по многим вопросам неуступчивую позицию, что американцам трудно иметь дело со Сталиным из-за его упорства, и так далее. Литвинов на это сказал, что американцам не следует отчаиваться, что неуступчивость эта имеет пределы и что если американцы проявят достаточную твердость и окажут соответствующий нажим, то советские руководители пойдут на уступки. Эта, как и другие беседы, которые вел у себя на даче Литвинов, была подслушана

и записана. Ее доложили Сталину и другим членам Политбюро. Я тоже ее читал. Поведение Литвинова у всех нас вызвало возмущение. По существу, это было государственное преступление, предательство. Литвинов дал совет американцам, как им следует обращаться с советским правительством, чтобы добиться своих целей в ущерб интересам Советского Союза. Сперва Сталин хотел судить и расстрелять Литвинова. Но потом решил, что это может вызвать международный скандал, осложнить отношения между союзниками, и он до поры до времени отложил это дело. Но не забыл о нем. Он вообще не забывал таких вещей. И много лет спустя решил привести в исполнение свой приговор, но без излишнего шума, тихо. И Литвинов погиб в автомобильной катастрофе...

Учитывая важность всего того, что Микоян тогда мне поведал, я спросил, могу ли я, разумеется, со ссылкой на него, использовать этот рассказ в одной из моих работ.

— Надеясь, — ответил Анастас Иванович, — что я сам, когда подойду к этому периоду, все расскажу. Но если не успею, то вы можете, в зависимости от обстановки и по здравому суждению, воспользоваться данной информацией...

Вернувшись в редакцию, я сразу же записал беседу с Микояном самым подробнейшим образом, и все эти годы хранил запись в надежном месте.

Хочу лишь добавить, что имеется и несколько другая версия причины освобождения Литвинова с поста посла СССР в США. Суть ее в следующем: во время поездки Молотова весной 1942 года в Лондон и Вашингтон западные державы дали обещание в том же году открыть второй фронт в Европе. Вскоре, однако, они отказались выполнить свое обещание. Это вызвало волну возмущения в общественных кругах Англии и США. В Америке проходили митинги протеста, выступили на которых приглашали и Литвинова. Естественно, что он при этом критиковал поведение правительства США. В одной из бесед со Сталиным посол США Гарриман дал понять, что президент Рузвельт недоволен подобными выступлениями советского посла. Посол, добавил Гарриман, не должен допускать нападков на правительство, при котором он аккредитован.

Это выглядело как объявление Литвинова персоной нон грата. Для Сталина, недолюбливавшего Литвинова, нашелся повод отозвать его в Москву. Возможно, тут сыграли роль и интриги Молотова, на что указывает Микоян. Вместе с тем Сталин опутил себя узелковым тем, что его послу американцы указали на дверь. Видимо, в Вашингтоне полагали, что взамен Литвинова им пришлют из Москвы какого-либо высокопоставленного деятеля. Но тут Сталин решил шлепнуть Америку по носу и пошел на беспрецедентную акцию: попросту передвинул в посольское кресло советника посольства Андрея Громыко.

Димитр БОЧЕВ родился в 1944 году в г. Силистра, Болгария. Учился на историко-философском факультете Софийского университета. За критику коммунистической системы и идеологии был исключен из университета, подвергался арестам и высылкам. В 1972 году бежал на Запад. С тех пор живет в ФРГ. Работал внештатным сотрудником радио «Немецкая волна» в Кельне. С 1975 года — редактор в болгарской секции радио «Свободная Европа» в Мюнхене, где ведет культурно-публицистическую программу «Контакты». Выступает со стихами и публицистическими статьями в болгарских эмигрантских периодических изданиях.

Димитр БОЧЕВ

Каждая эпоха отливает расстрельные пули и воздвигает эшафоты, всем зримые, чтобы сделать великие слова непостижимыми для маленьких людей.

ИВАН ЦАНЕВ

Для любителей статистики: Георгий Ив. Марков родился в 1929 году в С. рин. В Болгарии он издал семь книг прозы (роман, сборник повестей, сборники рассказов). Он автор многих ставившихся на всех сценах страны пьес. По его произведениям снимались кинофильмы. 15 июня 1969 года в Государственном театре сатиры в Софии состоялась премьера его социальной, остро-критической пьесы «Я был он». После того как занавес опустился — это был первый и последний спектакль по пьесе, — какой-то разъяренный полковник госбезопасности кричал на весь театр, что это «чешская пьеса». В те времена, когда память о «пражской весне» и о ее разгроме армиями Варшавского пакта была жива, как свежая рана, эпитет «чешский» был не просто обвинением, а настоящим приговором. Окончательно поняв, кто ему противостоит и чего можно ожидать после скандальной премьеры, Марков немедленно покинул Болгарию — навсегда. Он обосно-

вался в Лондоне, получил должность штатного сотрудника в болгарском отделении Би-би-си, сотрудничал с болгарскими редакциями радио «Свободная Европа» и «Немецкая волна». В сотнях программ с захватывающей публицистической силой и исключительной художественной убедительностью писатель беспощадно громил мир господствующего в Болгарии неофеодализма, вскрывая его лицемерие и фальшь. Неоднократно болгарская сторона угрожала Маркову, требуя прекратить журналистскую и литературную деятельность. Об этом он уведомлял западные службы безопасности. Последние, однако, не приняли всерьез анонимных запугиваний.

УКОЛО
ЗОНТИКОМ

7 сентября 1978 года около половины седьмого вечера Марков пешком переходил расположенный неподалеку от Буш-хауза, здания Би-би-си, мост Ватерлоо через Темзу. Когда он проходил мимо автобусной остановки на мосту, «случайный» прохожий толкнул его, «случайно» уколол его наконецником зонтика в правое бедро, на ломаном английском с сильным славянским акцентом извинился, остановил первое попавшееся такси и исчез. Вскоре после этого происшествия Марков обнаружил маленькую ранку — обгренную свежей кровью точку диаметром два миллиметра в верхней части бедра, в том самом месте, куда прохожий уколол его зонтиком. На следующий день вокруг точки появилось желтоватое круглое пятно около полутора сантиметров диаметром. Началась постоянная лихорадка, подскочила температура. Временами Марков терял дар речи. «Скорая помощь» увезла его в отделение лондонской больницы Сент-Джеймс. Несмотря на все усилия врачей, состояние его катастрофически ухудшалось: распухло лицо, голова. Начал харкать кровью. 11 сентября около 11 часов утра Марков умер.

Несколько ранее, 26 августа 1978 года, в парижском метро подобное нападение было совершено на бывшего сотрудника болгарской госбезопасности, ставшего

политическим эмигрантом, — на корреспондента болгарского отделения радио «Свободная Европа» Владимира Костова. По счастливой случайности Костов остался жив. Однако, узнав о симптомах, предшествовавших смерти Маркова, он вспомнил, что непосредственно после нападения те же симптомы появились и у него. Он обратился за повторным, основательным медицинским обследованием, в результате которого хирурги вынули из его спины металлический микрошарик, наполненный смертоносным ядом рицин. В этом шарике, размером всего 1,7 миллиметра, имелись два микроскопических, незаметных невооруженным глазом отверстия, закрытых желатиновой субстанцией. При температуре тела эта субстанция тает, содержимое шарика вытекает и, попав в кровь, приводит к ее отравлению — летальный исход неизбежен. В тело Костова вытекла лишь незначительная доза выстреленного в его спину яда. Случай с Костовым, однако, побудил к новому, тщательному обследованию тела Маркова, в результате которого врачи извлекли из верхней части правого бедра точно такой же микрошарик. После того как было бесспорно установлено, что смерть Маркова — политическое убийство, дело ру. болгарских тайных служб, «львы» английского парламента направили министерству иностранных дел Болгарии ноту протеста, полагая, что тем самым они исполнили свой моральный и профессиональный долг.

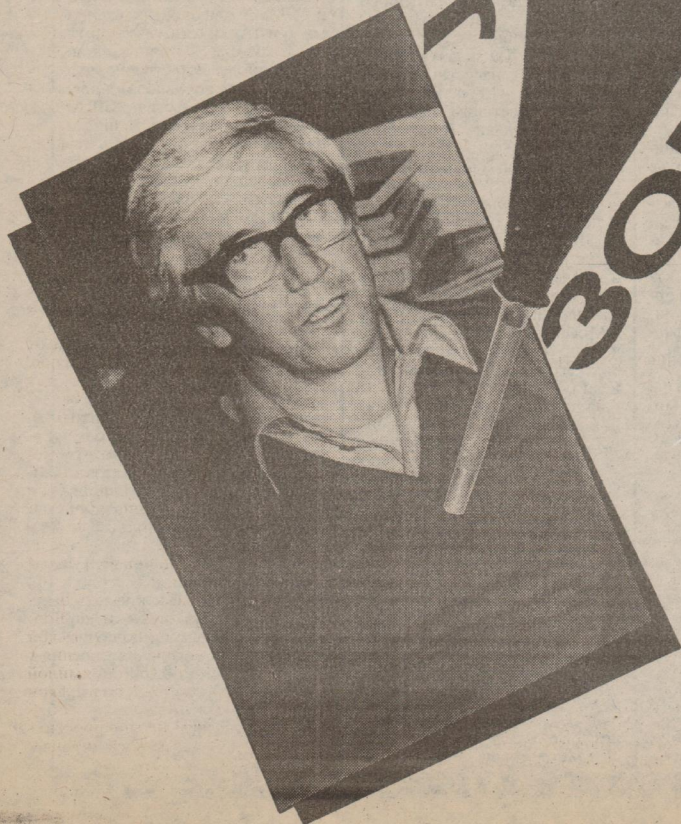
Георгия Иванова Маркова похоронили 4 октября 1978 года на кладбище деревни Уайтчерч Кеноникорум (графство Дорсет Даунс, в юго-западной Англии).

У него остались жена Анабель и дочь Александра. После его гибели на Западе был издан двухтомник его мемуаров «Загадочные репортажи о Болгарии» и сборник «Эссе» на болгарском языке, а в 1983 году лондонское книгоиздательство «Вайденфельд и Николсон» выпустило книгу его репортажей «Истина, которая убивает» на английском. Можно сказать, что жизни и гибели Георгия Маркова пресса и общественность Свободного мира уделили не больше внимания, чем принято уделять обыкновенному, среднему футбольному матчу...

Писать о мертвых трудно. Не только потому, что смерть близких отнимает что-то и у нас, а еще и потому, что в каждой букве бьется неутраченная тревога: наступит день, когда и о тебе будут писать так же.

Я не знаю другой цивилизации, которая с такой легкостью, как наша, расстается с живыми и в то же время с таким ужасом смотрит на смерть. Вряд ли неприятие смерти можно объяснить победой, торжеством инстинкта самосохранения. Я лично не могу поверить, что тяга к жизни становится сильнее благодаря демонизации смерти. Не противопоставление жизни и смерти, а их неразрывная связь, сознание того, что любое жизненное начало в своем зародыше таит трагизм предстоящей гибели, а каждая смерть вселяет веру в новую жизнь, делает нас сопричастными к тому вечному круговороту жизни между божественным и человеческим, который отличает нас от камней и деревьев.

К добру или к худу, болгарская литература несравненно в большей степени, чем любая иная европейская литература, всегда была явлением общественным. И, как таковая, в своем целостном историческом развитии она являет собой пример творчества писателей, преследуемых и убиваемых, самоубийц и изгнанников. Тот, кого еще не убили, спешил опередить своих убийц и накладывал на себя руки; кого не изгнали из отечества, торопился успеть раньше своих гонителей и преследователей — сам покидал свое отечество. Показательно, что лучшая болгарская литература создавалась в изгнании, в эмиграции. Даже основоположники болгарской письменности святые Кирилл и Мефодий творили, можно сказать, в пожизненном изгнании. А художественное наследие таких писателей, как Ботев и Вазов, Алеко Константинов, Яворов, Дебелянов, Пенчо Slaveйков, Константин Величков, Гео Милев, Димитр Бояджиев, Пеню Пенев, Чудомир, Атанас Славов, весьма недвусмысленно доказывает, что изгнание, соседство смерти является трагической литературной школой.

Будучи привилегированным членом Союза болгарских писателей, Георгий Марков говорил: «Нам платят, чтобы мы не писали». Его трагическая гибель добавила: «И убивают, потому что пишем». Мне кажется, палачи примирялись бы с эмиграцией Маркова, и с его протестами, не будь творчества Маркова, они просто обелили его образ истеричными, вышедшими из употребления ярлыками вроде «изменник родины», «враг народа», провозгласили бы его платным агентом гонимой разведки. Однако, по сути, его подлинным убийцей стал его же собственный талант. Его непростительным грехом, его мучителем и палачом явилось то, что он скорее и яснее всех других постиг решающую истину: художественное слово — самое сильное, самое могущественное и самое естественное противодействие всякой диктатуре и всякому насилию. Его апостольская самоотверженность отравляла жизнь, будоражила покой софийских сталинстов. Как сова в басне болгарского сатирика Стояна Михайлового не может простить светлячку его свет, так и партийная элита, с которой Георгий Марков постоянно срывал маску, пошла на мсть за разоблачающий свет его слова.

Георгий Марков стал для Болгарии тем же, кем, по словам Достоевского, являлся для России Пушкин: явлением пророческим. С той, разумеется, разницей, что это пророчество выходит за пределы границ моей родины и является грозным предостережением для всего мира. Знаменательно и то, что свободное литературное творчество вынуждено выбирать между «родным» террором и негостеприимностью Свободного мира; знаменательно и то лакейское усердие, с каким государственные мужи этого мира приняли Маркова как неопределенного и нежеланного гостя, расстелив в то же время красные ковры под ногами его палачей, знаменательно и слепота этого большого от пресыщенности общества, которое свято верит в то, что права человека можно разделить географическими и политическими границами, оставляя в неприкосновенности собственные интересы и строя собственную свободу на бесправии других. Для западных стратегов и восторженных поборников и штурманов диктатуры мирное сосуществование в действительности означало лишь одно — примирение со злом. Они и знать не хотели и ведали не ведали, что сделка свободы с несвободой порождает по л у с в о д у. Они даже сейчас не подозревают, что яд, который поразил сердце Маркова, давно проник в их собственную теплохладную кровь, что акция против Маркова — это акция и против них самих.

Как теперь стало достоверно известно, Георгий Маркова убили не столько просто за сотрудничество с Би-би-си и «Немецкой волной», сколько за конкретные, переданные радио «Свободная Европа» репортажи о Болгарии, и особенно те, в которых он, основываясь на личных впечатлениях, раскрывает облик Тодора Живкова, главы болгарских коммунистов, человека, благополучно пережившего и чистокровный сталинизм, и обманчивую десталинизацию, и настоящий неосталинизм, а затем ринувшегося в лицемерную перестройку. Вот почему я не могу отделиться от мысли, что дата убийства Георгия Маркова не случайно совпала с днем рождения диктатора — 7 сентября. Это совпадение приобретает символический смысл, ибо акция против Маркова — дело единой эффективно действующей системы, всецело подчиненной регламентированному обществу.

Еще менее случайными мне представляются откровения министра внутренних дел Димитра Стоянова, с которыми он выступил по болгарскому радио и телевидению в первые же дни после покушения: «Наши враги нигде не укроются от нашей руки. Мы не знаем границ. Контрреволюция должна знать, что для нее нигде нет надежного убежища».

Для убийства на родине в 1974 году из Дании выманили политического эмигранта Бориса Илиева Арсова. Комментируя антикоммунистическую деятельность Арсова за четыре года до нападения на Маркова, газета «Отечествен фронт» писала черным по белому: «Своевременное вмешательство органов государственной безопасности кланет конец этой деятельности... Арсов оста-

ся целенаправленным врагом — жалким в своих усилиях бороться с народной властью. Этого мы не допускали... и не допустим, ибо рука справедливости всегда длиннее ног предательства». По тому же поводу и в то же самое время, гордо отчитываясь о том, как Арсов «был обезврежен», газета «Народна младеж» предупреждала: «Та же участь ожидает каждого, кто предал забвению ценности понятий «родина» и «народ» и поставил себе цели, давно выброшенные историей на политическую свалку». После такой наступательной кампании, после провозглашения такого откровенного цинизма и жестокости вряд ли кто-нибудь на Западе может прикрыться извинениями, что будто бы он не знал, не предполагал, не допускал мысли о чем-либо подобном.

В наше время информационного взрыва лишь тот не знает, кто не хочет знать, кто предпочитает уют блаженной слепоты риску прозрения. Так что в основе безучастия и равнодушия парламентарных обществ лежит отнюдь не неосведомленность и не христианское смирение — непротивление злу, но великий самообман, будто бы таким образом Запад выживет, если не нравственно, то хотя бы физически. Пусть соотечественники похищают своих соотечественников и расправляются с ними у себя дома — только бы нас не трогали, только бы не портили наши пикини и уик-энды своими злодеяниями! Таков психологический феномен мелкого и среднего буржуа с его терпимостью к человеконенавистническим коммунистическим и прокоммунистическим доктринам. Не без основания Ионеску утверждал, что буржуазия по природе присущ некоторый первородный инстинкт самоуничтожения.

В этой связи приведу еще одну примечательную деталь: в день покушения на Маркова в болгарском посольстве в Вене был устроен прием по случаю выхода в свет на немецком языке сборника избранных трудов первого секретаря ЦК БКП и председателя Госсовета НРБ Тодора Живкова. Книга называлась «На службе мира, сотрудничества и прогресса». А хвалебное предисловие к ней написал не какой-либо функционер австрийской компартии, а собственноручно тогдашний президент Австрийской Республики д-р Рудольф Кирхшлегер. Книгу выпустило влиятельное австрийское издательство с символическим названием «Европа». Замечу еще, что Вена — не только столица Австрии, но и центр болгарского шпионажа против Свободного мира. А если учесть и то обстоятельство, что до того, как занять свой пост, тогдашний посол в Вене Стоян Георгиев в течение ряда лет под именем Стояна Димитрова был шефом Управления ГБ по Западной Европе, то легко представить, какой напиток пенился в бокалах, которые поднимали на приеме, провозглашая здравицу в честь автора книги «На службе мира, сотрудничества и прогресса»!

А в тот день — в день приема — и на следующий день, когда Георгий Марков боролся со смертью, австрийское телевидение передало обращение Тодора Живкова к австрийскому народу по случаю его предстоящего посещения Австрии. Оказалось, что даже палачу не составило труда, прибегнув к помощи бульварного, изрядно потрепанного бюрократического языка, убедить граждан Свободного мира в том, что классово-партийный гуманизм есть подлинный гуманизм. За последние десять лет Тодор Живков посетил и Австрию, и ряд других демократических стран. На всех маршрутах его приветливо встречали, по его пятам следовали толпы журналистов: и либералы, и консерваторы, и коммунисты, и полкоммунисты, и некоммунисты — самоотверженные и самозабвенные представители западной прессы, которые в собственном доме беспощадно бичуют пороки, устраивают расследования, будоражат общественное мнение на целых континентах, снимают президентов, перетряхивают правительства. Но никто из них не спросил о судьбе Георгия Маркова, никто не осмелился среди праздничных коктейлей хотя бы напомнить о его гибели.

Заключу одним личным воспоминанием.

В первую годовщину убийства Маркова я послал в «Зюддойче цайтунг» — как платное объявление — некролог следующего содержания:

ЦЕНЗУРА ПУТЕМ УБИЙСТВА Первая годовщина убийства болгарского писателя-эмигранта, одного из самых блестящих мыслителей Болгарии Георгия МАРКОВА

Тебя больше нет, но твои мысли остаются, как остаются навечно твои место в болгарской литературе и в сердцах болгар.

11 сентября 1979 года

Твои друзья

Как известно, подобного рода публикации на страницах «Зюддойче цайтунг» не дешевы: редакции они приносят колоссальные барыши. Однако, изменив алчности капиталистической природы, газета лишила себя права прибыли и отказалась опубликовать некролог. Тогда я потребовал объяснений от главного редактора, д-ра Хайгера. Доктор, оказывается, был задет тем, что я назвал смерть Маркова убийством. И это — главный редактор газеты, которую никак нельзя прекрывать в симпатиях к коммунизму или даже просто левым взглядам! И это тогда, когда расследования Скотленд-Ярда и британской службы по борьбе с терроризмом были завершены, а их результаты оповещены по всему Свободному миру! На телевизионных экранах и на первых страницах прессы появилось изображение найденного в бочке Маркова микрошарика, в жаргон криминалистов прочно вошел злобный термин «болгарский зонтик», под которым невозможно укрыться ни от дождя, ни от солнца. А вот главный редактор газеты, имеющей многомиллионную читательскую аудиторию, не сумел отличить естественную смерть от политического убийства. Тогда я был новичком в эмиграции и наивно верил, что вещественные доказательства в состоянии противоборствовать упомянутому буржуазному инстинкту самоуничтожения. Поэтому я ответил доктору, что своим нежеланием разобраться в фактах он напоминает экальтивированных последователь фюрера, которые и по сей день верят, будто Дахау и Бухенвальд были санаториями для нуждающихся. Я спросил газетного босса, не настораживает ли его это сходство. Ответа на это второе письмо я так и не дождался.

ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ СТАТЬЮ ДИМИТРА БОЧЕВА КОММЕНТИРУЕТ ПИСАТЕЛЬ МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

Совсем недавно я побывал в Болгарии, где беседовал с бывшими сотрудниками Первого главного управления — болгары скопировали у КГБ название своей разведки. «Нежная» революция изрядно потрепала ее, вынула из состава единого министерства внутренних дел, превратила как у нас, в самостоятельное ведомство, замкнутое непосредственно на президента страны.

Много говорили о Георгии Маркове: его история не закрыта, она всплывает время от времени и будоражит умы. Прежде всего, оказалось, что само досье на Маркова предположительно уничтожено и вроде бы не осталось никаких следов, доказывающих или опровергающих убийство. Так ли это? Думается, что расследование деятельности КГБ, начатое после путча, пролетело немало нового на дела террористические: болгарская акция не могла проходить без санкции Ю. Андропова и тогдашний начальник разведки КГБ В. Крючкова, и если сожжены документы, то живы их составители.

Генерал Калугин еще летом 1990 года утверждал, что КГБ оказывал помощь болгарам при подготовке операции, в частности, в Софии и Лондон выезжал генерал Голубев для «консультаций». Что это были за консультации? Этого мы пока не знаем. Кое-кто считает, что Маркова вообще не убивали, а Костов, на которого якобы ранее было совершено покушение, попросту все выдумал, ибо и до него в болгарской разведке хватало перебежчиков и у них и волос с головы не упал. Многие не без основания считают, что западные спецслужбы умышленно приклеили болгарской разведке ярлык террориста и раздули все дело, как это было с причастностью болгарской разведки к покушению на папу римского: как известно, суд над Антоновым, якобы организатором покушения, ничего не доказал, а совсем недавно на слушаниях в сенате США тогда кандидата на пост директора ЦРУ Р. Гейтса выяснилось, что последний в бытность свою замом шефа ЦРУ Кейси требовал от подчиненных доказать «болгарскую связь» с покушением, толкал их на составление, мягко говоря, тенденциозных докладов.

Действительно возникает вопрос: почему именно болгарская разведка оказалась единственной в «семье» социалистических стран, вставшей на путь политических убийств? Даже КГБ, имевший богатые традиции «эсов» и вроде бы закончивший свою террористическую деятельность в 1959 году, когда был убит Степан Бандера, не трогал своих диссидентов за рубежом, по крайней мере даже из уст ЦРУ не было слышно обвинений в убийстве Галича или Амарьика, погибших вроде бы в результате несчастных случаев. Исключение, пожалуй, является лишь убийство Амина во время штурма президентского дворца, но эта акция больше вписывается в «революционный переворот», нежели в тайное политическое убийство. Впрочем, история чехизма еще не написана, до сих пор мы довольствовались лишь верхушкой айсберга.

У меня лично нет сомнений, что Георгий Марков был убит. Такая участь была ему уготована не только из-за его диссидентства и вешания по Би-би-си на Болгарию — Маркова убили, ибо он был вхож в самый верхний эшелон политической элиты, хорошо знал Тодора Живкова и даже, говорят, имел близкие отношения с дочерью всевышнего генсека, членом политбюро и министром культуры Людмилой Живковой. Маркову слишком много было известно о персоналиях болгарской политической кухни, он был чистен и талантлив, и потому его ненавидели особой ненавистью и с паникой ожидали каждого его выступления. Режим не мог простить «ренегатства» бывшему любимцу, осмелившемуся поднять руку на вождей «процветающей Болгарии», и заставил его навсегда замолчать.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Сергей КУРГИНЯН,

главный режиссер «Театра-студии на досках», кандидат физико-математических наук, председатель правления корпорации «Экспериментальный творческий центр»

«В НАЧАЛЕ ПУТИ...»

М есяцев шесть назад нам рассказали, что один из демократических лидеров заявил: «К началу сентября Павлова скинут, и вместе с ним падет империя Кургияна». Фраза эта вызвала гомерический хохот моих немногочисленных и плохо обустроенных научных сотрудников. Меня же — натолкнула на серьезную мысль. Только сегодня я могу поделиться ею с читателями. До сих пор приходилось молчать.

Дело в том, что ряд мифов, окружавших «мое империя», не мог быть опровергнут в условиях премьерства Павлова и видимости власти КПСС. Чем больше я в этих условиях стал бы опровергать результаты «журналистских расследований», тем больше напала бы на мое имя вся эта белиберда. Факты ничего не значили в тогдашних условиях.

Теперь вся эта мишура обвалилась. И новая ситуация наконец-то позволяет всем желающим проникнуть в тайны корпорации «Экспериментальный творческий центр». Более того, сейчас просто нет никаких оправданий тому, что эти тайны останутся скрытыми от общественности. И я этому очень рад, поскольку тайн — нет и скрывать абсолютно нечего.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ
«ИМПЕРИЯ КУРГИНЯНА»?

Э то важно, поскольку речь идет не только о понимании вчерашнего политического процесса, но и о перспективах на будущее. Вот почему я вынужден разочаровать любителей тайн и секретов. Мне как-то грустно даже расставаться с той аурой, которая создана была вокруг моей корпорации. И все же считаю необходимым во всеуслышание заявить, что «царствие мое не от мира сего».

Конкретно. Не только каких-либо внешнеэкономических льгот, но и попросту никаких финансовых средств мы ни от кого не получали, включая наших общеизвестных покровителей и «крестных отцов». Это объективный факт, и общественному сознанию придется его как-то осваивать, хотя бы теперь, после очеред-

ных проверок и перепроверок.

Общий оборот нашей корпорации — несколько десятков миллионов рублей, прибыль — несколько миллионов. И это все до копейки затрачивается на финансирование некоммерческих проектов в области культуры, образования, науки, здравоохранения. Политическими и социологическими исследованиями занимаются в корпорации несколько десятков ученых, получающих за это достаточно скромную заработную плату. Остальные работники нашей «империи» строят дома, конструируют приборы, чертят проекты, снимают фильмы, доказывают теоремы и ни в какой политике вообще не участвуют. Точнее, занимаются ею как граждане, имея свои убеждения, чаще всего, как это принято нынче, «демократические». Многие из них были на баррикадах в печально знаменитые августовские дни, в том числе и представители тех «грозных спортивных клубов», которые, согласно легенде о нас, являются якобы отрядами будущих штурмовиков.

Что касается пива, то советского, увы, нет, а зарубежное сотрудникам нашей корпорации не по карману. Хотя, думаю, что они бы не отказались.

Помимо мифа о павловских «льготах» был еще и другой — об «отмываемых» в нашей кассе «миллиардах КПСС». Миф этот тоже лопнул, как мыльный пузырь. На нас как бы даже обиделись за то, что мы этого не делали и тем нарушили стройность легенды.

МОГЛА ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ
«ИМПЕРИЯ КУРГИНЯНА»?

Н и лидеры КПСС, ни Павлов, ни промышленники Тизякова (судя по статьям, ужасно любившие читать нашу книгу «Пострестройка»), ни «ужасный человек», на чьем столе при обыске на-

шли эту же книгу, «зачитанную до дыр» (не правда ли, пикантная ситуация?), в принципе не могли заниматься созданием подобной «империи».

Я легко могу себе представить, что, ложась спать и читая на сон грядущий какую-нибудь нашу работу, все они, возможно, говорили о нас: «Ну и умные же ребята!» По утрам начинался рабочий день. А мысль об «умных ребятах» оставалась у них под подушкой. Кстати, подобная мысль отнюдь не давала нам всем индустриальным при победе переворота, скорее наоборот.

Итак, по одну сторону были «умные ребята», по другую — высокие государственные мужи, которых, вместе взятых, я определял и определяю термином «олигархия».

По-человечески для меня сейчас очень важно не отмежевываться от них. И в своих предыдущих выступлениях после «пучка» я для этого сделал достаточно. Но политически, методологически важно понять, что именно отделяло и отделяет «группу власти» от всякого рода «умных ребят», которых в нашем обществе вообще-то достаточно. «Олигархичность» означает для меня оторванность аристократии (высшей страты любого общества) как от среднего слоя, так и от общества в целом, причем такую оторванность, которая лишает эту верхнюю страту жизнеспособности в экстремальных условиях.

Экстремальные условия в нашем обществе возникли уже в 1988 г. И начиная с этого времени олигархия делала судорожные попытки преодоления абсолютной кастовой замкнутости, косности мышления, элементарности стереотипов политического действия. Но это были попытки с негодными средствами. Чаще всего их предпринимали отдельные представители олигархии, попавшие в верхнюю страту случайно и не потерявшие до конца навыков и культуры мысли, свойственных среднему слою. В целом олигархия была достаточно безнаджна, и это стало очевидным к началу 1990 г.

Исторический экскурс. Во всех странах мира аристократия, чтобы выжить, застраховала себя от вырождения, приходится втягивать в себя «инородный материал». Это делается через сложную систему социальных фильтров и институтов и всегда «со скрежетом зубным». Но умная и способная аристократия идет на такое, понимая необходимость поддержания тонуса. Самый яркий пример — Великобритания. В США, как ни странно, этот механизм сегодня действует намного хуже. В Германии — еще хуже. Но нигде в мире он не заблокирован так, как в нашем обществе, декларирующем открытую социальную перспективу. Именно здесь возникла классическая олигархичность. И особенно ярко это проявилось в последние тридцать пять лет существования этого общества. Вот главное обвинение созданной в эти годы системе. Вот причина ее закономерного краха. Но это же — причина завтрашних наших трагедий и крахов.

Сегодня — олигархия осталась той же, какой и была. Ее косность — уникальна. И даже лучшие ее пред-

НАУЧНАЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Максим ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ,
профессор, доктор физико-математических наук, академик Академии естественных наук России и Нью-Йоркской академии наук

«БЕЗ МОЗГОВ...»

В допущенной совдепии (этим термином я обозначу то, что до недавнего времени именовалось СССР) наука и научная элита занимали столь особое положение, что ничего похожего не сыскать в истории других стран. Тому было несколько причин.

Самая глубинная причина состоит в том, что коммунистическая идеология традиционно внушала своей пастве почтительное отношение к науке, которое сформировалось еще во второй половине XIX века, когда эта идеология зарождалась. Да, в те времена в среде образованного сословия расцвело восторженное почитание науки. В те времена специальный труд британского натуралиста мог стать бестселлером. Не прочесть его было так же неморально для образованного человека, как в наше время «Архипелаг ГУЛАГ».

Но есть и вторая причина, куда более прагматического толка. Вся послевоенная история — это балансирование на острие ножа, это каждодневное и ежечасное военное противостояние. И наши правители до-

статочно быстро поняли, что без интеллектуальной элиты устоять в этом противоборстве совершенно невозможно. Элементарное чувство самосохранения разворачивало их к тем, кто обеспечил их невиданной ракетно-ядерной мощью. В ожидании дальнейших подарков такого рода власть имущие готовы были щедро субсидировать науку. Таким режимом наибольшего благоприятствования наша наука пользовалась в пору «золотого века», наступившего после свержения Хрущева.

В эти золотые для науки годы соблюдался никем никогда не декларируемый, но отчетливо осознаваемый обоими сторонами негласный договор между правителями и научной элитой.

Смысл этого соглашения вполне понятен. Для ученых всегда была очевидной абсурдность претензий адептов «единственно верного учения». Ведь распознавание шарлатанства — это элементарное профессиональное качество любого человека науки. Тем не менее, памятуя, что плетью обуха не перешибешь, интеллектуальная элита была согласна не вмешиваться в политику при условии, что и в ее профессиональные сферы идеология вторгаться не будет. После смещения Хрущева, яростного антиинтеллектуала, новые власти в течение четырех лет честно соблюдали этот негласный договор о взаимном невмешательстве. Именно в 1964—1968 годах советская наука пережила невиданный расцвет.

Первыми нарушили соглашение ученые, отреагировавшие на ввод советских танков в Прагу акциями мас-

сового гражданского неповиновения. В ответ началось идеологическое давление, которое со временем все усиливалось. Но датой окончательного разрыва можно считать рубеж 1979—1980 годов, когда произошло вторжение в Афганистан и почти немедленно последовала ссылка Сахарова.

В результате этих безумных шагов правящие круги потеряли поддержку или хотя бы нейтральное к себе отношение со стороны ими же взлелеянной наиболее высокооплачиваемой и образованной части общества. Той части населения, которая играла в СССР роль среднего класса. Эта среда постоянно, на протяжении нескольких поколений, пополнялась наиболее талантливыми и активными молодыми людьми, поскольку именно научная карьера давала возможность самовыразиться личности и достичь материального благополучия без необходимости переступить через себя.

Неудивительно, что научная элита стала главным катализатором перемен, начавшихся с приходом к власти Горбачева. Достаточно вспомнить громкую эпопею с выборами народных депутатов от Академии наук и имена тех, кто в результате был избран, — этот список открывает Сахаров. А чего стоит перечень научных степеней людей, вошедших в нынешнее демократическое руководство Армении? А откуда, как не из науки, пришел в политику президент Кыргызстана Акаев, столь блестяще проявивший себя во время пучка и после него?

Нет-нет, я далеко от намерения приписать научной

ставители не могли, не могут и, боюсь, не смогут преодолеть те стереотипы и навыки, которые сделали их жертвами политического процесса. В этой социальной среде не только «империя Кургиняна», но и идея о создании подобной «империи» была заведомо утопична. Зачем? Если есть «империя Тизякова», уже готовая и солидная. Это типичный логический ход, и такая логика характеризует не только Павлова, она имманентно присуща всем представителям советского «нового класса» от Полозкова до Яковлева, от Тизякова до Вольского, от Горбачева до Ельцина и «далее со всеми останковками».

«Империя интеллекта» — есть единственное спасение страны. Необходимо предоставить право государственного действия (не путать с государственной властью) людям среднего класса. Это — единственная возможность вывести экономику страны из состояния «свободного падения». Это — единственная альтернатива анархии и диктатуре. Можно менять имена, можно объявлять кого-то персоной нон грата, но принцип, идею, логику действований необходимо сохранить и осуществлять немедленно и радикально. Тот, кто это сделает, окажется «на коне», тот, кто не сможет, не использует спасительный шанс, того ждет судьба его предшественников. Идеология здесь ни при чем. Олигархом, увы, можно быть и без партбилета в кармане.

Я более чем на 90% уверен, что олигархия и сегодня не сможет сделать ставку на интеллект. В этом ее трагедия. Трагедия людей, неспособных перестроиться изнутри и бесконечно кричащих о перестройке вне их, во внешней действительности.

Я убежден, что все политики горбачевской «когорты» одинаково хотели добра и прогресса в их понимании. Но никто из них не сумел осуществить той своей, глубоколичностной перестройки, без которой преобразование такого масштаба не могли быть проведены в жизнь.

Но личная трагедия — дело десятое. Сегодня речь идет о трагедии общества. Поскольку при такой неспособности олигархии самообновляться, преодолевать классовую замкнутость, мы обречены на полномасштабную революцию. В полном и окончательном смысле этого слова.

Ситуация в стране ухудшается непрерывно. Ухудшалась до «путча» — ухудшается после него. Что изменилось? Десятки сброшенных памятников и разбитые вывески? Те представители олигархии, которые искренне решились на так называемый «путч» (убежден, что среди гонимых это не более половины), видели в этом способ разрешения тупиковой ситуации и действовали в строгом согласии с законами олигархического сознания. То есть демонстративно пренебрегая всем, что есть политика, то есть концепциями, возможностями информационной и идеологической деятельности, организационными инновациями, и раздувая до карикатурных масштабов арифметику беспо-

мощного насилия. Для них это было естественно. Чем будут заниматься те, кто пришел на их место?

Ситуация стремительно ухудшается. Действий нет. А ведь прошел уже почти месяц. «Шестидесятники», взойдя на «телевизионный престол», раскручивают те же сюжеты, которые крутили в 1987 году. Но ведь ситуация кардинально иная. На антикоммунизме далеко не проедешь теперь. Эта карта отыграна. Максимум ее хватит до Нового года. А дальше?

Дальше последует сброс «остатков» декоммунизированной олигархии. Это логика революции. За штурмом Бастилии — штурм Тюильри, а дальше казни на гильотине.

Понимаю условность исторических аналогий. Но есть безусловность методологии, не зависящей от места и времени. Есть логика глобальных процессов.

Коль скоро начался процесс снизу, он пройдет через все стадии полностью. Обычно при этом происходит потеря примерно одной пятой населения страны. Любимой страны, которая начинает раскручивать подобный процесс. Не важно, идет ли речь о Франции или о России. О начале XX века или конце XVIII. В таких процессах начинает действовать закон фазовых переходов. Термодинамика массовых действий. И долг каждого, кто любит свою страну и свой народ, воспрепятствовать запуску подобной «термодинамики», искать другие пути. Искать любые союзы и компромиссы, дабы не допустить худшего. И если такая позиция является антидемократичной, то я согласен быть «антидемократом» и даже лидером антидемократических сил. Но с одной оговоркой: в этом случае лидером демократии является печально известный Максимиллиан Робеспьер, прозванный «сентиментальным тигром», и с ним мы действительно по разные стороны баррикад.

ЕСЛИ НЕТ «ИМПЕРИИ КУРГИНЯНА», ЧТО ЖЕ ЕСТЬ?

Когда я делаю то, что считаю нужным и должным, то я умею убеждать окружающих в своей правоте. И если бы мне нужны были льготы, лицензия, внешнеэкономическая деятельность, государственное финансирование — то, может быть, я бы этого и добился. Но это было не нужно. Опыт начала деятельности убедил меня в том, что любое место, где существует избыток льгот, где «сладко кормят», становится местом концентрации воров и лицемеров, с которыми потом очень трудно бороться.

Лучшие свои работы я писал на подоконнике. Лучшие свои спектакли делал в подвалах. Лучшие коллективы собираю там, где нет льгот, нет сытной кормежки, а есть притягательное поле идеи, замысла, человеческой личности. В этом смысле корпорация «Экспериментальный творческий центр» существует и будет существовать. Я уже говорил о «царстве не от мира сего». Речь идет не о мистике. Речь о том, что мучительно переживающие распад и гниение социума люди будут собираться там, где есть воля к строительству новой жизни. А невостребованные интеллектуалы — там, где есть напряженная интеллектуальная жизнь. Серьезно ориентированные бизнесмены — там, где есть трудновыполнимые, но социально значимые проекты. А молодежь — там, где есть дело и нет болтовни.

Я люблю Россию именно за то, что в ней всегда будут собираться люди, всегда будет такой ресурс, опираясь на который можно бороться за нормальное развитие государства и общества.

Если суммировать кратко суть и смысл деятельности корпорации и моей лично, то речь идет о создании очагов альтернативного общества. Альтернативного — чему? Демократии, прогрессу, правам человека? Отнюдь нет — отвечаем мы.

Альтернативного — стяжательству, бесплодной и бессмысленной болтовне, духу разрушения, витоющему над страной, и революции, очередной кровавой революции на шестой части земного шара, способной погубить и Россию, и мир. Революции, которая мне ненавистна, как грех. Еще в конце 80-х годов мне и моим товарищам стало понятно, какие разрушительные процессы запущены. Их не остановить никакими ГКЧП, они будут идти. Но важно, чтобы наряду с ними шли и восстановительные процессы. Чтобы через очаги становления альтернативного общества мы могли возродить страну. И это моя роль в политике, так, как я ее понимаю. И поэтому за мной идут люди. В этом смысле — мы в начале пути.

Леонид Радзиховский упомянул меня в качестве одного из тех, кто «спустит крючок агрессии». Боюсь, что это сделают другие люди, с другими руками, готовыми вцепиться в подобный крючок для запуска массовых истерий. Что касается меня, то, что бы ни случилось, я буду строить. И действовать в политике лишь постольку, поскольку полагаю возможным отдернуть руку, тянущуюся к спусковому крючку «революционного насилия». Любую руку, чья бы она ни была и какой бы идеологический макияж ни использовала при этом.

© С. Кургинян, 1991

Я ЭЛИТА: МЫ ВЪЕЗЖАЕМ

элиты главную роль в августовских сражениях. Как это ни кощунственно звучит, в интересах научных интеллектуалов была бы как раз победа путчистов, а не демократов. Путчисты могли бы, как их прямые предшественники, скинувшие по сходному сценарию Хрущева, восстановить джентльменский договор с учеными, что послужило бы новому расцвету науки.

Однако история не повторилась. Оказалось, что в нашем обществе созрел уже новый средний класс, класс предпринимателей, дельцов, кооператоров, короле — слой людей, так или иначе связанных с негосударственной, альтернативной экономикой. Они-то, в основном, и вышли на баррикады. Точнее, это были они плюс совсем молодые люди, которые планировали в ближайшем будущем пополнить их ряды. Ближайшие и отдаленные жизненные планы всех этих людей были так решительно несовместимы со светлым будущим, обещанным ГКЧП, что новый средний класс готов был с риском для жизни отстаивать свои интересы.

Научная элита и студенчество составляли лишь малую часть защитников Белого дома. Доля их, я думаю, была близка к той, какая приходится на них в среднем классе нормального западного общества.

Итак, основной урок путча состоит в том, что у нас, во всяком случае в Москве, за годы перестройки народилось то, что можно назвать средним сословием. Это значительная прослойка людей, настолько осознанно заинтересованных в либе-

ральных ценностях, что они готовы эти ценности отстаивать с риском для собственной жизни. Тем самым уникальную общественную роль, которую играла в нашем обществе интеллектуальная элита, заменяя собой это несуществующее среднее сословие, можно считать выполненной.

Что следует из этого для науки и ученых? Следует фундаментальное изменение их статуса. И следует весьма болезненная для научной элиты внутренняя переоценка своей роли в государстве. Если в случае успеха путча интеллектуалы вправе были бы рассчитывать на новую договоренность с властями, то теперь власти, отказавшись от марксизма-ленинизма и от геополитической конфронтации, заинтересованы не в науке, а в союзе с новым средним сословием, совершенно оправданно видя в нем свою социальную базу. Науке и ученым в этой послепутчевой расстановке сил отведена лишь скромная роль, которую они играют в обществах западного типа.

Какова же эта роль? Прежде всего — поддержание должного уровня образования. Это весьма серьезная роль. Среднее сословие тем успешнее функционирует, чем более оно образованно. Готова ли наша наука в ее теперешнем состоянии играть новую роль? Нет, совершенно не готова. До путча она выполняла главным образом иной социальный заказ — создавала научно-техническую базу для военно-промышленного комплекса. Поэтому дееспособная наука оказалась сосредоточена в научно-исследовательских институтах, как

правило, оторванных от образовательного процесса. И, напротив, высшие учебные заведения концентрировали усилия исключительно на обучении, практически наукой не занимаясь.

Нашим ученым, почти напрямую кормящимся из рук ВПК, прекращение геополитической конфронтации грозит полным разорением. Именно поэтому номенклатурные академики вдруг так засуетились, забеспокоились о судьбе отечественной науки (это на шестом году перестройки!). Не судьба науки их тревожит, а состояние собственных карманов. Да поздно. Не думаю, что нашей славной союзной Академии наук, этому монстру, любимцу ВПК и КГБ, удастся уцелеть в форме, сколько-нибудь напоминающей теперешнюю. Так что придется фундаментальным исследованиям, как и всюду в мире, уйти в университеты, а ученым — научиться совмещать научную работу с преподаванием.

Такова неумолимая логика нашей революции. Будучи основным катализатором перемен, научная элита вследствие успешной реализации этих перемен оказалась отнесенной на обочину. Усмейт ли она освоиться со своей новой скромной ролью? Или после путча процесс утечки мозгов, еще ранее принявший катастрофический характер, придет к своему логическому завершению? И наше среднее сословие вынуждено будет посылать своих детей учиться за границу? Вопрос риторический.

© М. Франк-Каменецкий, 1991

МАЛЕНЬКИЕ

Она похожа на дорожную немецкую куклу. Светлые волосы колечками, наивные голубые глаза, загнутые ресницы. Желтый вязаный пуловер, модные брючки, тапочки детского размера. Модельные сапожки в прихожей, миниатюрное пальто.

— Трудно, наверно, приходится с туалетами? — киваю на одежду.

— Когда девчонкой была, одевалась в «Детском мире», — отвечает Валя, — теперь, конечно, нелегко. Не наденешь ведь китайское платье в тридцать лет... Кружусь, достаю, друзья помогают. Наше не пишу, хожу в импортном. На толкучке босоножки моего размера, которые по нынешним ценам 25 рублей стоят, дешевле чем за 80 не купишь. Одежду стараюсь шить сама по выкройкам из «Бурды», я ведь профессиональная швея.

«Тебе еще повезло», — сказал ей как-то врач, имея в виду Валины 135 сантиметров роста, и был по-своему прав, она значительно выше своих товарищей по несчастью.

В детстве она не слишком отличалась от сверстников и не очень задумывалась о своей непохожести. Подумаешь, на полголовы ниже — ну и что? Это позже, когда одноклассники вытягивались за лето, как стрелочки зеленого лука, а она возвращалась после каникул прежней, начались первые переживания. На школьных фотографиях, забавливо расставленных в семейном альбоме, Валя выглядит Дюймовочкой среди детей-акселератов.

— Метр с кепкой, — комментирует она снимки. — Но я не особо убивалась. У меня много было друзей, никто от меня не отказывался. И сейчас одиночества я не чувствую. Бывают, конечно, минуты, когда думаешь, что никому не нужна, что никогда не будет детей, что жизнь не сложится, но это мгновения. Некогда скучать.

— Как относишься к тебе родители?

— Они меня никогда не унижали, наоборот даже.

— А окружающие?

— Есть такие люди, которые не терпят что-то тебе сказать. «Ой, карлик едет!» или по-другому. Бывает, что какая-нибудь бабуля, не разобравшись, начинает громко обсуждать мою косметику: рано, мол, краситься. Я в таких ситуациях стараюсь промолчать, но могу и высказаться, если надо.

— Тебе не хотелось работать в эстрадном коллективе среди таких же маленьких, как ты?

— Нет. У меня все друзья высокие.

— Ты себя с ними лучше чувствуешь?

— Конечно. Они меня никогда не отделяют, и мне не прихо-

Они не любят, когда их называют карликами. Болезненно воспринимают брошенное вслед слово «лилипуты».

Мир делится для них на больших и маленьких.

В остальном они такие же, как все, разве что природа, обделив их ростом, дала взамен своеобразное оружие психологической защиты.

Среди карликов практически не бывает самоубийц.

дится ощущать себя другой. В то же время я не пытаюсь казаться выше, чем есть, и ни за что не стану носить туфли на высоких каблуках. Мне кажется, я себя этим только унижу.

— Ты не собираешься выйти замуж?

— Нет. Пока не за кого. Нет такого человека, который понимал бы меня. Один знакомый предлагал, но он женатый, и я даже думать не хочу.

— Тебе никогда не снится, что ты растешь?

— Нет. Раньше надеялась, что подрасту, ну хоть немного, хоть на пять сантиметров, просила Господа. Лечилась долго. Что мне только не кололи! Ну, подняли немножко. Выше уже не стану. Поэтому я не думаю о росте. Уж какая есть.

Когда-то она мечтала стать модельером, но поняла, что эта профессия, как и многие другие, для нее недоступна — сил мало. А вот работать на предприятии, которое создавало бы красивую одежду для маленьких взрослых, Валя бы очень хотела. Увы, нашу легкую промышленность проблемы этих людей совсем не интересуют. Может быть, какой-нибудь кооператив подхватит заманчивую идею и придумает моду для миниатюрных мужчин и женщин?

А пока работает Валя на швейной фабрике, получает в месяц когда 200, когда 220... Сильные да крепкие раза в два больше зарабатывают, но таких на фабрике единицы. Здесь в основном трудятся инвалиды.

— Мне хватает, — не печалится Валя. — Раз в квартал нам 30 рублей выдают. Рабочий день у меня — 6 часов. Есть и еще какие-то льготы.

— Например?

— Мы режем бейку для маек. Я за килограмм 35 копеек получаю, а моя здоровая напарница — 32. Начальство не стоит над душой: «Давай, давай!», правда, если заболешь, сомневаются. Здоровые считают, что, если ты инвалид, тебе сразу больничный выпишут. А ведь это не так.

Она показывает мне свои наряды, и я представляю ее то в черно-красном мини, то в элгантном макси. В холодильнике хранится дорогая косметика из-

На снимке: Эдуард Быховец, артист Мипи-мюзик-холла
Фото Дмитрия АЗАРОВА

вестных фирм — на это Валя не жалеет денег. Как любой женщине, ей хочется выглядеть привлекательной и интересной. И это ей удается. Она не замыкается в себе, не избегает общества, в том числе и незнакомо-го, а напротив, строит общение на равных, не жалуясь на судьбу и не виня других. Она умеет раствориться в толпе огромного города, оставляя кому-то право на любопытство, восхищения и намеки. И никто не знает, как это трудно — быть такой, как все.

Большинство карликов рождается у здоровых людей. Бывают наследственные формы, как у африканских пигмеев, встречаются генетические нарушения, есть так называемые внутриутробные карлики, которые рождаются с маленьким весом и ростом, будучи при этом доношенными. Американский ученый Смит доказал существование 52 различных видов низкорослости.

Ребенок, который однажды перестает расти, появляется на свет нормальным. Лишь к трем, а то и пяти годам отставание в росте станет заметным, и родители не будут на дверном косяке отмечать следы детской макушки.

Для семьи это всегда драма. Известны, к сожалению, случаи, когда мать стесняется выходить со своим ребенком-карликом на улицу, боится, как бы о беде не узнали сослуживцы. Малыш, и без того обделенный природой, жестоко страдает от такого обращения.

Дошкольники не воспринимают отставание в росте как трагедию, — говорит психиатр Галина Иванова, научный сотрудник лаборатории психиатрической эндокринологии Московского института психиатрии Минздрава РСФСР, автор уникальной диссертации, исследующей нервно-психические нарушения у больных церебральным и гипопизарным низом. — Осознание своего дефекта развития по времени совпадает с началом школьного обучения. Дети внимательно рассматривали себя в зеркале и находили отличия от сверстников. Прибавьте к этому реакцию окружающих в виде насмешек,

обидных прозвищ. К периоду полового созревания проблема роста обостряется до вселенских масштабов. Чувство собственной неполноценности возрастает, создавая невидимый барьер между ребенком с задержкой роста и его здоровыми ровесниками. Больные начинают настойчиво искать способы «взросления». Казаться старше своих лет — вот лейтмотив поведения. Здесь уже все приобретает огромное значение: и одежда, и косметика, и походка, и голос.

— Это, конечно, накладывавет свой отпечаток на психику?

— Сразу отмечу, что специалисты находят психику больных карликовостью сохранной. Более того, у них обнаруживается широкий кругозор, делаются интересные собеседниками, они обладают хорошо развитым интеллектом, рассудительны, целеустремленны, остроумны. Но при этом отмечается некоторый инфантилизм, то есть детскость, наивность. Особенности психики сохраняются на протяжении жизни, безусловно, они компенсируются, то есть приобретают черты, которые помогают им адаптироваться в обществе. Примерно к 20 годам это им удается, причем горожане адаптируются легче, чем жители сельской местности.

— Видимо, вне привычного круга общения они чувствуют себя как на сцене? Мы все играем роли, оставляя естество за дверью своего дома.

— Постоянное стремление казаться взрослыми и сохранять иллюзию физически здоровых людей побуждает карликов тщательно подбирать одежду. Они носят высокие каблуки, пользуются косметикой. «Смотрите...» — говорим мы, провожая их удивленно-восхищенным взором. Наша реакция формирует в сознании больных отношение к себе, как к представителям типа «особенных», людей, ярко необычных и своеобразных. Таким образом, снижается уровень критической оценки. Женщины адаптируются лучше, они нередко привлекают внимание низкорослых мужчин, предпочитающих миниатюрных красавиц. Обрати на себя внимание здорового мужчины — тоже момент самодовольствия. Не часто подобные отношения завершаются счастливым браком, но такие примеры есть. Те, кого общество приняло, кто смог раствориться в нем, избегают контактов с себе подобными. Особенно боятся, если карлик увидит на улице и подойдет, то есть зафиксировать общность.

— В коллективах, наверно, совсем другие отношения?

— Физическая особенность карликов — низкорослость —

**Елена СВЕТЛОВА,
обозреватель
«Совершенно секретно»**

может оптимально реализоваться в искусстве. В эстрадных коллективах эти люди находят себя. В обществе «своих» они не страдают от комплекса неполноценности. К тому же успех на сцене, восхищение зрителей, аплодисменты, цветы... Это поднимает в собственных глазах, заставляет поверить в свои возможности. В эстрадно-цирковых коллективах совершенно особая атмосфера. В трудную для себя минуту каждый может рассчитывать не просто на сочувствие, но и на практическую помощь. Здесь новичка не встречают «штыки», а, напротив, окружают теплом и вниманием. Естественно, что миниатюрные актеры отнюдь не стремятся вырасти и не принимают препараты, содержащие гормоны роста.

— Тем не менее стрессовых ситуаций и у тех, кто реализовал себя в искусстве, и у тех, кто выбрал профессию, в которой малый рост — не преимущество, а, скорее, минус, более чем достаточно. Здесь и невзгоды личного характера, и раннее увядание, и бесконечные сложности. Необходимы какие-то защитные механизмы, чтобы выжить, не стать пациентом психбольницы или алкоголиком...

— Конечно. Ребенок, который ниже всех в классе, а с каждым годом делается словно еще меньше — другие-то растут, испытывают массу страданий. Обидные намеки и прозвища, а нередко и подзатыльники — его будни. Мало этого. Его мучает постоянное недовольство собой. И вот для снятия внутреннего конфликта в экстремальных ситуациях и запускаются врожденные защитные механизмы. На это указывал еще Зигмунд Фрейд. Защита формируется достаточно рано — в начальном школьном возрасте. Наступает возраст полового созревания, и проблемы обостряются до предела, потому что карлики опять-таки отстают от сверстников, они выглядят детьми рядом с взрослеющими одноклассниками.

— Как проявляется защитная реакция?

— Сначала в виде агрессии, отнюдь не безмотивной, а вызванной конкретными переживаниями. Однако постепенно злоба и ненависть сменяются совсем другими чувствами. Некоторая агрессия по отношению к матери как к первоисточнику страдания трансформируется в нежность, зависть к другим — в бескорыстие и предупредительность. Более десяти лет общаясь с карликами, я пришла к выводу, что это очень тонкие, ранимые, чувствительные, прямо-таки мимозоподобные люди. Несмотря на град проблем, обрушивающихся на них ежедневно, они не превращаются в пессимистов, а сохраняют жизнелюбие и вопречи всему. Они обладают уникальным умением достаточно быстро восстанавливать душевное равновесие. Им совершенно не свойственны ни сексуальная расторможенность, ни мстительность, как это кажется некоторым.

Миниатюрный рост и «кукольность» внешности создают впечатление молодости. Карлика двадцати с лишним лет окружающие легко принимают за ребенка. Потом, правда, возраст берет свое, причем намного быстрее, чем у здоровых людей. Однако внутренний мир маленького человека до старости сохраняет такие качества, как непосредственность, доверчивость, привязчивость. Специалисты отмечают психический

инфантизм карликов, который отнюдь не является игрой в детство, а объясняется все тем же дефицитом гормона роста. Все гормоны обладают бинарным действием, имеют, по словам руководителя Всесоюзного эндокринологического центра профессора А. И. Белкина, словен две руки — одна действует на психику, другая — на организм.

Однажды на прием к врачу пришла очаровательная молодая женщина очень маленького роста. «У меня есть человек, которого я люблю, мы вместе уже несколько лет», — сказала она, — он для меня единственный. Я мечтаю его женой, но он поставил мне условие — подрасти на 7 сантиметров». Ей назначили лечение, она выполняла все предписания и подросла на 5 сантиметров. Всего чуть-чуть не хватило для счастья. Хотя не в сантиметрах, наверно, дело.

С парадоксальным случаем столкнулись сотрудники эндокринологического центра, когда к ним обратилась довольно высокая женщина с просьбой как-то остановить ее рост. Оказалось, в недавнем прошлом она была очень маленькой, выступала в цирке вместе с мужем, но полученная однажды черепно-мозговая травма обернулась неожиданными последствиями — артистка начала быстро расти. Эта «неожиданная перемена во внешности означала одновременный перелом в судьбе — личной и профессиональной. Распалась семья, мужу пришлось искать новую партнершу для выступлений, а сама актриса освоила профессию бухгалтера.

История, конечно, из разряда чудес, хотя не меньшим чудом является возможность лечения низкорослости. Сказать, что вылечить можно каждого, легко и просто избавив от тяжелого недостатка, было бы опасным преувеличением. Не у всех есть шансы, и не все чувствительны к гормонам.

Вера К., долгие годы блиставшая на сцене, познавшая любовь зрителей, счастливая в семье, по-прежнему вздрагивает, когда слышит приглушенный шепот за спиной или легкий смехок. Умом она понимает, что, возможно, и не над ней совсем вдруг расхохотались две подружки, но сердце сжимается знакомой болью.

...Мы сидим в яркой, нарядной кухне. Здесь все приспособлено для удобства маленьких хозяев. Низко подвешены полки, чуть-чуть укорочена мойка, подрезана плита — не надо вставать на скамеечку, достаточно протянуть руку.

Она родилась в многодетной сибирской семье. Братя — высокие, сильные, как на подбор, рослая сестра. Вера поняла, что она не такая, как сверстники, уже в первом классе. Школьный портфель казался ей непомерной тяжестью, а дорога в школу — Гоголкой. Дети жестоки, они всячески старались уязвить маленькую девочку. Вера бросила школу, но — ничего не поделаешь — пришлось через год вернуться в первый класс. Мама плакала, но не показывала виду. Чуткий слух ребенка ловил обрывки взрослых разговоров, недомолвок, складывая услышанное в грустную картину.

Наступал возраст первой любви, но она боялась даже мечтать. Сверстники бегали на танцы, она оставалась дома. Другое дело — кино, когда, си-

дя в темном зале, невидимая для всех, она могла следить за чужой, придуманной жизнью, забывая о настоящей, своей.

— У вас были поклонники? — Конечно. И письма писали, и стихи, но я всегда знала, что это просто увлечение, временное чувство, которое однажды пройдет, и поэтому не думала выйти замуж за большого. Я хотела встретить человека своего роста.

— Где вы познакомились с мужем?

— В нашем коллективе. Живем вместе больше тридцати лет, бережем друг друга, жалею. Вы знаете, мне кажется, даже сестра так не поймет, как маленький маленький...

— Но ведь есть и другие пары, где кто-то из супругов высокого роста. Как относятся к такому выбору в коллективе?

— Было время, когда это осуждалось, но сегодня никому не придет в голову порицать за такой жизненный шаг. Такие семьи все же не часто бывают, обычно знакомства происходят в своем кругу. Мы все друг друга знаем, собираемся вместе, встречаем праздники, справляем дни рождения за одним столом.

— Что значил для вас коллектив? — Очень многое. И поддержка, и зашпиенность.

— Как принимали вас зрители?

— В первые минуты концерта ощущалось и недоверие, и любопытство, а затем публика просто забывала, что на сцене маленькие.

— Вы тоже забывали об этом?

— Конечно. Тут уж ни о чем не помнишь, отдаешь все, на что способен. И люди вылият в тебе прежде всего актрису. Это было счастье...

— А потом?

— А потом выходишь на улицу и чувствуешь на себе взгляды. Может быть, люди старались сделать это незаметно, но ведь для меня это большой вопрос. В Москве еще не так, а в провинции на маленьких смотрят, как на зверей, особенно дети. И толкнут могут, и обидеть. Сейчас о нас все же больше знают, а раньше, бывало, подходили: «Ой! Вы откуда приехали? Где же такая страна находится?» Спрашивали даже, с какой мы планеты. В шестидесятые годы эздили мы с гастролями на Кавказ, нас милиция сопровождала, потому что каждый раз окружали буквально толпы людей. Подходили потрогать: «Нуеули живые!» Это жутко, конечно.

— Вы и сейчас помните это чувство?

— Да. Это чувство никуда не денется.

Всякий раз, задумываясь над тем, отчего она не такая, как все, Вера не находила ответа. Она никогда не спрашивала маму, знала, что причинит только лишнюю боль. Молчали врачи. Где, когда, на каком этапе возникло в ней нарушение, повлекшее за собой цепь других?

— Есть наследственные формы заболевания, когда нарушение идет на уровне генетики, — говорит Надежда Зарубина, врач-эндокринолог терапевтического отделения Всесоюзного эндокринологического центра АМН СССР, — есть врожденные, когда организм плода поражается какой-то вирусной инфекцией. Нередко болезнь является результатом родовой травмы, встречается у детей, которые рождены в ягодичном

или ножном предлежании. В этих условиях головка плода проходит родовые пути в неподготовленном состоянии, могут возникнуть нарушения, связанные с отекот или кровоизлиянием в области гипофиза и гипоталамуса. Кроме того, мы знаем, что карликовость возникает у детей, перенесших физическую травму в послеродовой период. Причиной заболевания иногда считают последствия туберкулезного менингоэнцефалита.

— Чем отличается низкорослый человек от карлика?

— Когда-то формальным критерием считалась длина тела. На фоне регулярного и правильного лечения наши пациенты достигают почти нормального роста, но они не перестают быть больными, потому что все те виды нарушений гормональной активности сохраняются, то есть надо постоянно поддерживать функции, которые страдают параллельно с физическим недостатком. Причем компенсировать все виды гормональной недостаточности придется всю жизнь.

— Каковы результаты лечения?

— Наши «гиганты» — выросшие карлики — неотличимы в толпе, их рост — 160—165 сантиметров. Максимальная прибавка в росте у моего пациента составила 60—65 сантиметров, но лечили его очень долго, с 1957 года...

— Когда лучше начинать лечение?

— Как можно раньше, как только поставлен диагноз. Чем больше времени для лечения, тем больших результатов можно добиться. Все зависит от того, каково состояние скелета, потому что любой человек растет, когда открыты зоны роста, и карлики тоже, но в отличие от здоровых людей у наших больных зоны роста остаются открытыми очень долго. Недавно мы провели исследование чувствительности к человеческому гормону роста у больных старше 20 лет, и они росли, как дети. Их зоны роста соответствовали 8—12 годам. Пока кости способны расти, растут и карлики. Лечение длительное, сложное. Если мы берем ребенка в возрасте 3—5 лет, то заканчиваем стимуляцию в 20 лет и позже. Когда речь идет о серьезном отставании в росте, лечение длится десятилетиями. Ограниченность эффекта гормона роста может быть связана с развитием антител в организме пациента, к тому же любой препарат более эффективен в начале, постепенно возникает привыкание. За первый год можно добиться прибавки от 7—8 до 10 сантиметров.

— Может быть, кому-то стоит жить в Кургане, к доктору Ильичу?

— Единственная возможность артопедов помочь — это вытягивание конечностей с применением хирургических методов. Необходимости в такой методике лечения нет. Имеет смысл обратиться к ортопеду диспропорциональным карликам, а в тех случаях, когда речь идет об эндокринных нарушениях, лечиться следует у эндокринолога.

— Как складывается семейная жизнь ваших пациентов?

— Им не просто найти себе пару. Абсолютное большинство не способно иметь детей, это связано с половым недоразвитием. Способны к репродуктивной функции пигмеи, они рожают себе подобных. Среди других тоже есть половозрелые, которые безусловно могут иметь детей. Если партнер здо-

ров, есть все шансы родить здорового ребенка.

— Ваш центр — единственное место, где можно подрасти? — Нет. Грамотно работает Киевский институт эндокринологии и обмена веществ, в Каунасе действует филиал нашего центра. Все медикаменты больные получают бесплатно, хотя препараты (особенно гормона роста) чрезвычайно дороги. Для лечения может использоваться только гормон роста человека, а поэтому возможности были прежде ограничены. Сейчас получены генно-инженерные виды гормонов, которые можно производить фактически в любом количестве. Лечение сегодня достаточно хорошо разработано и возможно фактически в каждом крупном областном центре по месту жительства.

Итак, подрасти можно. Всем ли это нужно? Люди, профессия которых связана именно с маленьким ростом, к этому не стремятся. Среди пациентов доктора Зарубиной практически не было миниатюрных актеров. Они адаптировались в своей среде и не хотят лечиться. К тому же многие не слишком доверяют гормональным препаратам, опасаясь, порой справедливо, побочных эффектов. Кроме того, не все восприимчивы к этим гормонам.

...Модная стрижка, кожаная куртка, прямой взгляд карих глаз, яркая улыбка. Я представляю его на сцене, это должно быть здорово. Пять лет из своих двадцати одного он работает в Мини-музик-холле Игоря Дольского, умеет все, но особенно любит петь и танцевать. Рэп и брейк — стиль Эдика. Рост — метр двадцать восемь.

— Я бы сделал все возможное и даже невозможное, — признается Эдик, — чтобы подрасти. Но такого лекарства, чтобы ты им воспользовался и оно помогло, наверно, нет. Я в детстве три раза лежал в институте. Правда, я каждый год постепенно расту, я был не такой, как сейчас.

— Были ли у тебя неприятные ситуации?

— Они у меня всегда есть. Только сейчас, не успев закурить, как услышал: «Рано тебе! Брось сигарету!» Это еще ладно. А могут подойти и выхватить сигарету из рук. Или просто приехать... У моих товарищей были случаи, когда им сигарету тушили об лицо. Если все принимать близко к сердцу, жить невозможно, а если не обращать внимания, то ничего. Я считаю себя таким, как все, и стараюсь не замечать, что кто-то смотрит или показывает пальцем, ведь разница только в росте, а не в уме.

Их неизмеримо меньше, чем больших. Один на 3—5 тысяч по статистике. Им не нужно наше жалостливое любопытство, потому что они такие же, как мы. Со всеми слабостями и достоинствами, бедами и трагедиями. Правда, когда стена — не только свет софитов, но и улица, идущая от твоего дома, а зрители — не только публика в зале, но и равнодушная толпа, обтекающая тебя и справа и слева, значительно труднее.

Я смотрю ему вслед до тех пор, пока он не смешивается с людским потоком. Он уходит, не оборачиваясь, маленький актер на огромной сцене.

Перед вами отрывок из романа Леона Юриса, которым уже три десятилетия зачитывается весь мир. В нашей стране он до недавних пор числился запретным. В основе его сюжета — реальные события и реальные люди.

Зарубежным читателям роман известен под названием «Экзодус», что по-русски означает «Исход». «Экзодус» — это книга Священного писания. А в романе — это дряхлое судно, на котором предпринимается попытка вывезти детей из лагеря для перемещенных лиц. В таких лагерях, созданных на Кипре в 1946 году англичанами, содержались

взрослые и дети, которые всеми способами пытались нелегально пробраться в Палестину (тогда — британскую подмандатную территорию), чтобы создать государство Израиль.

Дерзкой операцией командует бывший британский военный служащий, офицер еврейской партизанской армии (Пальмаха) Ари Бен Канаан. По сценарию побега дети должны мгновенно погрузиться на корабль и даже оказать сопротивление, если кто-то вздумает их задержать. Организаторам операции помогает американский журналист Марк Паркер, который взялся устроить шум на весь мир по поводу побега — для того, чтобы операция не сорвалась и беглецам разрешили отбыть в Палестину.

В романе описывается только одна из операций, в которых участвовал «Экзодус». Впереди были и другие.

Леон ЮРИС

EXODUS

Майор Алистер заснул за письменным столом. Почти всю ночь он рылся в донесениях, в отрывочных рапортах агентов, пытаясь отгадать, что же такое затевают евреи в Караолосе...

Ари Бен Канаан спал крепко, мирным сном добродетельного ребенка, у которого никаких забот...

Луч света упал на лицо Марка Паркера. Он открыл глаза и зевнул. Задремав на подоконнике, он очоленел, во рту было горько от табака и виски. Марк огляделся и увидел Китти, спавшую спокойным, глубоким сном на кровати. Он опустил шторы, на цыпочках вышел из комнаты, побрился, принял холодный душ и снова почувствовал себя бодрым. Вернувшись в номер Китти, он осторожно присел на край кровати, нежно погладил ее по волосам. Она медленно открыла глаза. Увидев Марка, улыбнулась и сладко потянулась. Но тут же на ее лице воскрес страх...

В восемь сорок утра Бен Канаан, одетый в капитанский мундир, сел в военный «джип», возглавлявший колонну из двенадцати грузовых машин. Минут через двадцать они остановились перед управлением лагерей в Караолосе.

Ари постучал в кабинет начальника лагеря, с которым успел предусмотрительно подружиться:

— Доброе утро, сэр!

— Доброе утро, капитан. Чем могу служить?

— Мы получили приказ из штаба, сэр. Похоже, новые лагеря готовы досрочно. Мне приказано перевезти туда часть детей.

Ари положил на стол поддельные наряды.

Начальник лагеря полистал бумаги.

— В нашем графике ничего об этом не сказано. Мы рассчитывали начать переброску лишь через три дня. — Он посмотрел на Ари, затем еще раз на бумаги и поднял телефонную трубку.

— Алло, говорит Поттер. Капитан Мур привез приказ на переброску трехсот детей из секции № 50. Выделите бригаду им в помощь.

Начальник достал ручку и завизировал наряды, потом подписал еще дюжину пропусков — для каждого водителя.

Завтрак стоял на століке у окна в комнате Марка Паркера. Они с Китти едва дотронулись до пищи. Зато пепельница была полна окурков.

— Который час? — спросила Китти.

— Около половины десятого.

— Что же будет?

— Если все идет по графику, то дети должны уже быть в машинах.

В окно было видно, как дряхлый пароход, переименованный из «Афродиты» в «Экзодус», медленно вползал в гавань.

— Боже мой, — вскрикнула Китти, — это и есть их ковчег?

— Точно.

— Марк, но ведь он вот-вот развалится на части.

— Вполне возможно.

— Как же они думают разместить на нем триста детей?..

«Экзодус» проплыл мимо их гостиницы сквозь узкий просвет между рукавами мола.

Марк зажег новую сигарету.

— Что они там, уснули? Я заказывал кофе, позвони, пожалуйста, пусть немедленно несут.

Четверть одиннадцатого... Кофе наконец принесен. Он знал: если не позвонит через десять минут, значит, произошло что-то непредвиденное.

Двадцать минут одиннадцатого... Звонки!

— Алло.

— Мистер Паркер?

— Слушаю.

— Овч только что приехали.

Марк положил трубку.

— Все в порядке. Ари вывез их из Караолоса. Теперь едет по Ларнакскому шоссе и минут через пятнадцать повернет на север. Они придут сразу после обеда... если все пойдет хорошо.

Он взял бинокль, спустился с Китти к телеграфу и попросил бланк.

Кеннету Бредбери зпт директору Американского синдиката новостей зпт Лондон тчк Подвернулось дело тчк прошу продлить отпуск две недели тчк подтвердите получение тчк Марк

— Отправьте это, пожалуйста, срочно. Когда придет?

— Телеграфист прочитал текст.

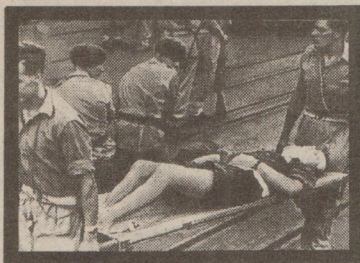
— Будет в Лондоне через два часа.

Они вышли из гостиницы «Дворцовый» и направились к пристани.

Концлагерь на Кипре, где англичане размещали нелегальных эмигрантов

Операция, проведенная в 1947 г.: 8 июля по прибытии в порт Хайфа раненых эвакуируют британские солдаты

— Что это было? — спросила Китти.
— Условный знак, чтобы мой репортаж отправился в набор.

Они постояли несколько минут на набережной, глядя, как причаливает ветхое судно. Потом пересекли порт и взобрались на башню Девы. Отсюда открывался вид на шоссе, тянувшееся вдоль моря. По нему должна была проехать колонна.

В четверть двенадцатого Марк увидел в бинокль облачко пыли на горизонте. Колонна автомашин ползла по извилистому шоссе.

— Осталось всего полчаса пути... Они спустились с башни, вновь пересекли порт и остановились в самом конце набережной. Когда колонна проехала госпиталь на окраине города, Марк повел Китти в гостиницу.

Он вошел в телефонную кабину и вызвал британскую контрразведку в Фамагусте.

— Мне нужно срочно поговорить с майором Алистером, — сказал Марк, обернувшись новым платком микрофон и стараясь говорить без американского акцента.

— Назовите, пожалуйста, свою фамилию и объясните, по какому делу он вам нужен.

— Послушайте, старик, — ответил Марк. — Триста евреев только что ушли из лагеря. Бросьте дурацкие расспросы и немедленно соединяйтесь...

— Алистер слушает, — послышался в трубке сдержанный голос.

— Говорит доброжелатель, — произнес Марк. — Хочу вам доложить, что несколько сот евреев совершили побег из Караолоса и в эту самую минуту направляются на борт корабля в Кирении.

Он тут же положил трубку. Алистер застучал по рычагу.

— Алло... кто это говорит? Алло...

Затем бросил трубку и тут же схватил ее снова.

— Говорит Алистер. Мне только что доложили о побеге евреев. Они якобы направляются на корабль в Кирении. Сейчас же объявите тревогу. Пусть военный комендант немедленно проверит сообщение. Если это правда, нужно экстренно вызвать несколько военных кораблей.

Алистер положил трубку и победоносно вышел из кабинета Сатерленда.

Бен Канаан вышел из «джипа», за ним к «Эксодусу» подтянулись транспортные грузовики. Тренированные дети действовали с военной четкостью. Они быстро перебирались из машин на корабль. Капитан судна молча указывал каждому место в трюме или на палубе.

Несколько зевак на набережной недоуменно глядели на происходящее. Британский солдат пожал плечами и почесал в затылке.

Как только грузовик пустел, шофер угонял его в горы и там бросал. Фаль-

шивая транспортная рота, выполнив свое задание, прекращала существование.

Ари поднялся на борт «Эксодуса» и направился в рубку. Не прошло и двадцати минут, как ему доложили, что погрузка детей закончена. Тут же заработала дряхлая машина.

«Эксодус» доплыл до середины гавани и бросил якорь. В ту же минуту завывли сирены. Ари посмотрел в бинокль на берег. Десятки британских грузовиков и «джинов» мчались со всех сторон.

Ари глянул на палубу. Дети были спокойны.

Англичане наводнили порт. Офицеры выкрикивали команды. Солдаты труппой неслись по обоим рукавам мола, устанавливая у выхода из гавани пулеметы, чтобы отрезать путь судну.

Пристань оцепили, зевая с набережной прогнали. Не прошло и часа, как порт кишел солдатами; их съехало не менее пятисот, и все были вооружены до зубов. За гаванью бросили якоря несколько торпедных катеров. На горизонте показались три миноносца. Вой сирен не прекращался. Мирный городок мгновенно превратился в военный лагерь. Затем по набережной прогрохотали танки.

Вновь завывли сирены, и к пристани подбежали генерал Сатерленд, его адъютант и Алистер. Майор Кук, комендант порта, отдал рапорт:

— Вон то судно, сэр, что посреди гавани, доверху забито евреями, это точно. Но уйти оно никак не может.

Сатерленд оглядел пристань.

— Вы нагнали войска, будто предстоит бой с танковой дивизией, — произнес он. — Между тем на судне просто сумасшедшие. Распорядитесь, чтобы установили громкоговоритель.

— Слушаюсь, сэр.

— Спросили бы меня, так я бы посоветовал сбросить их в море, — изрек адъютант.

— Но я вас не спрашиваю, — отрезал Сатерленд. — Кук! Оцените район порта. Подготовьте абортажный отряд. Слезоточивые газы, легкое оружие — на случай, если они не согласятся сойти на берег по-хорошему. Фредди, сбегайте в гостиницу и передайте в штаб, что я требую оборвать все связи с внешним миром.

Алистер стоял молча.

— Ваше мнение, Алистер?

— Не нравится мне все это, сэр, — ответил он. — Они не рискнули бы затеять побег среди бела дня, не будь у них чего-то за пазухой.

— Бросьте! Вечно вам мерещатся призраки.

Марк Паркер продолжил себе путь через оцепление и подошел к офицерам.

— Что тут происходит? — спросил он.

Алистер сразу понял, что его подозрения не напрасны.

— А вот и Паркер, — насмешливо протянул он. — Расстолкните нам все, будьте паянкой... Вам не мешало бы поработать над британским произношением. На тот случай, если захотите еще раз поговорить со мной по телефону.

— Не понимаю, о чем вы, майор.

Генерал Сатерленд тоже начал догадываться.

Подошел майор с докладом.

— Минут через десять абортажные группы смогут начать... Двести человек доберутся до судна на рыбацких катерах, которые сейчас будут поданы.

Сатерленд не слушал его.

— Где громкоговоритель, черт возьми!

Над портом нависла тревожная тишина. Абортажные команды стояли, готовые в любую минуту броситься к катерам.

— Эй, на судне! Говорит генерал Брюс Сатерленд, — раздался голос, которому вторило громкое эхо. — Вы меня слышите? Даю вам десять минут, чтобы подняться к пристани. Если не пристанете, пошлю абортажную команду.

В рубке «Эксодуса» Ари включил громкоговоритель:

— Эй, Сатерленд! У нас на борту триста два ребенка, а машинное отделение набито динамитом. Как только ваши люди вступят на борт или откроют огонь, мы тут же взорвем корабль.

Именно в эту минуту репортаж Марка Паркера рванулся по телефону из Лондона во все концы света...

На мачте корабля взвился британский флаг, изуродованный посередине свастики. Сатерленд, Алистер и полтысячи английских солдат окаменели.

Битва за «Эксодус» началась.

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК! ДАВИД ПРОТИВ ГОЛИАФА, ВАРИАНТ 1946 ГОДА.

ОТ СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОГО СИНДИКАТА НОВОСТЕЙ МАРКА ПАРКЕРА.

КИРЕНИЯ, КИПР

...У Кипра богатая и бурная история. На острове много следов блестящего прошлого, начиная с руин Саламиды, соборов Фамагусты и Никосии и кончая множеством дворцов славной эпохи крестоносцев.

Однако красочное прошлое — ничто по сравнению с драмой, которая происходит в данную минуту в этом тихом, никому не известном и заброшенном городке. Вот уже несколько месяцев, как Кипр превращен в место ссылки для еврейских беженцев, пытавшихся прорваться через британскую блокаду в Палестину.

Сегодня триста детей в возрасте от десяти до семнадцати лет совершили (пока неизвестно как) побег из британского лагеря, расположенного в Караолосе, пересекли остров и сели в Кирении на специально переоборудованное для этой цели старое транспортное судно, которое ожидало их в порту, чтобы отплыть в Палестину.

Почти все беглецы — бывшие узники немецких концлагерей и лагерей уничтожения. Транспортное судно, метко переименованное в «Эксодус», было обнаружено британской разведкой еще до того, как ему удалось покинуть порт.

Теперь судно с тремя сотнями детей на борту стоит на якоре посреди гавани диаметром не более трехсот метров, и его экипаж решительно отклоняет все попытки англичан приковать детей высидеть на берег и вернуться в Караолос.

Представитель команды заявил, что трюм судна набит динамитом. Дети полны решимости покончить с собой: они вернутся на судно при первой же попытке англичан ворваться на корабль.

В Лондоне генерал Тевор-Браун бросил газету на письменный стол, зажег сигару и принялся изучать донесения. Репортаж Марка Паркера, персозвонная журналистская бомба, всколыхнул не только Европу, но и Соединенные Штаты. Сатерленд отказался от взятия «Эксодуса» силой и требовал инструкций.

Тевор-Браун знал, что часть вины лежит на нем самом: кто рекомендовал Брюса Сатерленда на эту должность, кто не обратил внимания на донесение Алистера, который предупреждал: на острове что-то затевается и Сатерленда нужно немедленно сменить?

В кабинет вошел Хамфри Кроуфорд — снедаемый честолюбием чиновник ближневосточного отдела, который служил связующим звеном между армией и Уайтхоллом.

— Добрый день, сэр Кларенс, — нервно поздоровался Кроуфорд. — Нам пора на совещание к Бредшоу.

Тевор-Браун встал из-за стола и собрал бумаги.

— Правильно. Старик уже, верно, ждет.

Вот уже тридцать лет Сесил Бредшоу был одним из главных творцов британской политики на Ближнем Востоке...

К концу второй мировой войны к власти в Англии пришла лейбористская партия. Чего только она не наобещала во время предвыборной кампании! Между прочим — создать в Палестине еврейское государство, прибежище для уцелевших жертв нацизма. И именно Сесил Бредшоу убедил нового министра иностранных дел, что хотя предвыборные обещания звучат красиво, но практически они невыполнимы, так как британские интересы требуют поддержки арабов. У арабов десять миллионов квадратных миль и полным-полно нефти; у них же — Суэцкий канал, жизненно важный для Великобритании.

Тевор-Браун и Кроуфорд прошли в кабинет. Бредшоу, грузный мужчина за шестьдесят лет, стоял у стены спиной

к вошедшим, заложив за спину толстые руки. Кроуфорд испуганно присел на краешек стула, Тевор-Браун расположился в глубоком кожаном кресле и зажег сигару.

— Поздравляю вас, господа, — обращаясь к стене, сказал Бредшоу голосом, дрожащим от гнева. — Мы с вами попали на первые полосы.

Он обернулся, похлопал себя по крутому животу и улыбнулся.

— Вы, верно, ждали, что со мной случится припадок. Ничего подобного. Уайтхолл, правда, звонил с утра. Как и следовало ожидать, министр спихнул дело мне. — Бредшоу уселся за письменный стол, глянул на лежащие там донесения и резко сорвал с носа очки в роговой оправе.

— Сэр Кларенс, скажите, пожалуйста, ваша разведка вымерла или вы направили туда своих ребят играть в теннис? — Господа, — быстро вмешался Кроуфорд, опасавшийся ссоры, — мы попали в крайне неловкое положение. Об «Эксодусе» заговорили даже в американской печати.

Бредшоу язвительно захохотал.

— Вопреки всем тумзновским разговорам, американцы приняли с конца войны не более десятка тысяч еврейских беженцев. Конечно, Трумэн за сионизм... покуда Палестина не в Пенсильвании. У всех на устах громкие слова, но миллион евреев сидит именно на нашей шее. Миллион евреев, которые могут подорвать все наши позиции на Ближнем Востоке. — Бредшоу вновь надел очки. — Эти сионисты — хитрючий народ. Уже четверть века они валят на нас все пишки в Палестине, они вычитывали из договоров и декларации Бальфура такое, чего там никогда не было. Да они верблюда убедят, что он ипшак. Господи, боже мой! Поговорить пару часов с Хаммоном Вейдманом — так я сам стану сионистом.

Бредшоу опять снял очки.

— Поговорим лучше об «Эксодусе»... Мы ни за что не уступим. Судно — в наших водах, а не во французских. Мы не будем брать их силой, не станем отправлять их в Германию, не потопим корабль, но будем держать их в Кирении, пока они не сойдут! Слышите? Именно сойдут! — От ярости у Бредшоу задрожали руки.

Тевор-Браун прикрыл глаза:

— Мы не можем пойти на то хотя бы из моральных соображений. У нас нет никаких оснований удерживать триста детей, выросших в концентрационных лагерях, и мешать им ехать в Палестину. Нефть... каналы... арабы... К черту все это! Мы выставили себя на посмешище, когда отправили беженцев с предыдущего корабля в Германию!

— Я же говорю, что мне известны ваши симпатии.

Тевор-Браун поднялся.

— Есть только один способ выйти из этой истории с честью. Евреи затеяли всю операцию ради пропаганды. Спугайте их карты. Дайте «Эксодусу» отплыть сию же минуту.

— Никогда! Это судно не поднимет якорь, пока я сижу в этом кресле.

МАРКУ ПАРКЕРУ ГОСТИНИЦА «ДВОРЦОВАЯ» КИРЕНИЯ, КИПР

Получилось неплохо тчк гоните продолжение тчк

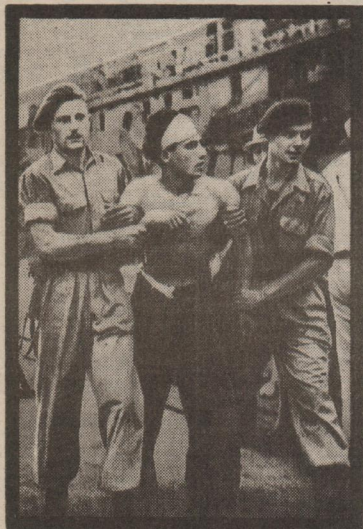
Кен Бредбери АСН Лондон

КИРЕНИЯ, КИПР, АСН. ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА МАРКА ПАРКЕРА

Смешное зрелище: тысячи вооруженных солдат, танки, артиллерия и военноморская эскадра стоят, беспомощно глядя на безоружное транспортное судно.

Первая неделя борьбы за «Эксодус» закончилась ничем. Обе стороны, англичане и беженцы, твердо стоят на своем. До сих пор никто не пытался взобраться силой на борт нелегального судна: экипаж заявил, что, если такая попытка будет предпринята, оно взлетит на воздух. Между тем судно стоит всего в нескольких сотнях метров от набережной, и в бинокль видно все, что происходит на борту.

Всю неделю дети пели песни и издавали над британскими солдатами, которые несли охрану.

1947 г.: один из раненых с «Эксодуса»

Марк отправлял свои репортажи день за днем, добавляя все новые подробности.

Сесил Бредшоу, принимая решение превратить «Эксодус» в назидательный пример, знал, что на него обрушится убийственная критика. Французская печать всегда реагировала на подобные события с крайним возмущением, но на этот раз нападки были попросту безудержны: ничего подобного не бывало за всю историю англо-французского сотрудничества. Печать других стран тоже судила об этом деле резко, и даже в британской прессе мнения разделились. Все чаще в газетах высказывались сомнения в мудрости решения, принятого Уайтхоллом.

Бредшоу был опытным политиком, пережившим на своем веку не одну бурю. Он послал в Кирению трех преданных журналистов, которые должны были нейтрализовать репортажи Паркера. У англичан нашлась зацепка, и они ловко использовали ее: мол, если сионисты действительно такие благородные, то почему подвергают опасности жизнь трехсот невинных ребят?

Однако даже искусной демагогией было нелегко побороть естественное сочувствие к судьбе детей, выросших в концлагерях.

В аэропорту Никосии высадились журналисты из десятков стран, требуя допуска в район Кирении. Ряд иллюстрированных изданий послал фотокорреспондентов. Гостиница «Дворцова» все более напоминала резиденцию небольшого политического съезда.

В парижских кафе англичан ругали. В Старогельме пасторы читали проповеди, взывая к человеколюбию.

В Риме спорили. В Нью-Йорке букмекеры устраивали пари: ставили четыре против одного, что «Эксодусу» не дадут поднять якорь.

К концу второй недели Бен Канаан разрешил Марку подняться на борт. Он стал первым посторонним, которому удалось попасть на корабль. Его репортаж был напечатан на первых страницах всех газет.

ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ. ДАННОЕ НАШЕМО СПЕЦИАЛЬНОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ НА БОРТУ «ЭКСОДУСА» АРИ БЕН КАНААН. КИРЕНИЯ, КИПР, АСН

Бен Канаан — мужчина лет тридцати, рост — свыше шести футов. У него черные волосы и холодные голубые глаза, он легко мог бы сойти за киноартиста. Ари выразил глубокую благодарность благожелателям во всем мире и заверил меня, что дети держатся великолепно. Он сказал: «Мне наплевать на личные нападки. Интересно, впрочем, упомянули ли англичане о том, что во время войны я служил в их армии в чине капитана, а потом майора?»

Нас, евреев, обманывают в чем угодно, мы к этому привыкли. Я удивляюсь, как они еще не обманули нас в беспорядках, происходящих в Индии. Ганди, к счастью, не еврей.

Уайтхолл прибегает к старому жуе-лу сионизма, чтобы прикрыть три десятилетия грязного правления, лживых заверений, данных как евреям, так и арабам, когда тех и других продавали и предавали. Не успели опубликовать в 1917 году декларацию Бальфура, обещающую создать в Палестине еврейское государство, как тут же ее нарушили. С тех пор они все время нарушают свои обещания. Последнее предательство совершили лейбористы, обещавшие перед выборами открыть двери Палестины для уцелевших жертв нацизма.

Каждый, кто находится на борту «Эксодуса», пришел сюда добровольно. Все они — сироты по вине Гитлера. Почти все эти дети провели в немецких и британских концентрационных лагерях по пять-шесть лет. Если Уайтхолл в самом деле так озабочен их благополучием, то пусть откроет ворота лагерей в Караолосе, чтобы журналисты могли познакомиться с положением тех, кто там сидит. Их держат за колючей проволокой под дулами автоматов, плохо кормят, не хватает воды, медицинское обслуживание нигде не годится. Никаких обвинений против этих людей нет. И тем не менее их держат под стражей.

Впредь господа из Уайтхолла пусть получают обосновывают свои претензии. Я скажу министру иностранных дел то же, что великий человек сказал другому: поработайте три тысячи лет тому назад: «Отпусти народ мой».

НА «ЭКСОДУСЕ» ОБЪЯВЛЕНА ГОЛОДОВКА! ДЕТИ ПРЕДПОЧИТАЮТ УМЕРЕТЬ С ГОЛОДУ, ЧЕМ ВЕРНУТЬСЯ В КАРАОЛОС.

Выждав две недели, пока шумиха, поднятая газетами, не сошла на нет, Ари перешел в атаку.

За борт вывешена огромная доска, на которой по-английски, по-французски и на иврите менялись надписи:

Голодовка, один час...

Голодовка, пятнадцать часов...

Двое мальчиков и пятнадцатилетняя девочка потеряли сознание; их положили на верхнюю палубу.

Голодовка, двадцать часов...

Десять детей лежат без сознания на палубе.

— Ради бога, Китти! Перестань вышагивать, сядь!

— Уже двадцать часов. До каких же пор это будет продолжаться? У этих ребятшек вообще слабое здоровье, а тут еще проторчали две недели на проклятом судне.

Китти затаила сигаретой и принялась нервно тереть волосы.

— Твой Бен Канаан — просто зверь.

— Я много думал над этим, — сказал Марк. — Боюсь, нам никогда не понять того, что движет этими людьми. Ты когда-нибудь была в Палестине? Мертвая пустыня на юге, выветрившаяся степь посередине и сплошное болото — на севере.

Вонючая выжженная дыра, окруженная плотным кольцом врагов, которых не меньше пятидесяти миллионов. И все же они валят туда. Они называют эту дыру землей обетованной, где течет молоко и мед...

Две недели назад я сказал Бен Канаану, что у евреев нет монополии на страдание, но теперь начинаю сомневаться. Какова же должна быть мера страдания, чтобы люди стали такими фанатиками!

— Не заступайся за него, Марк, не защищай, пожалуйста, эти сумасшедших...

— Подумай вот о чем. Без поддержки детей у Ари ничего бы не вышло. Они же — за него, безоговорочно.

— Это-то и страшно, — ответила Китти. — Такая круговая порука... Они горой стоят друг за друга. Марк!

— Что?

— Я хочу на «Эксодус».

— Это невозможно.

— Я больше не могу, — прошептала она.

На Кипре стихийно возникла всеобщая забастовка. Транспорт замер, закрылись магазины, порты, театры и рестораны. Фамагуста, Никосия, Ларнака и Лимасол словно вымерли.

Голодовка, сорок часов...

Ари Канаан не сводил глаз со своих помощников.

Зеев, крестьянин из Галилеи, заговорил первым.

— Я солдат. Не могу стоять и смотреть, как умирают дети.

— В Палестине, — резко оборвал его Ари, — ребята не старше их уже воюют.

— Одно дело воевать и совсем другое — умирать с голоду.

— Это та же борьба, только в другой форме, — ответил Ари.

В Соединенных Штатах, в Южной Африке, в Англии — массовые молитвы в синагогах; во многих христианских церквях тоже молились о благополучии детей с «Эксодуса».

Уже темнело, когда Китти поднялась на борт корабля. Стояла невыносимая вонь. По всей палубе, в спасательных лодках, у палубных постовок валялись обессиленные дети. Они лежали не шевелясь.

Китти повели в трюм. Ее чуть не стошнило. Она различала в полумраке детей, лежавших вповалку в своих клетках. На верхнем ряду нар они были тесно прижаты друг к другу, лежа на лохмотьях; пол был скользкий от грязи и сырости.

Она пошла в лазарет, посмотрела, что там осталось из лекарств, и вздохнула.

— Тут много не заработаешь, — сказала она сопровождавшему. — Но попробую все-таки, сколько сумею.

Китти лихорадочно работала несколько часов, чтобы отразить смерть. Но пока она приводила в чувство одного ребенка, заболело трое других. У нее не было ни лекарств, ни воды, вообще ничего. Единственное, что помогло бы, — пищу — она использовать не могла.

Голодовка, восемьдесят один час...

На палубе «Эксодуса» лежали без сознания семьдесят детей.

На набережной Кирении среди английских солдат появились признаки неповиновения. Многие отказывались выполнять приказы и требовали, чтобы их сменили, несмотря на то что им угрожали военным трибуналом.

Китти вошла в рубку и в изнеможении упала на стул. Она проработала без перерыва тридцать пять часов и теперь валялась с ног в оцепенении. Ари налил ей виски.

— Выпейте, — сказал он. — Вы-то в голодовке не участвуете.

Голодовка, восемьдесят пять часов...

Генерал Тевор-Браун, тайно вылетевший на Кипр, чтобы взять командование в свои руки, ходил по кабинету Сатерленда. Табачный дым стоял столбом. Он несколько раз останавливался, смотрел в окно в сторону Кирении.

Сатерленд вынул трубку, взглянул на бутерброды на чайном столике.

— Присядьте, сэр Кларенс, закусите, выпейте чаю.

Тевор-Браун посмотрел на часы и вздохнул. Он сел, взял бутерброд, откусил кусочек, но тут же швырнул еду на стол.

— Мне просто совестно есть сейчас, — пробормотал он.

— Да, эта история не для тех, у кого сохранилась совесть, — ответил Сатерленд. — Две войны, одиннадцать должностей за рубежом, шесть наград, три ордена. А оборвала карьеру кучка безоружных детей. Блестящий конец для тридцатилетней службы, не так ли, сэр Канаан?

Тевор-Браун опустил глаза.

— Я знаю — вам нужно поговорить со мной, — сказал Сатерленд.

Тевор-Браун налил себе чаю и смущенно вздохнул.

— Послушайте, Брюс. Будь по мне...

— Чепуха, сэр Кларенс. Вы тут ни при чем. Это не вы, а я должен чувствовать себя неловко. Я ведь подвел вас. — Сатерленд поднялся. — Я устал. Ужасно устал.

— Мы добьемся для вас полной пенсии, а отставка пройдет без шума. Можете положиться на меня, — сказал Тевор-Браун.

В кабинет вошел майор Алистер. Он был бледен. Тевор-Браун прочел бумагу, которую он принес, перечел...

— Да смилуетесь Господь над всеми нами! — прошептал он и протянул бумагу Сатерленду.

ЭКСТЕННО!

Бен Канаан, представитель «Эксодуса», заявил, что начиная с завтрашнего дня десять добровольцев будут ежедневно в полдень лишать себя жизни на капитанском мостике на виду у британского гарнизона. Эти акции протеста будут продолжаться до тех пор, пока судно не будет разрешено сняться с якоря.

Бредшоу, Кроуфорд и еще несколько его помощников оставили Лондон и направились в мирную тишину загородного дома. До начала самоубийств на «Эксодусе» оставалось четырнадцать часов.

Бредшоу был упрям, как бык, но он умел проигрывать и теперь лихорадочно искал хоть какой-нибудь компромисс, чтобы выйти из этой истории с честью.

Он связался с Кипром и велел Тевор-Брауну передать Канаану, что английское правительство разработывает компромисс, нужно лишь отсрочить самоубийства хотя бы на 24 часа.

СРОЧНО!

Канаан заявил, что ни в какие переговоры не вступит и не признает никакого другого решения: либо «Эксодус» поднимает якорь, либо он начинает действовать. Ари Бен Канаан сказал: «Отпусти народ мой».

Тевор-Браун

Сесил Бредшоу не смог заснуть в эту ночь. Он метался по комнате. Через шесть часов дети начнут убивать себя. Компромисса добиться не удалось.

На столе лежали официальные ноты от европейских и американских правительств. В них дипломатическим языком выражалась тревога по поводу туника, в который, по-видимому, зашло дело. Тут же были ноты от арабских правительств, в которых говорилось, что, если кораблю будет разрешено следовать в Палестину, это будет рассматриваться как вызов, брошенный всем их странам и каждому арабу в отдельности.

Сесил Бредшоу растерялся. Когда же все это началось? Тридцать лет он успешно разрабатывал политическую линию на Ближнем Востоке, а теперь угодил в безвыходное положение с жалким невооруженным транспортным судном.

Как он вдруг попал в палачи? Никто не посмел бы сказать, что он антисемит. В глубине души Бредшоу восхищался евреями, понимал их стремление вернуться на родину. Однако в то же время Сесил Бредшоу верил всеми силами души, что в интересах Англии надлежит держать сторону арабов. Еврейское население подмандатной территории достигло полумиллиона, и арабы твердо стояли на том, что британцы нарочно насаждают среди них этих чужаков.

Бредшоу предстал, что на борту судна — его собственные внуки... Он знал Библию не хуже любого англичанина и, как все англичане, относился к ней с почтением, хотя и не был религиозен. Могло ли оказаться, что дети на «Эксодусе» движимы некой сверхъестественной силой? Нет, Бредшоу — реалист и дипломат, он не верит во всякую чертовщину. В его распоряжении армия, флот, и он в два счета может покончить с любыми бунтовщиками. Но вот беда: Бредшоу никак не может решиться на это! А разве египетский фараон не имел силы на своей стороне? По лицу Бредшоу струился пот. Все это чепуха, он просто устал. Слишком велико напряжение. Какое безумие!

«Отпусти народ мой»...

Бредшоу достал Библию и начал лихорадочно читать страницы книги «Эксодус», где говорилось о казнях, ниспосланных Богом на Египет.

Неужели он — воплощение фараона? Неужели навлекает проклятие на Великобританию? Он попытался прилечь, но в мыслях началась свистополка. «Отпусти народ мой...» «Отпусти...»

— Кроуфорд! — завопил он. — Кроуфорд!

Помощник вбежал в кабинет, застегивая на ходу халат.

— Вы меня звали?

— Немедленно свяжитесь с Тевор-Брауном. Передайте ему... пусть отпущает «Эксодус» в Палестину.

Публикация Валерия ПОЛИЩУКА

Мы упомянули, что кроме пяти более-менее законных детей от Разумовского императрица Елизавета произвела на свет четырех других. Одним из них была княжна Тараканова. Не удивитесь этому странному имени: у бедной княжны был такой печальный конец, что придется сожалеть об умирении.

Ей было 20 лет, и была она красива, свободна и неизменно пользовалась успехом. Совсем в юном возрасте ее увезли из Санкт-Петербурга во Флоренцию; она росла там, бедный цветок, благородным растением Севера, пересаженным под благословенное солнце итальянских микеланджело и рафаэлей. Была королевой праздников во Флоренции, Пизе и Ливорно. Официально о ней ничего не знали, но тайна, наводящая на смутные мысли о ее императорском происхождении, лишь добавляла шарма, и он обволакивал ее, как богиня древности — облака, когда те воздерживались предстать взору смертных во всем величии. Двое, однако, ее разгадали; один — по мотивам честолюбия, другой — по злобе: Карл Радзивилл и Алексей Орлов.

Карл Радзивилл — царедворец из Вильны, остревелый враг русских, соперник Чарторыжского, в 1762 году возведенный Августом III Саксонским в правители Литвы, — выступал соперником Понятовского на трон Польши. Но амбиции его шли еще дальше. Он мечтал еще об одном: добиться любви княжны Таракановой, стать ее мужем и — Москва взята благодаря союзу с дочерью Елизаветы, который заставит открыто признать ее происхождение, чтобы облегчить утверждение его власти над Россией.

Бедная княжна не знала этих амбициозных прожектов. Она видела только знаменитого царедворца, еще молодого, пригожего лицом, изысканного в манерах; она принимала его ухаживания крайне сдержанно, словно не была дочерью своей матери, и разнесся слух, что Карл Радзивилл, царедворец из Вильны, женится на княжне Таракановой, побочной дочери Елизаветы. Вскоре он донесся до русского двора. Заставил содрогнуться Екатерину, ибо она поняла планы принца Карла Радзивилла.

Екатерина добросовестно сокрушала все, что мешало, но барьеры снова появлялись на ее пути. Только она позволила удавить Петра III, только позволила убить юного Ивана, и вот в Италии рок уготовил ей соперницу, о которой она никогда не помышляла! Да будь еще это в России, в Ропше или Шлиссельбурге, там, куда может дотянуться ее рука; но в Италии, во Флоренции, в землях великого герцога? Она положила на своих добрых друзей Орловых. Те никогда не останавливались ни перед чем.

Екатерина как бы обомлела от своего намерении сделать Станислава Понятовского королем Польши; известие о таком замысле вернуло бы Карла Радзивилла в Варшаву и на время лишило бы защиты прекрасную княжну. Орлов же поступил бы так: отправился с тремя кораблями в Италию. Официально цель его путешествия сводилась бы к приобретению картин, скульптур, драгоценных украшений и возвращению домой артистов. Тайная цель в нужное время скажет сама за себя.

Орлов выехал; его корабль был нагружен золотом. Плавание завершилось благополучно; без приключений он обогул мисс Финистер, прошел Гасконский залив, пролив Гибралтар и вот бросил якорь в порту Ливорно. Бог смотрел в другую сторону.

Было это в июле; все шеголи из дворян и престижные женщины Тосканы собрались в Ливорно дышать бризами Средиземного моря и купаться в его волнах. Приезд Алексея Орлова, то есть основного участника революции 1762 года и брата любовника Екатерины, надо думать, пробудил общее любопытство.

Орлов попросил встретиться с княжной, она согласилась, но вместо того, чтобы сказать ей о любви, он заговорил о политике. Открыл бедной княжне такое, о чем сама она и не подозревала. Он рассказал ей о ее рождении, которое, при всей его незаконности, в глазах настоящих русских людей могло весить больше, чем брак Екатерины с Петром III, к тому же прекращенный таким преступным путем. Кто такая Екатерина, в конечном счете? Принцесса Анхальт-Цербстская, то есть немка, в жилах которой нет ни капли крови Романовых. Конечно, есть еще юный Павел I, но неизвестно, как к нему относиться, или, вернее, что и подумать о его появлении на свет. Вероятно, отцовство Салтыкова, но тогда, как и она, он внебрачный и незаконно рожденный. И сама Елизавета, разве она не была внебрачным и незаконно рожденным ребенком? В таком случае, остается встретить достаточно сильную руку, которая вас возведет на трон. А в этом отношении известна сила руки Алексея Орлова. Для нас очаровательная княжна Тараканова — не тяжелее пушинки. И глаза Орлова, рассуждавшего о политике, излучали такую нежность, что становилось предельно ясно, в том, что говорил о княжне Таракановой, он не отдал себя от нее. Бедная княжна не страдала честолюбием, но была кокеткой.

В багаже Орлова находилась императорская корона. Играючи, он примерил ее к голове княжны Таракановой, и корона оказалась в самый раз, как если бы была изготовлена специально для нее. И княжна представила себе, как будет выглядеть в полном наряде императрицы.

Она много говорила о своих обязательствах перед князем Радзивиллом. Но какие у него перспективы? Нужно сначала, чтобы его избрали королем Польши; затем нужно справиться с русскими и при этом добиться довольно внушительной победы, чтобы открыть

Александр Дюма (отец) ставил перед собой цель — написать историю человеческой цивилизации, которую не мыслит без истории нашего государства. В 1858—1859 годах он совершил длительное путешествие по России. Свои путевые очерки объединил в книги «Из Парижа в Астрахань» и «Кавказ». Но если «Кавказ» был издан в 1861-м и переиздан в 1988 году на русском языке, то очеркам «Из Парижа в Астрахань» путь к нашим читателям был закрыт. В печати появлялись лишь небольшие отрывки да цитаты из них. Теперь это положение исправляется. Журналист Владимир Ишечкин перевел и подготовил к изданию опальную книгу Александра Дюма.

Вниманию читателей предлагается взятая из этого перевода версия жизни и гибели княжны Таракановой. Надо сразу сказать, что она не совпадает с версией русского писателя Г. П. Данилевского, изложенной позднее в романе «Княжна Тараканова», и противоречит справке БСЭ. Александр Дюма, не ругаясь за историческую подлинность упомянутых событий, отнес ее к разряду страшных легенд Петропавловской крепости. Но, какой бы версия ни была, одно не подлежит сомнению и достоверно: в борьбе за власть нет места ни гуманности, ни милосердию.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

Александр ДЮМА (отец)

врата Москвы. В конце концов, требовалось тройное чудо, а время, когда бог творил чудеса, для Польши прошло.

Княжна, которая вначале слушала Орлова с недоверчивой улыбкой, стала слушать его со вниманием, свойственным мечтательному уму. Потом искusstель, а это был он, оставил ей императорскую корону — реально, сверкающую днем, и мечту, пленяющую ночью.

Вскоре узнали, что Орлов, признательный за оказанный ему прием, решил устроить или, точнее, отдарить гостеприимных хозяев праздником в ответ на все то, что он здесь получил. Велух говорили, что праздник посвящается дамам Ливорно и Флоренции, а потихоньку, что королевой на нем будет русская красавица. И в самом деле, на борту адмиральского фрегата разнервнели интенсивные приготовления.

Наконец, о празднике объявили официально. Орлов пригласил с такой любезностью, что никому не пришлось в голову отказываться. С нетерпением ожидали назначенного дня. В тот день фрегат, что из-за сильного водного течения был поставлен на якорь на внешнем рейде, сиял огнями. Говорили, что он походил на волшебную галерею Клеопатры. Все лодочки Ливорно, празднично разодетые, ждали приглашенных в порту, в лодках, украшенных цветами. В 9 часов пушечный выстрел с фрегата возвестил, что на корабле ждут гостей. И гости не заставили себя упрашивать. По сигналу целая флотилия бриллиантов, кружев и платьев из газа струнулась с места и покрыла поверхность моря. Впереди всех на баркасе фрегата, скользящем под пурпурными парусами, была прекрасная княжна, которая возлежала на персидском ковре. Орлов ждал ее у трапа своего фрегата.

Праздник был роскошным и продолжался до рассвета. Княжна получила почести полной мерой.

Когда потянул свежий утренний бриз, под которым трепещут цветы в стихах Данте, женщины — живые цветы, тоже продвинулись, оделись в свои атласные пальто и отбыли, группа за группой.

Последней оставалась княжна Тараканова. О чем говорил с ней красавец царевича? О любви или честолюбии? Факт таков, что несчастное создание, вместо того чтобы съехать на берег вместе с другими, задержалась и, оставшись на борту самой последней, почувствовала вдруг, что волна и ветер как-то по-новому покачивают фрегат. Корабль поднял якорь и шел на всех парусах. Бедная газель утодила в западню; несчастная княжна стала пленницей.

Ну вот, то, что остается нам рассказать, страшно. Без всяких предисловий любезный дворянин, предпринятый влюбленный сделался мрачным и свирепым исполнителем приказов Екатерины. Княжну, как была, в бальном платье, с цветами, в бриллиантовых украшениях, заперли в одной из кант фрегата. Сначала

она служила утехой для Орлова; потом, когда притомился и поскольку еще недостаточно она была осквернена его аристократической любовью, она была отдана на скотские ласки матросам, а им было позволено обращаться с ней, как им заблагорассудится.

Фрегат бросил якорь в Кронштадте, и Орлов отправился в Санкт-Петербург за указаниями императрицы. Вечером того же дня лодка, закрытая наподобие гондолы, та, что служила императрице для ее ночных прогулок по Неве, отделилась от фрегата, поднялась по Неве и пристала к берегу, против крепости. Женщина в наброшенном длинном покрывале, чтобы никто не увидел ни лица, ни фигуры и не получил никакого представления о ней, сошла с лодки и в сопровождении офицера и четырех солдат направилась к крепости. Офицер передал приказ коменданта. Тот, молча, жестом подволаз тюремного надзирателя, пальцем показав ему на номер, написанный на стенке, и пошел первым.

— Следуйте за комендантом, — сказал надзиратель.

Женщина подчинилась. Пересекли двор, открыли потайную дверь, спустились на 20 ступеней вниз, открыли дверь № 5, втолкнули женщину в камеру наподобие склепа и заперли за ней дверь. Дочь Елизаветы, прекрасная княжна Тараканова, это чудное создание, воспринимаемое созданием из перламутра, кармина, газа и атласа, оказалась полуживой в сырой и темной «мышеловке» рavelина св. Андрея и стала жить жизнью тех рептилий, какие — она почувствовала ночью — несколько раз скользяли по ее влажному лбу и холодным рукам. Она сделала не только безразличной, но еще и перестала реагировать на всякий шум. Спустя несколько дней после этого она явственно услышала самое сильное мыканье невосковой воды, но вот уж 12 лет, как она слушала его, и это мыканье было то глуше, то громче. Потом услышала пушечный выстрел. Она подняла голову. Ей показалось, что речная вода проникает через верхний проем и разливается по карцеру. Вскоре сомнения отпали. вода ручьем полилась в проем. Через два часа она ворвалась во внутрь. Невыносима.

Бедная женщина, она поняла смертельную опасность. Каким бы мрачным ни было ее существование, смерть ей казалась более мрачной... Ей было только 32 года.

Вскоре вода дошла ей до колен. Она звала, она кричала. Она подняла камень, что накануне не могла сдвинуть с места, и била камнем в дверь.

Ее крики, делаясь все более душераздирающими, ее стенания, в которых все сильнее звучала мольба, продолжались остаток дня и почти всю ночь. Эти плачи, идущие из воды, были невыносимы. Наконец около 4 часов утра они утили. Вода полностью заполнила подвальный этаж рavelина св. Андрея.

Когда наводнение прекратилось, когда вода спала, проникли в карцер княжны и обнаружили там ее тело. Мертвая, она не нуждалась больше в приказе императрицы, чтобы выйти оттуда. Вырыли яму на земляном валу и ночью закопали княжну. Сегодня еще показывают — взглядами, пальцем, жестом — холмик без креста, без камня, без таблички, на которой присаживаются гарнизонные солдаты, тобы побеседовать или сыграть в карты. Это единственный монумент, поставленный дочери Елизаветы, это единственная память, которая сохраняется о ней.

Такова вторая легенда крепости. Я мог бы рассказать десяток таких же. Может быть, они неверны, может быть, созданы воображением, порождены террором против народа. Разве Бастилия не была населена привидениями, что исчезли, когда дневной свет пробился в их темницы? Но он еще не проник в узилы Петропавловской крепости. Рассказывают об узниках, заточенных в камеры яйцеобразной формы, называемые les sacs — мешками, где не удастся ни сидеть, ни стоять; где одна нога подгибается, где постоянное перемещение центра тяжести приводит к вывиху суставов. Рассказывают об одном заключенном, поясной цепью по голому телу прикованном так, что сидит верхом на балке и в десяти футах над собой видит бесконечное течение невоской воды. Все это неправда, хвала небу! И мне говорили, что император Александр II с грустью сожалел об этих слухах, которые, даже не вникая в них глубоко, при его правлении можно считать ложью. Но если бы мне выпала честь приблизиться к нему и если бы он мне на них посоветовал, то я сказал бы ему:

«Sire, есть очень простой способ прекратить всевозможные темные слухи. Такому созерцанию, как вы, который велел помиловать всех людей, осужденных во время предыдущих правлений, и который за три года царствования не осудил никого, такому созерцанию нечего таить ни от народа, ни от истории. Следовательно, в первую годовщину пребывания на троне я открыл бы все казематы, все каменные мешки крепости и позволил бы народу их осмотреть; затем я призвал бы туда пионеров (добровольцев), и они принародно их засыпали бы; за ними — каменщиков, которые у всех на глазах заложили бы двери. И сказал бы:

— Дети, в прежние правления знать и крестьяне были рабами. И мои предшественники нуждались в тюремных камерах. В мое царствование знать и крестьяне — все свободны. И я в темницах не нуждаюсь. Тогда, sire, только объявляла бы даже не громогласная радость, грянули бы раскаты народного восторга, и, поднявшись на брегах Невы, он прокатился бы по всем четырем сторонам света».

ЖИЗНЬ СО ШПИОНОМ

Элеонора ФИЛБИ

ПРИВЫКАЮ К МОСКВЕ

Мы жили в Москве в стороне от дипломатического «анклава», контроль за нами осуществлялся другими способами, нежели за дипкорпусом, сотрудники которого жили в нескольких специально отведенных для них кварталах. Нам, однако, в конце концов были предоставлены некоторые из их привилегий, включая самую, вероятно, ценную — возможность пользоваться спецраспределителем ГУМа, что обычно распространялось лишь на посольства. Однако с помощью наших русских друзей и моего американского паспорта мы смогли получить эту особую льготу в этом огромном универсаме напротив Кремля, превосходившем даже магазин «Хэрродс». Главным, что нас привлекало, был продовольственный отдел — самый лучший в Москве. В ГУМе также можно было купить изделия народных промыслов.

Русские, как правило, едят капитально один раз в день — около полудня (и несколько позже лишь в дорогих ресторанах). Все остальное время они, по моим наблюдениям, только и делают, что закусывают. Особенно страстной любовью пользуется у москвичей мороженое.

...Иногда, когда Ким заканчивал в своем кабинете беседу со своими советскими коллегами, те приглашали нас в ресторан на ленч. Мне особенно запомнились походы в рестораны-«поплавки» на Москве-реке, где, кстати, была весьма малая вероятность нежелательной для нас встречи с кем-либо из иностранцев. Мне представляется поистине удивительным, что за все месяцы нашей московской жизни мы ни разу не столкнулись ни с кем из тех, кто мог бы нас узнать. А ведь мы открыто бывали всюду, где хотели.

Как-то воскресным утром при температуре минус двадцать по Цельсию мы договорились поехать вместе с четой Маклин на Птичий рынок — добраться туда без машины было довольно сложно. Из-за сильного мороза Дональд никак не мог завести машину, но после нескольких безуспешных попыток мотор заработал, и мы наконец приехали к месту назначения. Птиц в продаже было совсем мало, но зато вокруг шныряли подозрительного вида личности с маленькими ящичками в руках. Меня разби-

рало любопытство: что там внутри? Дрожа от холода, мы вскоре нашли убежище в небольшой закуской, где можно было получить тарелку горячего бульона. Рядом с нами за столиком сидел какой-то неряшливо одетый старик с так заинтересовавшим меня ящичком. Когда он открыл его, то я увидела там большую банку с тропическими рыбками, к которой была привязана грелка, чтобы «товар» не замерз.

В ту зиму холода порой становились просто невыносимыми, так что случалось, я вообще не выходила из дому или отваживалась высушить нос только на короткое время. В квартире было душно: батареи шпарили вовсю, а регулировать их оказалось невозможно. Чтобы как-то выйти из положения, мы ставили под них большие банки с водой, которых хватало не больше, чем на три дня, после чего воду приходилось наливать снова. Форточки можно было открывать для проветривания всего минут на пять — в комнатах тут же становилось холодно.

Русские коллеги Кима — Сергей, его молодой (и не слишком умный) помощник Виктор и третий, чье имя я так и не узнала (он бегло говорил по-немецки), — относились ко мне с большой теплотой, всячески стараясь облегчить мое вхождение в новую жизнь. С самого начала они устроили подписку на лондонскую «Таймс» для Кима и «Нью-Йорк геральд трибюн» для меня. Чета Маклин получала «Обсервер» и время от времени передавала его нам, но Ким, казалось, не очень-то хотел подписаться на него. Кроме того, русские друзья приносили нам другую американскую и английскую периодику, так что материала для чтения у нас было предостаточно. Нашу связь с внешним миром дополняли ежедневные — утром и вечером — сводки новостей Би-би-си, конечно, если это позволяла слышимость.

Глядя на то, как мне приходится отважно сражаться с языком, холодами и неизбежными ограничениями, русские, должно быть, заключили, что я не вполне счастлива. Понятно, что их прежде всего интересовал Ким, а не я, но они понимали: стоит мне захандрить и начать жаловаться, как это незамедлительно отразится на его работе, а возможно, и на состоянии его здоровья. Вот почему я и стала очередным предметом забот для КГБ.

Как-то утром, после беседы у нас в кабинете за закрытыми дверями, я узнала, что разговор на этот раз шел обо мне. Ким

неоднократно спрашивал, чем бы мне хотелось заняться. Я высказала два пожелания. Во-первых, меня интересовала техника изготовления традиционных лакированных шкатулок с росписью на сюжеты русских народных сказок. Этот промысел начал постепенно хиреть, и качество росписи значительно ухудшилось. Я знала, что мастерские по изготовлению шкатулок находятся в двух деревнях сравнительно недалеко от Москвы; их продукцию можно встретить в некоторых антикварных лавках Лондона, бывает она и в ГУМе, а также в киосках некоторых интуристских гостиниц Москвы и Ленинграда. В моей коллекции были две шкатулки, подаренные мне Кимом, и у меня возникло страстное желание побывать в местах, где работают старые мастера.

Хотелось мне также участвовать в работе по реставрации старинных икон и фресок, которая, как я слышала, проводится во многих русских церквях. В свое время, живя в Калифорнии, я целое лето посвятила изучению техники фресковой живописи, где моим наставником был мексиканский художник Диего Ривера.

Ким передал мои пожелания русским, но их реакция была не слишком вдохновляющей: по их мнению, мне сперва следовало изучить язык, а уже потом заниматься всем остальным. Я с этим была не вполне согласна. Дело в том, что мне доводилось работать со многими иностранными живописцами, и я убедилась: язык не имеет при этом решающего значения.

С конца зимы Ким и я стали брать уроки русского у профессора университета: она приходила к нам три раза в неделю, а каждый урок продолжался два часа. Мы начали заниматься с энтузиазмом, но я вскоре отстала от Кима, поскольку в отличие от него не обладала особыми способностями к языкам. Уроки вдвоем сделались для меня сущим мучением, я чувствовала себя полной тупицей — и в результате обучение шло из рук вон плохо. Без помощи Кима объясняться я ни с кем не могла и полностью зависела от него... Однако жизнь той зимой все же не была такой уж безрадостной. У наших попутчиков появилось потомство — и Ким при виде очередной голубенькой головки приходил в такой восторг, как если бы к нам в гости пожаловал сам м-р Хрущев.

Русские, как я убедилась, просто обожают растения, и, невзирая на суровую зиму, многие из них держат

цветы в горшках прямо на подоконнике. Цветы считаются роскошью, и тем не менее люди стоят в очереди, чтобы купить букет — по цене рубль (или восемь шиллингов!) за тюльпан. Цветочные магазины тут берут приступом, стоит только появиться новой партии товара. Чтобы иметь возможность покупать цветы, мы вели настоящую «слежку» за нашим киоском, расположенным возле станции метро.

Центральным событием недели бывали наши вылазки на Главпочтамт, где у Кима был свой абонентный ящик № 509. Путешествие на метро занимало минут тридцать — сорок, включая и пересадку. Для нас бывало большим разочарованием, если ящик оказывался пуст. Русские в конце концов стали опасаться, что кто-нибудь, зная наш номер, сможет нас выследить. Тогда они устроили так, чтобы вся корреспонденция поступала в районное почтовое отделение возле дома, где мы жили. Это было не только безопаснее, но и удобнее, так как теперь Анна могла по пути к нам заглядывать на почту и забирать наши письма.

Мы оба любили слушать хорошую музыку, действовавшую на нас успокаивающее, и частенько заходили в магазин грампластинок на улице Горького. У Кима было неплохое собрание русских опер и красноармейских маршей. Мы почти не пропускали спектаклей в Большом театре. Однажды на концерте квартета Баршая в Зале Чайковского мы увидели тогдашнего британского посла сэра Хамфри Тревелиана, к которому и муж и я относились с большой симпатией. Я часто спрашивала себя: а видел ли он нас? Наша последняя встреча произошла в Бейруте на ленче, который м-р Икс (глава британской резидентуры) устроил в честь отца Кима, известного исследователя Джона Филби, за несколько дней до его кончины в сентябре 1960 года. В Москве я несколько раз видела сэра Хамфри в посольской машине, и мне неизменно хотелось остановить ее. Но что бы я могла ему сказать, если бы мы встретились? Я прекрасно понимала: ни его официальное положение, ни моральные критерии, которыми он руководствуется, не позволяют ему тратить свое время на перебежчиков.

Я часто думала, что ожидает нас с Кимом в России. Через несколько месяцев я полностью поняла, какой жестокий «прессинг» нас окружает: русские явно предпочитали не рисковать, а действовать наверняка. Чего они боялись? Понять это было

выше моих сил, пока в один прекрасный день Ким не дал мне почувствовать: его друзья опасаются, как бы британская разведка или, возможно, ЦРУ не попытались ликвидировать его, если им только удастся нас выследить. Именно этим обстоятельством прежде всего и объяснялся тот чрезвычайно узкий круг людей, в котором нам дозволено было возвращаться. К примеру, нам даже не разрешали встретиться с Эриком де Монти, московским корреспондентом Би-би-си.

— Потом... может быть, — вот что заявили нам русские в ответ на нашу просьбу.

Даже Сергей, наш самый близкий человек из окружения Кима, несмотря на неизменную доброжелательность и любезность, оставался сдержанным и не позволял себе никаких вольностей. Нас, скажем, ни разу за все время моего пребывания в Москве так и не пригласили побывать у него в гостях. Мы не были знакомы с его женой — и лишь однажды имели возможность увидеть его юную дочь во время парада на седьмое ноября, куда мы с Кимом получили официальное приглашение, — это был первый парад, на котором я присутствовала.

Я чувствовала себя еще более одинокой, чем всегда, и теперь вынуждена была поневоле проводить почти все свое свободное время в обществе Мелинды Маклин, которую до того я не слишком-то жаловала своим вниманием.

Еще одним человеком с Запада, с кем в ту зиму я несколько раз встречалась, была Хильда Перхэм, активный член Британской компартии, работавшая стилисткой в еженедельнике «Москоу ньюс». Хильда жила в том же самом доме, что и Берджесс, с которым они были добрыми друзьями. Последним в моем «списке» стоял Питер Темпест, московский корреспондент английской коммунистической газеты («Дейли уоркер»). С ним и его женой-югославкой мы за все это время виделись всего лишь раз.

Единственным из русских, кем считая, разумеется, коллег Кима по работе, с которым нам удалось подружиться, стал исключительно приятный пожилой писатель и ученый, сидевший при Сталине в тюрьме и только чудом избежавший гибели в застенках. В ожидании получения отдельной квартиры этот человек ютился в небольшой комнатухе, заставленной — от пола до потолка — сотнями книг. Наше знакомство с ним произошло уже в начале лета, когда он был попутчи-

ком Дональда Маклина во время его поездки в древний Самараханд. Впоследствии мы видели несколько раз, и наши встречи неизменно бывали интересными и содержательными.

Мои успехи в овладении русским языком нельзя было назвать впечатляющими — правда, в конце концов я все-таки овладела алфавитом и могла кое-как читать. Все мои попытки чем-то занять себя также не увенчались успехом: их попросту отклонили, наложив на них «вето». В довершение всего я была совершенно одна, без друзей. Мне приходилось вести весьма замкнутую жизнь, большую часть времени прохаживавшую в стенах нашей квартиры.

И самое главное, мои нынешние отношения с Кимом уже не отличались больше тем духом доверия и простодушия, который был присущ им во время нашего пребывания в Бейруте. Именно это больше всего меня и тревожило.

Наша жизнь не налаживалась: ведь я так и не сумела до конца оправиться от того страшного шока, который буквально поразил меня, когда я обнаружила, что человек, за которого я вышла замуж, оказался, увы, совсем не тем, за кого я его все эти годы принимала. Меня уже обманули в прошлом, и теперь я прекрасно отдавала себе отчет в том, что я больше не пользуюсь его полным доверием, как это было прежде.

Я все больше приходила к выводу, что со стороны Кима вызывал меня к себе в Москву было, по существу, актом отчаяния: между нами уже успела вырасти стена. Нередко я задумывалась: а что, если Ким в свое время просто получил указание от своих боссов жениться на американке? Эта предположительная меня днем и ночью чудовищная мысль была невыносимой.

Последнее время я пребывала в состоянии постоянной и все растущей тревоги. Это заставляло меня особенно внимательно присматриваться к мужу. Я не могла не замечать, что Ким между тем вполне доволен своим существованием. Я прямо-таки завидовала его организованности и дисциплине, тому, с какой готовностью он принимает свой новый образ жизни, о котором раньше ничего не знал и мог разве что лишь догадываться.

Меня поражала его неизменная выдержка, так же как и умение занять себя. Именно таким был его подход к изучению русского языка. Так же относился он и к своей работе: каждое утро по несколько часов сидел за пишущей машинкой у себя в кабинете. Наши походы в Большой театр на балетные и оперные спектакли, вылазки на симфонические концерты — все это, казалось, основательно заполняло его московскую жизнь.

Что касается отдыха, то для «релаксации» ему прекрасно служили чтение книг и готовка — его подлинное хобби. Одним словом, мой муж довольно быстро вписывался в советскую действительность, прилагая для этой цели максимум усилий. Я же, увы, не могла поступать так, как он...

«...НЕ ЛЕТИ С ОДНИМ КРЫЛОМ»

Пережив эту трудную зиму, я все-таки ощущала себя скорее гостьей, чем настоящей москвичкой. Ким и другие перебежчики, да и са-

ми русские, по-прежнему считали меня гражданкой Америки. Вопрос о том, чтобы принять советское подданство или отказаться от всяких сношений с Западом, как поступил Ким, передо мной не возникал.

По мере того, как с мужем все труднее становилось общаться, я все больше беспокоилась о дочери. Она училась в школе в США, и я твердо обещала ей, что мы непременно увидимся в Нью-Йорке 30 июня. Неделя шла за неделей — и я теперь определенно считала, что самое важное для меня — это выполнить свое обещание, данное дочери. Ведь я знала, что она ждет нашей встречи и верит в нее.

...У меня не было ни малейшего сомнения, что я возвращусь в Россию, однако улетала я с тревожными предчувствиями. Стоя в аэропорту рядом с верным Сергеем, Ким выглядел таким изможденным, что невольно сжималось сердце. Какой душой я была, что не удержалась и сказала Мелинде: «Позаботься о моем муже». Вместо этого мне следовало бы обратиться к Сергею со словами: «Ради всего святого, умоляю вас, пусть Ким никогда не остается без дела!»

Главной моей целью, ради которой я собственно и решила бросить вызов американским властям, была встреча с дочерью и возможность провести вместе с ней лето. Я собиралась поехать с ней в Калифорнию, где жило немало моих друзей. Вскоре после моего приезда бывший супруг настоял на том, чтобы я отказалась от опеки над дочерью — и я согласилась на его требование.

В сентябре я окончательно решила вопрос о передаче всех родительских прав на дочь своему бывшему мужу. Можно было возвращаться в Москву.

Наконец я получила вежливое извещение: мне надлежало явиться за своим паспортом в любое удобное для меня время. В пятницу 13 ноября (обычно счастливый для меня день) паспорт был у меня в руках!

Теперь мне надо было получить визу, срок которой уже истек, в советском посольстве в Вашингтоне. Когда я позвонила в консульский отдел, мне ответили, что визу я смогу получить завтра утром.

Ким приветствовал эту новость нарастающим потоком телеграмм, последние из которых поставила меня в тупик: «Никогда больше не забывай о Шотландии и не лети с одним крылом. Целую. Ким».

Наконец после нескольких часов головомомных размышлений я поняла, о чем идет речь. Он хотел, чтобы я привезла две бутылки виски! Я вспомнила, как он огорчился, когда год тому назад я прилетела в Москву с пустыми руками, и сейчас купила виски в аэропорту Копенгагена, где мне предстояла пересадка на другой самолет. В Москву я летела с легким сердцем, уверенная на сей раз в том, как меня там примут. Было 28 ноября 1964 года...

В самолете Аэрофлота, летевшем рейсом Копенгаген—Москва, народу почти не было, и я украдкой поглядывала на своих соседей: не исключено, что среди пассажиров могут быть агенты ЦРУ. Но, кажется, я проявила излишнюю подозрительность — теперь самое время заказать водку с икрой, чтобы отпраздновать этот радостный факт, что я и сделала, заплатив за угощение американскими долларами.

Когда мы приземлились и подали трап, первым в салоне оказалась мой старый знакомый, Сергей. Мы обнялись, и я тут

же обеспокоенно спросила насчет Кима.

— С ним все в порядке. Он ждет в машине, — ответил Сергей.

Мне это показалось странным: ведь машину подогнали к самому летному полю, а он даже не вышел!

— Приехала все-таки! — произнес он после не слишком нежного приветствия.

А ты думал, что этого не произойдет? — не сдержалась я.

О стольком предстояло ему рассказать: прежде всего о тягостном прощании с дочерью, не понимавшей, почему я снова не смогу летом приехать к ней только потому, что слишком долго не была в России и скоро выехать оттуда будет невозможно.

Тут произошла странная вещь — Ким жестом велел мне помолчать, давая понять, что не хочет, чтобы Сергей, сидевший рядом с шофером, слышал наш разговор. Тут до меня дошло, что, должно быть, теперь я его попросту компрометирую своей болтовней о нью-йоркских новостях, своими планами будущих визитов: ведь все это так не соответствует образу женой высокопоставленного сотрудника советской разведывательной службы.

При подъезде к дому я замечала, что за нашей машиной следует «квост»: русские явно боялись, что нас могут «провождать» домашние агенты «Интеллиженс сервис» или ЦРУ. Чтобы поднять Киму настроение, я рассказала, что сумела разгадать его телеграмму и купила то, о чем он просил. Сергей тут же поинтересовался, где именно в Копенгагене я брала бутылки и не думаю ли я, что их могли открыть и чего-нибудь туда добавить. Из его слов мне стало ясно, что русские по-прежнему опасаются, что кто-то может хотеть убраться Кимом.

Муж также внимательно осмотрел бутылки, интересуясь, в какой винной лавке я их купила. В ответ я только рассмеялась: сама идея, что кто-то в Дании мог открыть бутылку и подмешать туда яду, казалась мне смехотворной. Дома Ким сразу же откупорил одну из двух бутылок и наполнил, как будто ему хотелось как можно скорее от всего отключиться...

Раньше Ким обычно работал дома, так что я все время могла быть рядом с ним. Теперь же он сообщил мне, что ему дали офис и секретаря, так что дома он больше не печатает.

Он также рассказал, что познакомился с Гордоном Лонсдейлом, который ему очень нравится. Сейчас он помогает ему в написании книги мемуаров — работа, казавшаяся ему поистине захватывающей. Лонсдейл был русским шпионом в Британии, где он играл роль мота-канальца, любителя веселой жизни... В 1961 году, в январе, его арестовали вместе с его подручными, а 22 апреля 1964 года обменяли на Грелила Винна, англичанина, служившего связным между «Интеллиженс сервис» и Олегом Пеньковским, бывшим полковником ГРУ.

Наряду с написанием книги Ким продолжал работу на советскую разведку и сотрудничал в печати, где выступал с политическими комментариями. Однажды он показал мне одну из своих статей, которую собирался отослать в журнал.

— Посмотри, как это не похоже на то, что я в свое время делал для «Обсервера»! — воскликнул он.

Ежемесячная зарплата Кима составляла 500 рублей (около 200 фунтов стерлингов), не считая

такой довольно крупных сумм за те или иные разовые задания. Русские также платили ему около 4 тысяч фунтов в твердой валюте в год на содержание детей, проживавших в Англии. Квартплата была весьма низкой — всего 35 рублей (примерно 20 фунтов), так что мы вполне могли позволить себе «роскошь» в виде домработницы. Что касается машины или загородной дачи, то в отличие от меня Ким не считал, что они нам необходимы...

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА

Один из моих первых вопросов при встрече с мужем был: как поживают супруги Маклин — в конце концов это были наши единственные близкие друзья. Ким поспешно ответил, что Мелинда уехала в Ленинград повидаться со старым другом. Тогда я сказала, что хочу позвонить Дональду, но муж попросил не делать этого ни в коем случае, добавив, что они крупно поругались и теперь больше друг с другом не разговаривают. Позднее я попросила мужа пояснить мне, в чем причина разрыва.

— Он считает, что я по-прежнему остаюсь агентом-двойником.

Когда через неделю Мелинда возвратилась в город, муж настоятельно рекомендовал мне созвониться с ней. Впрочем, я и сама этого хотела: ведь я привезла для нее и ее мужа много подарков. Мы уговорились встретиться в «Арагви» на улице Горького.

Случилось так, что мы сошли не на той станции, и нам пришлось буквально бежать по заснеженным улицам. Муж все время оборачивался и подгонял меня:

— Мы не должны заставлять ее ждать!

Но Мелинда уже ждала нас, когда мы наконец добрались до «Арагви». Она показала мне еще более напряженной, чем раньше, — сплошные нервы. Да и прийти на эту встречу она согласилась с большим трудом: если бы не настоячивость Кима, стоявшего рядом со мной во время телефонного разговора и делавшего мне знаки не ослаблять усилий, Мелинда вряд ли пришла бы на обед.

Она весьма туманно рассказывала о «старом друге», к которому ездила в Ленинград, так что я подумала, что все это был лишь предлог, чтобы на какое-то время уехать из дому, где в ее отношениях с Дональдом намечалась очередная кризис...

После обеда в «Арагви» мы много времени начали проводить втроем, поскольку Ким считал, что Мелинда нездорова и нам следует всячески ее подерживать.

...После Нового года у Кима появилась новая привычка — надолго уходить из дома. Сперва я думала, что это связано с книгой Лонсдейла, но потом поняла, что это не так: слишком часто он возвращался домой совершенно пьяным. Все чаще он звонил кому-то по телефону — разговоры продолжались довольно долго, и муж старательно прикрывал трубку рукой. Иногда мне удавалось расслышать какие-то русские слова. Вскоре я догадалась, что тут замешана женщина. Выражение его глаз подтверждало мою догадку: должно быть, в мое отсутствие он завел роман с кем-нибудь из русских женщин. К кому мне было обратиться за помощью, кроме Мелинды? Я поделилась с ней мои-

ми опасениями, что муж, вероятно, больше меня не любит.

— Еще недавно, — ответила она, — это было не так. В ее голосе я уловила нотки враждебности. Тогда я еще не разгадала, в чем дело.

Ранней весной по предложению Мелинды мы втроем поехали к ней на дачу. Вечером она легла спать в комнате с двухспальной кроватью, а мы с Кимом должны были разойтись по разным комнатам: впервые со дня нашей свадьбы мы спали под одной крышей — и в отдельных кроватях. Когда я проснулась, то Ким и Мелинда уже сидели на кухне и пили чай, обсуждая, по его словам, как Мелинде следует вести себя с ее детьми. Такова, во всяком случае, была его версия. К моменту возвращения в город Ким был пьян.

— Почему он так ведет себя? — спросила я у Мелинды, но она лишь улыбнулась в ответ. На самом деле мне бы следовало спросить у нее другое: «Мне кажется, что вы завели шаши с моим мужем. Пожалуй, отвяжитесь от него!»

Наступила Пасха: на этот раз никаких цветов для меня не было. Настроение у меня было ужасное, как и погода. Не выдержав, я в упор спросила:

— Скажи, что у нас происходит?

— Мелинда несчастна, — ответил он. — Дональд оказался incompetent. Она страдает уже пятнадцать лет. Отчасти это моя вина. Теперь я должен постараться сделать ее более счастливой.

— Ну а мою жизнь? — Я не хочу, чтобы ты уезжала. Ты знаешь, как я люблю тебя. И Мелинда прекрасно понимает мои чувства.

— Но что ты прикажешь мне делать? Может, стать помощницей домработницы по уходу за птицами?

В ответ он попросил моего разрешения позвонить Мелинде. Я слышала, как он говорил ей по телефону:

— Ну вот, Элеонора все и узнала. Да, конечно, для нее это тяжелый удар. Но вместе с тем и облегчение, не так ли? — Закачивая разговор, он пообещал, что позвонит ей утром, что он и делал потом регулярно, не обращая внимания на мое присутствие и мои чувства. В конце концов я попросила его звонить ей откуда-нибудь еще, а не из дома...

Теперь Ким стал уходить из дому и встречаться с Мелиндой в любое время. Ее саму я больше с тех пор не видела ни разу.

Я должна была бы протестовать или тут же уехать. Но я была слишком ошарашена случившимся, чтобы действовать решительно. Кроме того, я все ждала, что муж объяснит-ся со мной. Как мне хотелось с кем-нибудь все это обсудить. Может быть, Киму просто приказали отделиться от меня? Вызвать мою ненависть к себе подобным способом? Или он сам решил, что я так и не впишусь в советскую жизнь? Или, наконец, он действительно влюбился в Мелинду?

...30 мая 1965 года я улетала из Москвы. В последний раз. Русские вели себя трогательно. «Если вам понадобится помощь, где бы вы ни были, всегда можете обратиться в советское посольство», — сказал мне Сергей. С его помощником Виктором я передала Киму письмо — моя последняя попытка вернуть мужа. Не знаю, дошло ли до него мое послание или нет.

Валентин КОРОЛЕВ

ИНТЕРВЬЮ С ОФИЦЕРОМ ДЕЙСТВУЮЩЕГО РЕЗЕРВА СОВЕТСКОЙ КОНТРАЗВЕДКИ

Бросившись на защиту номенклатурных идеалов, восьмизубый дракон ГКЧП так рванул цепи, которыми он был прикован к розвальням большевистской империи, что, едва он замешкался, розвальни накатились на него сзади, раздавили его и вмиг проехали путь, который без того рывка им пришлось бы преодолевать долгие годы.
«Что же теперь с нами станется?» — думают окапывающиеся. И молчат, смахивая время от времени дорожную пыль с личного оружия. А если и говорят, то не называют своих имен, чтобы не выбросили их на обочину как негодных.

И все же почему вы не хотите представиться?
— Как офицер действующего резерва КГБ, работающий под прикрытием одного из центральных министерств, я принимаю участие в международных переговорах и имею агентуру из числа иностранцев. При этом выступаю под своей настоящей фамилией (ее оглашение в газете может нанести ущерб интересам страны). Но согласен с тем, что интересующие вас вопросы могут и должны обсуждаться открыто. Количество офицеров и некоторые направления их деятельности не соответствуют задачам, которые должны решать органы безопасности в условиях демократизации общества.

— Но разве вы не приносите пользу, работая с агентами-иностранцами?

— Она не так уж велика. По сути, я делаю то, с чем могли бы справиться квалифицированные работники министерства. Получаю от них информацию экономического характера в интересах отрасли. Агентство-иностранцев у меня на связи буквально единицы. Остальные — наши соотечественники. Этих много, но никакой реальной отдачи в контрразведывательном плане от них нет.

— Расскажите немного о себе и поясните, пожалуй, что такое действующий резерв, каковы его место и роль в системе государственной безопасности.

— Я полковник. Как и любой офицер действующего резерва (ДР) КГБ, занимаю две чиновные должности: в Комитете работаю заместителем начальника отдела одного из управлений центрального аппарата, а в министерстве — инженером управления внешнеэкономических связей. В ДР служу 10 лет. Зарплату получаю в двух местах: министерство мне платит как инженеру, а КГБ доплачивает разницу, поскольку чекистский оклад выше. Офицеры, оклад которых в ведомстве прикрытия больше, чем в КГБ, получают зарплату только по месту прикрытия. Раньше они сдавали разницу в Комитет, но теперь разрешено этого не делать.

Действующий резерв — это оперативный состав органов госбезопасности, работающий с позиций других организаций. С деятельностью ДР по линии разведслужб я мало знаком. Дзоровцы-контрразведчики занимают должности от рядовых инженеров до заместителей начальников управлений министерств. Все они расшифрованы, поскольку должности прикрытия строго зафиксированы в специальном перечне как переданные органам КГБ. В частности, «расшифпаны» так называемые режимщики. Это заместители руководителей министерств, ведомств, ор-

ганизаций, учреждений и предприятий, занимающиеся обеспечением режима секретности (не надо их путать с начальниками Первых отделов, в которых работают, как правило, пенсионеры КГБ и Минобороны). Парадоксально, что в их обязанности входит вскрытие недостатков в режиме, который они сами же устанавливают.

Наиболее распространенной категорией офицеров ДР являются эксперты по вопросам безопасности. Эти, как правило, занимают в ведомствах рядовые должности, хотя встречаются среди них и помощники министров. Они обязаны осуществлять весь комплекс контрразведывательных мероприятий в рамках ведомств прикрытия: приобретать агентов и доверенных лиц, проверять первичные сигналы о противоправной деятельности, вести секретные оперативные «дела». В одних случаях они полностью ответственны за состояние оперативной обстановки в ведомствах, в других — делят эту ответственность с сотрудниками так называемых объектовых подразделений КГБ, занимающихся «контрразведывательным обеспечением» тех же самых ведомств и предприятий. Это одно из проявлений параллелизма в работе органов госбезопасности. Объем и результативность работы во многом зависят от взаимоотношений между офицером ДР и оперработником-объектовиком. Иногда роль дзоровца низводится до уровня внештатного оперативного сотрудника.

— Кто такие внештатные сотрудники КГБ и чем они отличаются от агентов?

— Внештатный сотрудник — это, как правило, офицер запаса или отставник КГБ, работающий на «объекте контрразведывательного обеспечения». За сотрудничество с «органами» ему выплачивается 80 рублей в месяц (раньше КГБ платил им только 200 руб. в год). В оперативном подразделении на него, как и на агента, ведутся личное и рабочее дела. В рабочем деле сосредоточена вся представленная им письменная информация. Однако, в отличие от агента, он подписывает ее не псевдонимом, а подлинной фамилией, и его информация оформляется в форме справки, а не агентурного сообщения. Кроме того, он имеет соответствующее удостоверение личности, которое получает в отделе кадров КГБ. О том, что он является нашим внештатным сотрудником, уведомляется руководитель ведомства или предприятия, работником которого он является. До августовского путча уведомлялись также секретарь партбюро и секретарь райкома КПСС. Внештатный сотрудник работает с доверенными лицами КГБ, иногда — с агентами. Кроме того, выполняет черновую оперативную работу: собирает характеризующие данные на работников ведомства, доверенных лиц и агентов, создает условия для установки микрофонов, проведения негласных обысков и т. д.

— Выполняют ли офицеры ДР обязанности по должностям прикрытия?

— Как правило, не выполняют, так как практически не подчинены и не подотчетны руководителям министерств и предприятий.

Надо сказать, что поначалу ДР создавался как теплица для довольно высокопоставленных работников КГБ предпенсионного возраста. Они переводились в ДР с повышением в должностях, которых в КГБ на всех не хватало. Это позволяло увеличивать им оклады и присваивать очередные воинские звания, что, естественно, увеличивало размеры их будущих пенсий. Должности прикрытия рождались по договоренности между руководителями КГБ и министерств. (Как правило,

они были связаны с распределением лекарств, билетов на транспорт и т. д.) Это были хорошие кормушки, и чекистам без связей в руководстве КГБ или партгосаппарате там не было места. Впоследствии идея ДР получила свое развитие и была узаконена. Специальным постановлением Политбюро ЦК КПСС был утвержден подготовленный аппаратом Андропова список должностей прикрытия офицеров ДР. Однако узаконивание ДР потребовало если не реальной отдачи от него, то, по крайней мере, плановости и отчетности в работе. Пришлось обязать его заниматься агентурно-оперативной деятельностью в полном объеме. Это уменьшило число явных бездельников, и ДР стал доступен рядовому оперсоставу. Одновременно министерства и ведомства попали под всесторонний контроль органов КГБ.

— Скорее всего, именно эту цель и преследовал Андропов, предлагая Политбюро принять соответствующее постановление.

— Возможно. Контрразведка упрочила свои позиции в МИДе, органах таможенного контроля, Госкоминтуриста, БМТ «Спутник». 4-е и 6-е управления внедрились в министерства и на объекты промышленности, транспорта и связи. 5-е управление держало ДР в управленческих структурах органов здравоохранения и Госкомспорта, в средствах массовой информации, в творческих союзах.

— Какие задачи поставил Андропов перед офицерами ДР?

— Досконально знать обстановку в ведомствах, выявлять, пресекать и предупреждать в них подрывную деятельность со стороны советских граждан и контактирующих с ведомствами иностранцев, оказывать помощь в развитии отраслей.

— Каким образом лично вы влияете на развитие отрасли, в которую внедрены?

— Составляю аналитические справки о ее состоянии. Содержащиеся в них предложения представляются председателем в вышестоящие инстанции. По чисто оперативным вопросам составляются отдельные отчеты.

— Приходилось ли офицерам ДР заниматься вопросами политического сыска в течение последних двух-трех лет?

— Там, где были ячейки движения «Демократическая Россия» и других оппозиционных КПСС партий и группировок, дзоровцы вели агентурно-оперативную работу по накоплению материалов, в том числе компромата, на их членов.

— Проводились ли в министерствах политика государственного антисемитизма?

— В годы перестройки каких-либо указаний руководства КГБ на этот счет мы не получали. Но по инициативе руководителей отдельных министерств кадровики и некоторые офицеры ДР ограничивали прием на работу евреев, пытались избавиться от тех, кто там уже работал. Это зависело от мировоззрения министров и офицеров ДР высшего звена. Не хочу называть их фамилии. Эти люди уже на пенсии и не вернутся в строй, поскольку скомпрометировали себя прежде всего некомпетентностью. Однако антисемитизм им в вину не вменялся.

— Каков механизм влияния офицеров ДР на кадровую политику ведомств?

— Руководители ведомств зачастую сами обращаются к нам с просьбой предотвратить проникновение в их структуры ранее судимых и тех, кто, по нашему мнению, может нанести ущерб авторитету отраслей

и предприятий. Решающее слово всегда остается за оперработником. Лично я никому не отказывал, чтобы было потом кого проверять. Иначе оперработнику просто нечего делать. Кроме того, мы всегда влияли на выездную политику, когда существовал выездной отдел ЦК КПСС, выносивший окончательное решение по каждому факту заграникомандировки. Из боязни, что ЦК завернет документы на их подчиненных, руководители министерств всегда интересовались нашим мнением, чтобы снять с себя хотя бы часть ответственности за командирование за рубеж ненадежных людей. Одной сказанной мною министру фразы «лучше не надо» было достаточно, чтобы человек уже никогда не поехал за границу.

— Кто решает вопрос о выезде за рубеж человека, знающего секреты?

— Официальное заключение об осведомленности выезжающего дает режимное управление соответствующего министерства. Оно составляется на основании ознакомления с формулярами, в которых содержатся перечни документов, прочитанных выезжающими. Секретосителем считается тот, кто ознакомился с документами, имеющими гриф «Совершенно секретно». Гриф снимает ведомство, которое его поставило. Офицеры-режимисты, как правило, в это не вмешиваются. Да и сами дзэровцы с большим нежеланием знакомятся с секретной документацией, даже если их просят об этом министры, поскольку на них при выезде распространяются те же правила, что и на других. Это относится и к агентам.

Когда встает вопрос о командировании за границу негласного помощника в интересах органов КГБ, приходится прилагать немало усилий, чтобы руководство министерства или предприятия сняло или хотя бы снизило гриф секретности того или иного документа. Фамилия человека, ради которого это делается, держится в секрете.

— Надо было почаще посылать за границу чекистов и их агентов. Может быть, в стране было бы меньше необоснованно засекреченной документации. Но, если говорить серьезно, характер вашей работы предполагает наличие определенных проблем во взаимоотношениях с работниками министерства.

— С рядовыми работниками у меня нормальные деловые, а с некоторыми и дружеские отношения. Я ни разу не дал им повода думать, что работаю против них. Часто действуя сообща с этими людьми, порой помогаю им реализовать личные и служебные интересы. Среднее звено руководителей, то есть начальники отделов министерства, обычно выступают в роли моих консультантов, без промедления предоставляют нужную мне документацию. Отношения с ними чисто деловые, взаимоприемлемые. Вышние руководители министерства часто сами приглашают меня посоветоваться по тому или иному служебному вопросу. Никаких коллизий и даже разногласий между нами никогда не возникало. Они всегда понимали, что и в Совмине, и в Политбюро ЦК КПСС вес председателя КГБ был значительно выше веса многих министров, и использовали этот фактор для решения проблем отрасли через офицеров ДР.

— Кому вы чаще помогаете в решении личных и служебных проблем — агентам или другим работникам министерства?

— Агенты советуются со мной на явках. В служебный кабинет часто приходят доверенные лица. Но и многие другие. Собственно говоря, внешне сложно отличить доверенных лиц от прочих, поскольку я хорошо знаком практически со всеми работниками министерства. И едва ли не каждого могу использовать как доверенное лицо. За многие годы работы успел практически всех проверить по оперативным учетам, а это является достаточным основанием для того, чтобы в случае необходимости использовать их как доверенных лиц. Надо лишь вписать фамилию в соответствующий список. Не делаю этого потому, что он уже достаточно велик.

Иногда ко мне приходят с информацией сигнального характера люди, с которыми я до этого лично не общался. Например, сообщают о том, что приезжающие из заграникомандировок работники дарят начальникам и кадровикам авторучки, зажигалки, часы. Считают это взяткоподкупом. Но все это «за бутром» гроши стоит. Некоторые жалуются на ущемление начальниками их интересов, на выдвигание в руководство людей, которые этого якобы не заслуживают.

— Но ведь это элементарное стукачество!

— Мне психологически трудно произносить это слово, поскольку я всю жизнь имею дело с агентурными сообщениями и первичными сигналами. Конечно, частью этих людей движут зависть и месть, другие таким образом понимают свой гражданский долг. Так уж они воспитаны, и это облегчает нашу работу.

— В дальнейшем вы используете этих людей в оперативных целях?

— Из тех, кто приходит к нам сам, получают наиболее надежные агенты. Каждый сотрудник обязан иметь несколько кандидатов на вербовку. Он изучает их через агентов, доверенных лиц, проверяет на конкретных поручениях и примерно через год вербует. И обязан это делать ежегодно, что далеко не всегда оперативно оправдано. Но руководство КГБ почему-то всегда делало ставку именно на количество агентуры, хотя в приказе председателя, регламентирующем агентурную деятельность КГБ, четко сказано: «Агентурный аппарат должен быть количественно небольшим и качественно высоким».

— Сколько агентов и доверенных лиц состоит у вас на личной связи?

— Около двадцати агентов и около тридцати доверенных лиц.

— Можете ли вы провести между ними четкую функциональную грань?

— Практически нет. Все они выполняют чисто сторожевую функцию, то есть направлены на выявление факторов и лиц, способных нарушить нормальную оперативную обстановку, сложившуюся в министерстве.

— Как-то в средствах массовой информации промелькнуло сообщение о том, что новый председатель КГБ Владимир Бакатин якобы намерен отказаться от использования агентуры внутри страны. Так ли это?

— Я не слышал о таком заявлении председателя. Считаю, что агентура из числа советских граждан необходима для борьбы с организуемой преступностью и для разработки лиц, подозреваемых в причастности к агентуре иностранных спецслужб. В любой стране законодательство предусматривает уголовную ответственность за выдачу сведений, охраняемых государством. За исключением Японии, насколько мне известно.

— Вы как-то буднично произнесли последнюю фразу. По-моему, это самое потрясающее из того, что я от вас услышал. Может быть, именно отсутствие шпионажи порождает «японское экономическое чудо»? Пора бы и нашей контрразведке передать вопросы безопасности в ведение предприятий.

— Это и многое другое требует коренных изменений в законодательстве, принятия новых законов, в том числе о национальной безопасности, о тайне.

— Адвокаты путчиков справедливо указывают на архаичность статьи 64 УК РСФСР (измена Родине). И таких статей в уголовном кодексе немало.

— К сожалению, современный законодатель неповоротлив и косномыслящий. И при этом постоянно твердит: «Плох закон или хорош, но он должен неукоснительно соблюдаться». Это ставит в дурацкое положение сотрудников правоохранительных органов и настраивает против них население страны.

— Удалось ли вам лично разработать хотя бы одного шпиона за время работы в КГБ?

— Ни я, ни наш отдел в целом не разработали ни одного. Были получены данные о причастности к разведке противника одного иностранца, но никаких мер к нему не применялось, поскольку интереса к секретным сведениям он не проявлял, а выяснил общее состояние нашей отрасли.

— Известны ли вам вообще случаи реальных успехов, достигнутых офицерами ДР КГБ?

— Они активно работали по напущенному в свое время делу о хищениях в фирме «Океан». Причем как только арестованный по этому делу замминистра рыбного хозяйства начал давать показания о взятках в ЦК КПСС, он был тут же осужден и расстрелян. Однажды вывели сотрудника министерства, продавшего коммерческие секреты зарубежным фирмам, но разработать его не сумели, поскольку не захотели «светить» агента, единственного свидетеля его преступной деятельности. Но все это было давно.

— Нужен ли ДР органам госбезопасности?

— Думаю, что он нужен разведке и подразделению по борьбе с организованной преступностью. Но его офицеры должны быть строго законспирированы. Перечень их фиксированных должностей надо отменить.

— В течение последних двух лет из КГБ ушли сотни оперативных работников. С чем это связано?

— Я не могу говорить о всех, но те, кого я знаю, уволились из-за тяжелого морально-психологического климата, царящего в Комитете многие годы, и из-за материальной неудовлетворенности.

— Чем занимались офицеры ДР в дни августовского путча?

— Наш отдел работал в обычном режиме, как и те, которые мне известны. Никаких дополнительных указаний мы не получали. Даже график дежурств по отделу оставался прежним.

— Как бы вы действовали, получив приказ стрелять в участников запрещенной демонстрации в условиях чрезвычайного положения?

— Офицеры ДР — это прежде всего военнотруженики. В Дисциплинарном уставе записано, что не подлежит выполнению заведомо преступный приказ. Но сотрудник может не оценить приказ как заведомо преступный. В конце концов все зависит от каждого офицера, от его компетентности и мировоззрения.

Лично я считаю заведомо преступным приказ убить человека, который не является военным противником, не оказывает вооруженного сопротивления и не угрожает своими действиями жизни граждан. В предложенной вами ситуации я буду стрелять, если на меня кто-либо нападет не с кулаками, а с каким-либо предметом. Сделаю это, не дожидаясь, когда мне проломит череп. Ведь нападающий видит, что я нахожусь при исполнении служебных обязанностей и вооружен.

— Видимо, часть сотрудников КГБ осознает, что возможен повторный переворот, причем более кровопролитный. Не уйдут ли они из «органов», не дожидаясь участия в таких узаконенных убийствах?

— Люди, не приемлющие «узаконенных убийств», на работу в КГБ и в другие правоохранительные органы не приходят. В этом специфика наших профессий.

— Проводились ли какие-либо структурные или функциональные изменения в ДР КГБ в период, предшествовавший августовскому путчу?

— Не знаю, было ли это связано с подготовкой к перевороту, но во второй половине 1990 года в выступлениях руководства Комитета на страницах «Сборника КГБ СССР» и внутриведомственных информационных бюллетеней появились высказывания о необходимости внедрения сотрудников в уже созданные экономические структуры под так называемое глубокое прикрытие. Имелась в виду полная зашифровка их принадлежности к КГБ. Предлагалось создание подставных малых предприятий, кооперативов и прочих организаций, которые полностью комплектовались бы из оперативных работников КГБ опять же без расшифровки перед властями и окружением. Предусматривалось создание на базе этих организаций совместных советско-иностранннх предприятий. В качестве одного из вариантов предлагалась вербовка агентов из числа работников уже существующих фирм с последующим их зачислением в штат КГБ. И Комитет достаточно активно работал в этих направлениях.

* * *

Монстр КГБ четвертован: скатилось с его плеч бывшее руководство, стали самостоятельными службы центральной разведки, межреспубликанской контрразведки и погранвойска. «Органы» изменяются к лучшему, и никому из нас не будет жаль, если этот материал ко дню его выхода в свет превратится из актуального в исторический. Со всеми бы материалами так: о детях-сиротах при живых родителях, о пустых магазинных прилавках, о бездомной армии...

Сентябрь 1991 г.

«Совершенно секретно»-ВИДЕО предлагает Вашему вниманию 1-й, 2-й и 3-й выпуски видеоприложения к газете «Совершенно секретно».

Кассета каждого выпуска продолжительностью 90 минут состоит из нескольких видеоочерков, имеет наше фирменное оформление со студийной записью на кассеты формата VHS.

Наша студия готова помочь Вам в приобретении научно-популярного видеофильма «Как стать сексуальным мужчиной!» (цена 200 руб. + 5% = 210 руб.) производства независимого молодежного творческого коллектива.

«Совершенно секретно»-ВИДЕО выполняет заказы советских и иностранных фирм по производству тематических программ, рекламных и документальных фильмов. Мы ждем любые коммерческие предложения.

Письменные заявки просьба высылать по адресу: 125319, Москва, а/я 546. Контактный телефон в Москве 110-47-28, факс 291-51-44.

Издатели не дремлют: нам подарено фундаментальное многотомное чтение — «История розги». Кое-где уже явочным порядком возрождают порку как наиболее действенное и гуманное средство наказания. Московский психолог **Николай ФИЛИПОВ**, с которым беседует журналист **Михаил ТРОФИМОВ**, исследует один маленький, но внушающий ужас островок этого «архипелага», где обитают сегодняшние последователи знаменитого французского маркиза де Сада, теоретически обосновавшего то, что мы привыкли называть словом «саизм».

Начнем с письма. Цитирую: «Когда я прихожу в субботу из школы, я уже знаю, что вечером будет порка. У меня все валится из рук, я все время смотрю на часы и с ужасом жду восьми. (Начинается все в восемь, чтобы в девять тридцать родители могли посмотреть фильм.)

Мой папа считает, что главное в порке — не боль, а стыд, поэтому родители стараются, чтобы мне было как можно стыднее. Вот как это бывает.

Отец достает записную книжечку и перечисляет все мои грехи за неделю. «Ну-с, дочь моя, — говорит он, — за удовольствие плохо вести себя надо платить. На старт!» Это значит, что я должна спустить трусы, задрать повыше юбку и встать на четвереньки. Когда я была младше, я никак не могла заставить себя самой снять трусы, с меня их стаскивали, но теперь я понимаю, что это еще хуже. Когда он это говорит, у меня начинают трястись пальцы, я чувствую, как к ягодицам от стыда приливает кровь.

Вот так. Я учусь в 10-м классе английской спецшколы».

Ваш комментарий...

— Случай довольно заурядный! В стране происходит неуклонная патологизация общественного сознания. Делаем вид, что «у нас этого нет» — как еще недавно с проституцией и наркоманией. А между тем изо дня в день калечат судьбы и здоровье сотен, если не тысяч людей. На свою анкету, распространенную в 15 городах страны, я получил 45 тысяч ответов. Так вот — 60 процентов родителей регулярно используют телесные наказания. В основном порку!

— И каковы мотивы?

— Самый простой: «Меня поролли — и, кроме пользы, это ничего не принесло!»

Примешивается и глубоко за-

таенное желание причинить боль ближнему. Еще в начале нашего века немецкий психолог И. Блох писал в своем фундаментальном труде «Половая жизнь нашего времени», что он «не знает ребенка, который бы любил другого ребенка, не мучая его». А если вспомнить определение садомазохизма, данное польским сексологом К. Имелинским, как состояния общества — переставш удивляться культу боли, пронизывающему насковзь всю нашу жизнь...

— Но не все же родители — садисты?!

— Конечно... Рядом с открытыми маньяками, ежедневно истязующими детей, унижающими и растаптывающими их человеческое достоинство, есть немало отцов и матерей, ухитряющихся совместить порку и нежную дружбу с детьми. И даже вызывающих у детей понимание. От одной десятилетней москвички, которую регулярно порот дома, я услышал: «Меня родители очень любят, потому и наказывают сильно».

Здесь мы сталкиваемся с трудностями определения границы между наказанием и истязанием. И открываем, что розга, как это ни странно звучит, может быть действенным воспитательным средством, нормальным символом родительской власти... На протяжении многих поколений отец невесты на русских свадьбах на глазах у всех гостей трижды сек дочь плетью и затем передавал плетью мужу, повторявшему ритуальные удары. Это называлось «передать державу». И не считалось унижением.

Вспомним, мать секла Пушкина, и это не мешало ему любить ее. Черчилль в своих мемуарах вспоминает, как розга учителя помогла мальчику преодолеть несовершенство своего характера.

Между прочим, англичане, серьезнейшим образом относящиеся к формированию в человеке чувства собственного достоинства, до сих пор секут в школах как мальчиков, так и девочек до 14 лет. Но при этом у них королева патронирует общество борьбы с жестоким обращением с детьми. И их учитель — это не наш учитель!

— Да, я помню, согласно вашей анкете 72 процента учителей порот своих детей. И нередко зверски. Можно ли им доверять чужих?!

— Несколько лет назад «Учительская газета» поместила письмо Кирьи Б., десятиклассницы из Новгородской области. Девушка жаловалась, что мама за любовь, часто минимые провинности нещадно секает ее, превращая каждую порку в сложный, тягостный ритуал. Дочь должна обязательно все с себя снять, выслушать назидательную нотацию, а затем лечь на тахту и получить причиняющуюся долгу ударов по ягодицам. Мама с высшим образованием считала себя «англизированной педагогом».

Отликов была масса. Обна- ружилось, что секут во всех со-

циальных слоях, во всех краях страны. Вот еще одно из этих писем:

«Маме надо, чтобы я блестяще окончила школу и поступила в институт, который она и папа закончили. В общем, целый ряд требований, страхи, перспективные планы и т.д. и предопределили, что с 7-го класса мама стала меня наказывать сначала ремнем, а вскоре розгой, т.е. отрезком антенны от телевизора. Это такое ужасное орудие!

Отработана и система наказаний: обычно по субботам, т.е. на другой день не надо посещать школу. Мама отправляет папу с моим младшим братиком гулять, а со мной начинает разбираться. Мне перечисляются все мои грехи. Потом я должна снять с себя все-все, чтобы мне было стыднее, и лечь на софу на положенные одна на другую подушку и две думки. Голова и ноги у меня где-то внизу, а то место, по которому бьют, — наверху.

После пяти ударов с некоторыми паузами между ними я должна встать перед мамой и слушать наставления и отвечать на вопросы, т.е. давать объяснения. Потом опять идти на софу, и мамочка опять секает пять раз. Я снова встаю и объясняю, потом — сечение, объяснение, беседа, и так может быть до десяти раз. Стоять надо, не опуская голову и не отворачиваясь, закрывать лицо руками тоже запрещено. Кроме боли, я испытываю моральные мучения, стою красная как рак от стыда. Мама все это знает и видит, но не делает специально, чтобы сильнее на меня воздействовать наказанием.

Эти порки при полном обнажении стали с 9-го класса, они меня изнуряют. Когда я на них иду, мир меркнет и исчезает. Мне кажется, что шлепки от вратительной розги слышны не только во всем доме, но и на улице. От страха быть услышанной я не смею кричать. Я лишь обязана вслух считать удары и просить без конца прощения.

Чем взрослее я становлюсь, тем ужесточаются наказания, и мама делает это сознательно».

Думаю, комментарий к этому письму не требуется...

— Судя по вашей почте, порют чаще девочек?!

— С парнями сложнее. Парень и отстоять может, и дать активный отпор. А девушки покорней. И процесс их порки сопряжен с более богатыми эмоциональными ощущениями сексуального. Та же мама наравне с любовью к своей «кровиночке» может испытывать зависть к более стройному красивому телу, которое волна карать и миловать. А когда секает отец — это почти неминуемо вносит в якобы воспитательный процесс эротические мотивы. И неутоленная жажда власти над прекрасным женским телом выливается нередко в дополнительную боль уже взрослой девушки. И, конечно, в унижение, которое вряд ли будет забыто.

Одна садомазохистка, с которой я переписывался почти год, с удовольствием рассказывала, как перед очередной «встречей с Эросом» возбуждалась поркой маленькой дочки.

С ней и со многими другими «феноменами» я познакомился, поместив объявление в рекламном приложении к «Вечерней Москве». Представился как «специалист по строгому воспитанию детей» со взглядами домашнего деспота, видящий миссию женщины в полном подчинении души и телом своему повелителю!

Эта Оксана была самой экзотичной из «искательниц деспота». Собираясь выпенить из своей дочери «существо чувственное и покорное, влекущее и трепетное, полное огня и страха», она искала «истинного мужчину с божественной силой Эроса». Вместе с ним она собиралась регулярно сеять бедную девочку до крови, а затем, возбуждвшись, предаваться Эросу.

— А это все не фантазия больного человека?

— Когда пачка писем стала внушительной, я не выдержал и напросился на личное знакомство. Оказалось, Оксана не миф. Как не миф и десятилетняя Наташа. Родная мама чуть не ежедневно заставляет ее раздеваться догола, привязывает к лавке руки и ноги, неторопливо, с удовольствием секает. А потом обнимает и целует дочь.

Случай этот объясняется просто. Отец регулярно и весьма жестоко сек Оксану в детстве. И боль, после которой однажды случился первый оргазм, стала желанной. Подобного рода психозы описаны в заметках воспитанниц монастырских школ. Они сильнее всего любили тех сестер, которые наиболее жестоко их поролли. Тут, естественно, примешивались и определенные лесбийские мотивы. Но в целом весь ритуал был направлен не только на наказание, как таковое, но и на воспитание в девочке способности с радостью отдаваться повелевающей личности. Даже преодолевая боль. Монахи тут не придумали ничего нового. Все это было еще в Древней Греции и в Риме, где розги были широко в ходу. И использовались не только для наказания рабов.

В данном конкретном случае садомазохистские рефлексы продлились еще и на несчастную дочь Оксаны, молодой и довольно симпатичной матери-одиночки. Ее возбуждал сам вид детского тела, дергающегося под ударами ремня.

Помимо писем такого рода от несчастных женщин немало получил я и «литературных произведений», за которыми угадывался мужчина с нарушенной сексуальной ориентацией. Его тянет хоть в мечтах переполниться в истязаемую девушку. Ему хочется садистских разновидностей любви. Но реальность не дает выхода мечтам.

Некоторым из подобных страдальцев просто надо побыть

к врачам, и те помогут изменить пол... Но решимости хватает не каждому, и вроде бы нормальный мужчина всю жизнь тоскует о какой-то иной жизни. Он испытывает сладостный трепет, тайком хоть ненадолго надевая кружевные трусики и пояс с чулками или занимаясь самоистязанием с помощью ремня или плети... Здесь очень много всего намешано...

— Так вы в конечном счете за или против порки? Что делать мальчикам и девочкам, которых регулярно и жестоко секут?

— Завидовать ровесникам-англичанам и англичанкам, которые получают в школе розгу не больше, чем сошли допустимым школьный врач и родительский комитет, считающий розгу абсолютным необходимым средством педагогики.

У англичан право учителя подкреплено строжайшей системой этических норм, высокой культурой отношений. Они смогли поставить дело так, что порка не унижает, не оскорбляет. Да, больно, стыдно. Но над мальчиком или девочкой никто не смеется, не дразнит. И почти исключительно, чтобы учитель или учительница высекли из-за плохого настроения... Покорно выдержать наказание и сохранить достоинство непростое. Однако выдерживают. И сохраняют!

— Так что же, по-вашему, возможен ренессанс розги и у нас?

— Недавно в крупнейшем штате Австралии Новый Южный Уэльс восстановили порку в государственных школах. И все восприняли это как нормальное явление.

Подобного приказа Госкомобра мы вряд ли дождемся. Но в тех районах страны, где плетью или розгой тесно смыкаются с национальными традициями, обычаями, это может произойти достаточно скоро.

А что до психологического восприятия порки... Я интересовался у старшеклассниц, как бы они отнеслись к необходимости на глазах у класса подставить себя под розгу учителя. Ответы были примерно одинаковы: «Если это с малых лет и равно касается всех — ничего страшного».

ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ ЭТУ ПУБЛИКАЦИЮ КОММЕНТИРУЕТ АНДРЕЙ А. ТКАЧЕНКО, КАНДИДАТ МЕДИЦИНСКИХ НАУК, СЕКСОПАТОЛОГ, СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ВНИИ ОБЩЕЙ И СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ ИМ. В. П. СЕРБСКОГО.

Не хотелось бы воспринимать эту очень интересную публикацию как призыв к возрождению порки в виде воспитательного средства, хотя подобное впечатление остается основным. Убедительные аргументы «против» содержится в самой статье, лишний раз свидетельствующей о гораздо большей, чем принято думать, распространенности садизма.

Известна широкая трактовка садизма как потребности в контроле и манипуляции людьми. Как правило, по меткому замечанию В. Ерофеева, одного из исследователей небезызвестного маркиза, в садизме обнаруживается тяготение к его первичной форме — к моральному глумлению над личностью: «Людей ради унижения раздевают, устраивают унижительные медицинские осмотры, заставляют фотографироваться в унижительных позах». В этом ряду порка может занять свое законное место.

Распознать подлог, искусно закамуфлированный ложноуманистическими воспитательными сентенциями, практически невозможно.

Любопытно обоснование полезности розги — ссылки на высеченных в детстве будущих гениев или на псевдоцивилизованный опыт во всем остальном весьма уважаемых стран. Наука располагает гораздо большим количеством данных, свидетельствующих о вреде телесного наказания. Причем опасность возрастает как раз при использовании розги в отношении менее мужественных подростков, поскольку именно их феминность становится той почвой, на которой пыльным цветом распускаются сексуальные нарушения и извращения.

Врачи знают, что отклоняющееся поведение (за которое, по-видимому, в основном и предполагается наказывать) нередко является одним из признаков психических аномалий, и потому телесное наказание попросту не сможет оказаться действенным, наоборот — в большинстве случаев будет усугублять психические расстройства. Школьный период — это одновременно и самый ответственный, хрупкий период становления личности, ее психосексуального развития, когда любое, даже незначительное на первый взгляд событие может оставить неизгладимый след в душе ребенка, а то и искалечить всю дальнейшую жизнь.

Психиатрам и криминологам известно и другое — стремление лиц с педофильным и садистским влечением внедриться в среду детей, для чего подчас даже приобретает профессию педагога. Введение порки в школе для них окажется очень кстати.

Можно понять привлекательность идеи введения телесных наказаний в нашей стране, когда в руках педагогов, лишенных истинного авторитета и работающих в нищенских условиях, окажется наконец-то «палочка-выручалочка» — розга. Но кого и от чего она выручит?

Было бы наивным отрицать самую возможность физического наказания как такового, однако каждый подобный случай требует особого рассмотрения. Кроме того, пора бы знать законы, по которым живет действительно цивилизованный мир, и помнить, например, что уже с 1959 года существует Декларация прав ребенка, где недвусмысленно заявлено о его защите «от всех форм небрежности, жестокости и эксплуатации». Декларация явно противоречит подходу к ребенку как к покорному исполнителю воли взрослого. Так что человечеством по этому вопросу давно определен магистральный путь. А наши дети остаются пока одной из самых незащищенных групп населения, о чем, кстати, свидетельствует и возродение самой идеи порки. И это по-настоящему страшно.

ЭКСПРЕСС-ДЕТЕКТИВ

Рис. Валерия БОЧКОВА

Полю Сантину везло. Маленькие городишки благоустраивали, дела у врачей и аптекарей шли хорошо, вот и ему, торговцу лекарствами, сегодня удалось заключить несколько выгодных сделок. Скоро полночь, позади долгий день. Хорошо бы поспать дома до двенадцати.

Сантин быстро ехал по проселочной дороге. Он устал и хотел спать, но с полчасца еще придется потерпеть. Нельзя позволить себе расслабиться. Машина послушна ему. Как и его собственное тело.

Дорога была пуста. Он потому и свернул на проселок, что движения по нему почти нет. Так было и в этот раз. И вдруг впереди, на пустой дороге, он увидел машину.

Впереди на повороте, в полукилометре отсюда, фары описали дугу. Огни горели фантастически ярко, и водитель словно бы не спешил переключиться на ближний свет. Чтоб его! Вот ведь наглец! Сантин пригасил яркость фар, но ответной учтивости не последовало. Чертыкнул про себя и снова с мстительным чувством включил фары на полную мощность. Страха он не испытывал.

Мелькнула мысль: встречная машина на большой скорости мчится прямо на него. Пожалуй, чересчур быстро для такой дороги. Сантин машинально снял ногу с акселератора и сосредоточил внимание на своей половине, старательно уводя взгляд от летящих навстречу и бьющих в глаза огней.

До него не сразу дошло, что машина прет прямо посередине. Что делать? Катить ли дальше и сигнализировать, может, водитель опомнится наконец и свернет в сторону? Или съехать на обочину и утопить машину в песке, в гальке, в грязи? Решать надо немедленно.

Нахал, как видно, отстраняться не намерен, значит, сворачивать ему, Сантину. Он выкрутил руль. Поздно. Удар пришелся слева на заднее колесо и крыло. Машину занесло, развернуло задом и швырнуло в канаву на обочину. Потом крен набок, невесомость, машину кувырнуло, и она, подпрыгнув, извергла его из своих недр.

Он не слышал и не видел, как она разбилась. Его сознание сосредоточилось на одном: вот сейчас его тело ударится о насыпь. Она оказалась потверже самой твердой стены. В жалком подобии горного обвала, вместе с песком и грязью, он соскользнул вниз. Потом лежал неподвижно, и мир вокруг был недвижим и тих.

В первое мгновение Сантин не почувствовал боли. Он был в шоковом состоянии. Но живой. И в сознании. Словно издали пришла смутная мысль, что он сильно расшибся и истекает кровью.

Больше нет ослепительного света фар. Он лежит на спине. Вокруг густая трава и какие-то кусты. Над

ним — звезды и сияющий лик луны. Небо как будто приблизилось и накрыло его. Этот оптический обман, возможно, и уверил его сначала в том, что он умирает.

В ту минуту он даже не рассердился. Помнить помнил, что перед аварией водитель встречной машины вывел его из себя, но сейчас это стало неважно и отступило прочь. Снова мелькнула мысль о смерти. Умирающему ни до кого нет дела. Есть он и все остальные. Они — сами по себе, он — сам по себе.

Послышались голоса. Контакт с миром возобновился. В той машине тоже были люди. Сантин думал о них спокойно, без возмущения, без сочувствия. Он весь ушел в слух.

— Здесь его нет.
Мужчина. Голос молодой, наверное, совсем еще мальчик.

Значит, им тоже досталось. Должно быть, заглох мотор. Хотя не исключено, что у них все в порядке и остановились они только ради него. Так или иначе сейчас они возвратились к месту аварии и пытаются его разыскать.

Хотят оказать помощь? Первым его побуждением было подзвать к себе, подсказать, где он лежит. Кто бы ни были эти люди, пусть они показали себя не с лучшей стороны, но сейчас ими движет милосердие, они хотят ему помочь. И тут первое импульсивное движение уступило место новому, тяжелому чувству. А так ли это на самом деле? Сантина вдруг обуял страх. Почему? Он и сам не знал. Жертве аварии все и всегда готовы прийти на помощь. Разве не так?

— Видно, его выбросило из машины, — отозвался девичий голос.

Ага, струсили!
— Да, наверное. Что нам теперь делать? Тот же мужской голос. Значит, их только двое.
— Надо его найти, — сказала девушка.
— Зачем? — не сразу прозвучал вопрос.

Девушка тоже не спешила отвечать.

— Разве ты не хочешь узнать, что случилось с ним... или с нею?

— Не знаю, — мужской голос дрогнул. — Не знаю...

— По-моему, нам надо осмотреть все вокруг и найти его.

— Ладно... Но уже темно.

— У тебя, кажется, был фонарик. Где он?

— В машине. Пойду принесу.

Послышались шаги. Это юноша пошел за фонариком. И снова тишина.

В холодном поту, дрожа от страха, Сантин ждал, что будет дальше. Ему не понравился звук их голосов.

Такие не умеют принимать близко к сердцу чужие несчастья. Хотят умири, помощи от них не дожидаясь.

А ведь он умирает. Сантин это твердо знал. Боль нахлынула и больше не отступала. Разбиты лицо, грудь, переломы в обеих ногах. И еще болело внутри, там, куда может добраться только врач. Боль проникла в самые сокровенные глубины его тела, и потому он не сомневался, что вот-вот умрет.

Значит, теперь уже все безразлично? И не важно, что с фонарем отыскать его проще простого.

— Ну, наконец-то! Работает! — прозвучал голос юноши. — Где будем искать?

— В канаве, на обочине.

Шарканье шагов, галка, сыплющаяся из-под ног, треск сломанных веток, шелест травы. Потом мигающий свет, шарящий по земле. Ближе, ближе. Того и гляди его найдут. Можно еще ускорить встречу с ними, скажем, окликнуть их. Но он молчал. И ждал.

— Эй!

Свет упал на лицо. Он не мог ни двинуться с места, ни отворнуть голову. Шаги торопливо приближались. И вот они уже здесь. Два силуэта, склонившиеся над ним, чернели на фоне неба. И свет, резкий свет в глаза. Сантин мигнул, но они, казалось, не понимали, что свет беспокоит его.

— Он жив. — Это сказала девушка. — Глаза открыты.

— Правильно.

— Ага, вижу...

— Но разбился. — Она опустила на колени рядом с ним, защитив от света фонарика. И на том спасибо. В свете луны видно ее лицо.

Молоденькая, почти девочка, лет шестнадцать, не больше. И очень хорошенькая, волосы темные, кожа бледная, может быть, даже слишком, ярко накрашенные губы резко выделяются на бледном лице. А глаза — пустые. Может, она в шоке. Но ее взгляд небрежно скользнул по его изуродованному телу, и на лице не отразилось ни жалости, ни сочувствия.

— Вы искалечены? Сильно? — Это вопрос к нему.

— Да... — Оказывается, он еще может, не слишком напрягаясь, говорить.

— Что у вас болит?

— Все тело. И больше всего внутри.

Девушка задумалась над тем, что он сказал. Следующий вопрос показался ему расчетливым и холодным.

— Как вы считаете, если мы поможем, вам удастся выкарабкаться?

Он тоже не спешил отвечать. Молчал, думал. И все равно допустил ошибку.

— Кажется, я умираю, — сказал он и тут же понял, что проиграл.

Лицо девушки неумовимо изменилось. Сантин не мог бы сказать, в чем это выразилось. Но так оно и было. Она отодвинулась от него, поднялась на ноги и повторила юноше:

— Он умирает. — Ее слова прозвучали уверенно, словно она знала, что с ним, по крайней мере, так же точно, как он сам.

— Значит, нет смысла искать врача? — В голосе юноши послышалось облегчение, казалось, тяжелое бремя свалилось с его души.

— Наверное, нет.

— Так что тогда делать?

— Ничего. Ждать попутной машины.

— Значит, мы можем ехать в город, да? — Парень, видно, признает превосходство девушки и во всем полагается на нее.

— Конечно. А сюда пошлем врача или еще кого-нибудь. Но он к тому времени, наверное, уже умрет. И еще нужно позвонить в полицию.

— В полицию?

— Ну да. Ты ведь убил человека.

И снова тишина. Сантин лежал у их ног, глядя вверх на темные силуэты. Они говорили о нем, словно он уже умер. Но его это почему-то не задевало. Может, потому, что и он тоже считал себя мертвым.

— Арлена... Что со мной сделают?

— Где, в полиции?

— Да... Ты говоришь, я убил человека.

— Так и есть, верно?

Юноша молчал, не зная, что сказать.

— Так ведь случайно, — наконец выдал он. — Ты же знаешь, Арлена, что случайно. Это — несчастный случай.

— Конечно.

Они говорили тихо, но Сантин слышал каждое слово. И почувствовал, что пора вставать.

— Каждый несчастный случай происходит по чьей-то вине, — сказал он.

Они замолчали. Он видел, как они в замешательстве переглядываются. Наконец повернулись к нему.

— Что вы хотите сказать, мистер? — спросил юноша.

— Несчастный случай произошел из-за вас. Вот и все, — Сантин по-прежнему не испытывал гнева. Нет, он возмущал им не потому, что досадовал или злился. Но виновный должен быть установлен.

— Почему это из-за меня?

— Ну, во-первых, вы не убрали дальний свет...

— Но вы тоже ехали с дальним.

— Я ведь переключился на ближний...

— А потом снова включили дальний.

— Только потому, что вы мне не ответили.

Юноша задумался. Через минуту-другую сказал:

— Но когда мы столкнулись, у вас был включен дальний свет.

Сантину пришлось согласиться.

— Я рассердился, — сказал он. — Но не это главное. Вы ехали по моей стороне дороги.

Юноша повернулся к девушке.

— Арлена, разве я ехал не по своей стороне?

Девушка хихикнула. По крайней мере, так ему показало.

— Откуда мне знать? Мы ведь...

Она не закончила предложение, но Сантин все понял. Они целовались, или обжимались, или как там еще это называется нынешняя молодежь. Поэтому юноша и не переключил свет фар. Правильно он тоже не мог. А теперь он, Сантин, почему-то должен расплачиваться за полученное ими удовольствие.

Только сейчас он наконец разозлился. Это было странное чувство. Им овладела холодная ярость, не затрагивающая его нутра, как бы отделенная от него самого. Потому что по большому счету то, что случилось, больше не занимало его. Для него счеты с жизнью кончены.

Но Сантин почувствовал удовлетворение. И заговорил мстительно и уверенно:

— Вы сами знаете, что ехали по моей стороне. Так что виноваты вы.

Парень услышал его слова, но так и не ответил от девушки глаз.

— Что мне будет? Что сделают со мной в полиции? Что будет?

— Откуда мне знать! — огрызнулась девушка. Пренебрежительное спокойствие как не бывало. Видно, первоначальный шок проходил. Теперь страх подобрался и к ней.

— Ну и что, что я ехал не по той стороне дороги! Все равно авария произошла случайно. Я не собирался наезжать на его машину. Я не хотел его убивать...

— Конечно.

— Ты же читала в газетах про такие случаи. Водителю почти ничего не грозит. Ну, наложат штраф. Так отец заплатит. А если даже тюрьма, то ведь ненадолго, да, Арлена? Как ты думаешь, на сколько меня осудят? Дней на тридцать?

— Может, на шестьдесят. Да и то вряд ли.

Сантин слышал их разговор. И злился сильнее и сильнее. А может, и на все девяносто, мог бы возразить он. Да еще страховая компания будет вынуждена платить страховку. Но убийца отделается легким испугом. Девяносто дней за убийство — о чем тут еще говорить.

— Важно одно, — сказал юноша.

— Что?

— Нужно, чтобы признали, что это несчастный случай. Пусть даже по моей вине. Я хочу и виноват, но не слишком сильно. Важно, чтобы этот тип не проговорился.

— О чем не проговорился?

— О том, что переключил фары, а кто нет. И кто по какой стороне ехал. Но если он умрет, то не проболтается.

В голосе девушки прозвучала странная нотка, как будто до нее наконец дошло то к чему.

— Значит, он должен умереть. Ты меня понимаешь, Арлена?

— Он говорит, что умирает.

— Да, говорит, но он-то не знает наверняка. И мы тоже не знаем. А вдруг нет? — Голос юноши взлетел вверх.

Сантин увидел, как девушка схватила парнишку за руку и заглянула в глаза. От страха она едва стояла на ногах.

— И еще вот что, — юноша говорил быстро, сменяя концы фраз. — Мне отец рассказывал про страховку. Компании приходится платить за увечье больше, чем за смерть. Искалеченному выплачивают бешеные деньги. Я не знаю, хватит ли на это нашей страховки. Если он не умрет и останется калекой, нам это может влететь в такую сумму, что от страховки ничего не останется. Да еще и ее окажется мало. Отец меня убьет!

— Но ведь он скоро умрет?! — шипло сказала девушка.

— Да, теперь и она боится, боится смертельно.

— С чего ты взяла? Откуда нам знать?

Сантин больше не чувствовал боли. Только ярость. Они не предложили ему помочь. Им нужна его смерть. Чудовищные эгоисты! Думают только о себе. И так жестоки, что не стесняются рассуждать об этом при нем.

Вдруг парень встал на колени рядом с Сантином и повесил фонариком в лицо. Сантин зажмурился от яркого света, но успел его разглядеть. Неоперившийся юноша. Такой же юный, как девушка. Но нет в нем той спокойности, какое было в ней еще несколько минут назад. В глазах панический страх. И тоже ранен. Левую сторону головы уродует длинная ссадина, волосы слиплись от крови.

— Как вы себя чувствуете, мистер? — спросил он.

Сантин не стал отвечать. Он не доставит им удовольствия. Не скажет про то, что боль все чаще и чаще накапывает на него и все дольше не отпускает. Не скажет, что вкрадчивый шепоток смерти настойчиво уговаривает его больше не шептаться за жизнь.

В глазах юнца страх и — отчаяние. Луч фонарика продолжал рыскать по лицу, по телу Сантина, вверх — вниз, вверх — вниз. Наконец парень встал.

— Что-то не видно ни его ран, ни что он скоро умрет, — сказал он девушке.

Конечно, не видно, подумал Сантин. Самые страшные раны у него внутри. У него там смерть. Но он им об этом не скажет. Пускай попотеют. И может, он еще будет жив, когда сюда придут люди.

Боль внезапно захлестнула его и стерла все мысли. Он почти лишился сознания.

Девушка застонала — вместо него, словно парень

ударил ее, а не Сантина.

— Что ты делаешь? — крикнула она.

Голос мальчишки сорвался.

— Он должен умереть! Я его заставлю! — взвизнул он.

Где-то в самой глубине души у девушки, видно, зашевелилась совесть. А может, она просто по-женски пожалела его.

— Не смей его убивать! — опять крикнула девушка.

— Теперь уже все равно! — Юнец был на грани истерики. — Я ведь уже и так убил его! Просто он минутой раньше умрет. Арлена, как ты не можешь понять!

Но она, как видно, не понимала — и, вцепившись, тянула прочь от Сантина.

Никто не узнает. Он ведь попал в аварию. Подумают, что расшибся при падении.

Логично рассуждает. Теперь замолчали оба.

— Хорошо, Винс, — наконец послышался ее голос.

А Сантин лежал у их ног и ничего не мог сделать. Очень может быть, его будут бить смертным боем, пока не убоют. Убоют сознательно, рассудочно, ибо его жизнь угрожает покою сопливого, слабого паршивца. Сантин не боялся смерти — той, что баюкала и манила к себе. Но смерть от побоев ужасала. Страх пронзал все его существо.

— Нет! — изо всех сил закричал он. — Нет! Только не это!

Луч снова бьет в лицо. Еще минутой назад Сантин был горд. Где теперь его гордость? Он больше не отворачивался от фонаря. Пусть видит, что он боится. — Винс, а ты уверен, что сможешь? — спросила девушка.

Теперь, когда решение принято, она снова была сильнее мальчишки.

— Не знаю, — ответил он. — Но попробую.

Сантин увидел, как он подходит, и закрыл глаза.

— Погоди! — как бы издавала, из туннеля, донесся ее голос. Теперь он существовал в красном тумане агонии, и голос ее казался бесконечно далеким.

— Что такое?

— Погляди, ты весь в крови!

— Ну и что?

— Винс, Винс, ты что, не в своем уме? Кровь заметает. Не дай Бог, если кто-то тебя заподозрит. Анализы покажут, что это его кровь.

Мелькнул проблеск надежды. Сантин осмелился открыть глаза. Парень наклонился, чтобы снова ударить, но при этих словах заколебался.

— Я знаю, что делать, — наконец сказал он.

И исчез из поля зрения. Но Сантин слышал шелест травы у него под ногами и хлопанье веток. Потом послышался оклик.

— Арлена, подойди, помоги поднять.

Снова шорох, треск и хлопанье веток. Это девушка идет к парню. И его возбужденный голос.

— Мужика выбросило из машины, так? Ну что ж, он ведь мог об это удариться? Давай, помоги поднять.

Шаги медленно возвращались. Сантин ждал в припадке ярости и страха. Вот и они. Приближаются вдвоем, согнувшись и ступая задом. В руках у них — тяжелый предмет. Судя по напряженным спинам, очень тяжелый.

Он даже не застонал. Не смог. Ужас парализовал голосовые связки. Но глаза следили за ними. Двигались они медленно, трудно. Наконец остановились по обе стороны от него, и огромный плоский предмет навис над ним, закрыв звезды.

И тут, в последний миг своей жизни, он заметил кое-что очень важное. Ласковый покой разлился по телу. Ну что ж, подумал Сантин, я все равно умираю. Так, конечно, я умру раньше, быстрее, но, может быть, даже, эта смерть будет милосердной и легкой. Смерть от руки убийцы.

И Сантин стал молиться. Странная это была молитва. Он просил у Бога одно — пусть обстоятельства смерти расследует умный «фараон».

Сержант Ван-Нек из дорожного патруля штата был «фараоном» умным. В сером сумраке раннего утра он изучал рисунок шин на дороге. На темном асфальте их почти не было видно, и он никак не мог прийти к окончательным выводам.

Взглянув на парочку, стоящую у машины и наблюдающую за его работой, он почувствовал себя несколько более уверенно. Мальчишку зовут Винс, его подружку — Арлена. Ничем не отличаются от десятков других парней и девочек, попавших в аварию. Но что-то в них настораживало. Светало, занимался день, а сержант продолжал искать, сам не зная что.

Находка превзошла все его ожидания. Улика была неперекладная, очевидна.

Сержант выбрался из канавы и подошел к ребятам. Видно, в глазах его была угроза, потому что юнец тревожно спросил:

— Что случилось, сержант?

— У валуна две стороны, — ответил полицейский Ван-Нек. — Верхняя — чистая, отмытая дождями. Нижняя — в земле, в грязи. Ладно, пускай мистер Сантин вылетел из машины. Но скажи, сынок, как он умудрился удариться головой о НИЖНЮЮ сторону валуна?

Сервис Резерв

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

ПРЕДПРИЯТИЯМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ С ЛЮБЫМ СТАТУСОМ, ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ

«СЕРВИСРЕЗЕРВ»

ПРЕДЛАГАЕТ БОЛЕЕ 60 УСЛОВИЙ СТРАХОВАНИЯ

от несчастных случаев, стихийных бедствий, нападений злоумышленников, увольнения, безработицы, инфляции, изменения законодательства, утраты собственности и издержек предпринимательского риска, а также аудиторские, брокерские, инвестиционные, информационные и посреднические услуги.

Наши брокеры работают на Российской, Московской, Сургутской, Калининградской, Хабаровской биржах, Международной бирже вторсырья и т.д.

«СЕРВИСРЕЗЕРВ» это:

- защита Ваших имущественных и социальных интересов;
- поддержка смелых деловых начинаний;
- помощь в экстремальных ситуациях;
- содействие в торгово-посреднической деятельности;
- охрана и сопровождение грузов;
- борьба с хищениями и недобросовестными партнерами.

СО «СЕРВИСРЕЗЕРВ»

выплачивает страховое возмещение от несчастного случая за факт травмы, а не за ее последствия;

выплачивает страховое возмещение за травму, полученную в любое время суток;

по отдельным видам договоров;

— выплачивает страховую сумму без потерь через 13 месяцев после заключения договора;

— выплачивает страховую сумму с начислением 5% годовых;

— заключает договоры на самые короткие сроки — от трех месяцев;

предлагает более высокие выплаты и осуществляет их в более короткие сроки;

оценивает страхуемое имущество по рыночной стоимости;

предлагает страховые услуги, которых нет в других организациях;

ГОТОВО ЗАИНТЕРЕСОВАННО РАССМОТРЕТЬ ВСЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КЛИЕНТА.

СО «СЕРВИСРЕЗЕРВ»:

СТРАХОВАНИЕ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ ЮРИДИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАН:
коллективное страхование работников предприятий и их детей от несчастных случаев;
смешанное страхование жизни;
коллективное страхование социальной защищенности работников предприятий и организаций;

страхование риска недостатка средств на оплату труда;

страхование детей к совершеннолетию и бракосочетанию;

страхование жизни водителей и водительских прав;

страхование туристов и их имущества;

страхование советских граждан, выезжающих за границу СССР;

страхование мигрирующего населения за счет организаций.

СТРАХОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:

страхование грузов при перевозке;
страхование риска потери права на собственность;

страхование всех видов имущества с оценкой по рыночной стоимости;

страхование радиоэлектронной и другой техники.

ПОДДЕРЖКА ДЕЛОВЫХ НАЧИНАНИЙ:

страхование риска невозврата кредитов;
страхование депозитов;
страхование предпринимательского риска;
страхование торгово-посреднических операций.

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ ВАШЕ БУДУЩЕЕ СТАЛО БОЛЕЕ ПРЕДСКАЗУЕМОМ, ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ В ОБЩЕСТВЕ, ЕГО БРОКЕРСКИХ КОНТОРАХ ИЛИ ОТКРЫТЬ В СВОЕМ ГОРОДЕ ФИЛИАЛ «СЕРВИСРЕЗЕРВА»,

звоните по телефону 256-15-42 (факс (095) 256 15 42),

пишите по адресу: 117607, Москва, а/я 17;

приходите к нам на 2-ю Звенигородскую, д. 13, в Москве или к нашим представителям, которые работают во многих столицах республик и областях страны.

СО «СЕРВИСРЕЗЕРВ» защитит Вас от стихии, грабителя, недобросовестного партнера, инфляции и «сюрпризов» законодателей!

СО «СЕРВИСРЕЗЕРВ» обеспечит Вам интересную работу, интерес в деле!

На вопросы «Совершенно секретно» отвечает генеральный директор страхового общества «СЕРВИСРЕЗЕРВ» Владимир ЕЛКИН.

— Наша фирма была создана в декабре 1989 года, и сегодня это — страховое общество на паевой форме собственности с уставным фондом в 20 миллионов рублей. У нас имеются филиалы, представительства и группы представителей в Санкт-Петербурге, Самаре, Новосибирске, Кемерово, Комсомольске-на-Амуре, Южно-Сахалинске, Одессе, Киеве, Калуге, Смоленске, Перми, Калининграде, Нижнем Новгороде, Тюмени и

ряде других городов России и других республик. Договорные отношения имеются с рядом страховых фирм Казахстана, Эстонии, Туркмении, Белоруссии, с зарубежными фирмами.

Наше страховое общество — соучредитель и владелец акций ряда банков, бирж, брокерских контор, обществ, туристских фирм. В обществе работают около 700 сотрудников, в основном это профессионалы страхового дела.

— Вы сказали о профессионализме. Так ли он необходим? Ведь многие коммерческие фирмы, наоборот, совсем не принимают на работу бывших работников

Госстраха.

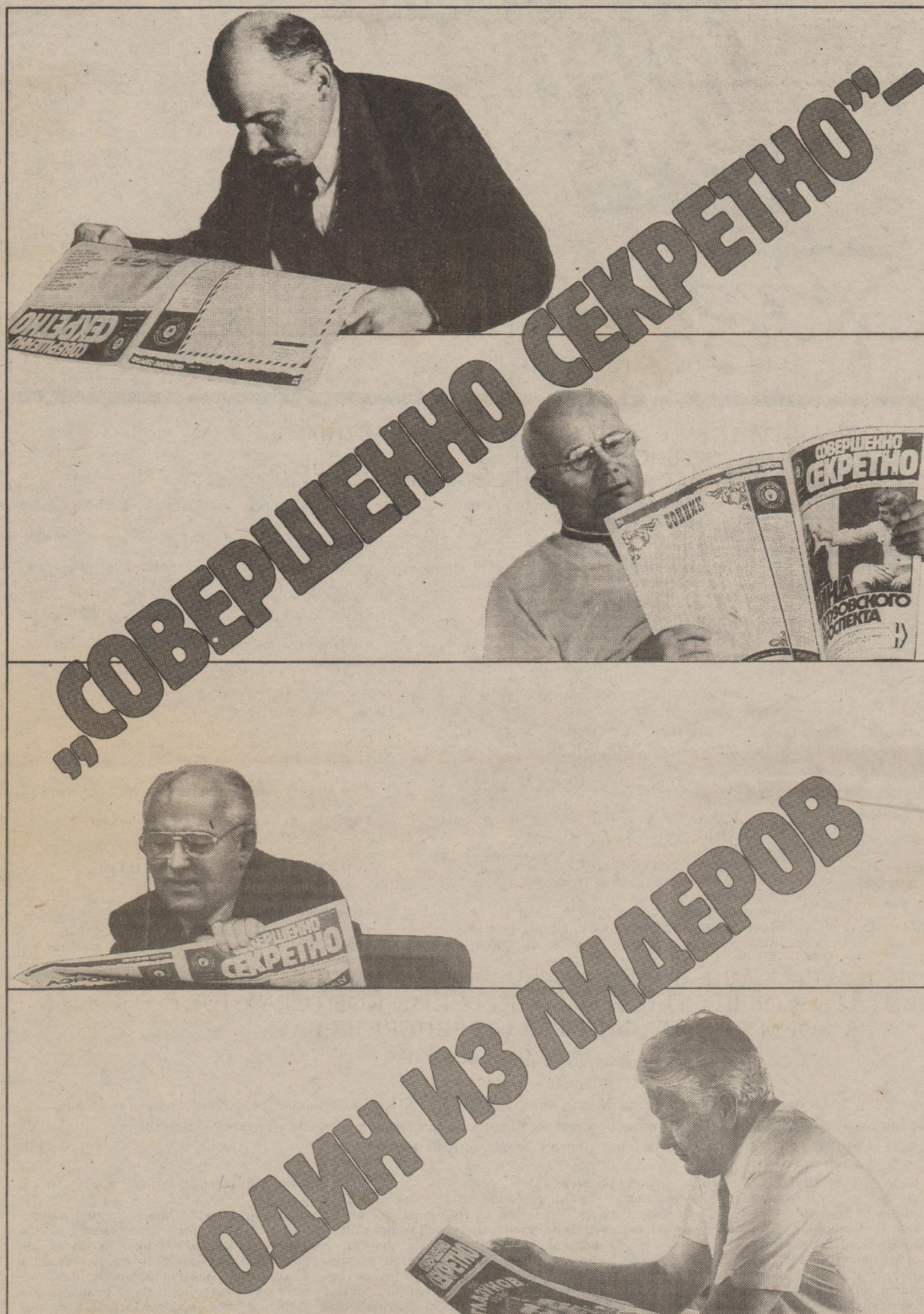
— Профессионализм нужен в любом деле. Тем более в страховом, когда поступление первых платежей многих страховщиков-непрофессионалов вводит в ажиотажный спрос на договора: застраховать любой ценой, а что будет потом — неважно! А потом наступают страховые события и надо платить иной раз больше, чем поступило. Тогда страховые фирмы таких горе-страховщиков начинают искать пути, как отказать в выплате. Сейчас у меня есть сведения о восьми страховых организациях только в Москве, которые не могут выполнить

свои обязательства по наступившим рискам.

Я сам закончил Московский финансовый институт со специализацией «Государственное страхование», а затем Финансовую академию со специализацией «Экономист-международник», 10 лет работал в Госстрахе, в т.ч. в ревизионном аппарате Госстраха г. Москвы. Большой опыт и у моего заместителя — Завьяловой Татьяны Касьяновны, прекрасно подготовлены и другие наши работники.

Так что страхование в «Сервисрезерве» — это гарантия Вашего благополучия.

Service Reserve

**Почетный
президент-основатель
МАДПР
Юлиан СЕМЕНОВ**

Редколлегия:

Артем БОРОВИК,
главный редактор
Александр БЕНЕНСОН,
зам. главного редактора
Владимир ВЕДРАШКО,
зам. главного редактора
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Владимир ДОБИН,
ответственный секретарь
Дмитрий ЛИХАНОВ
Елена СВЕТЛОВА
Евгения СТОЯНОВСКАЯ
Александр СТРУЕВ
Вера ЧЕРНИКОВА
Михаил ШЕСТОПАЛ,
главный художник

Редакционный совет:

Лев АННИНСКИЙ
Александр БЕЛЯЕВ
Карл Арне БЛОМ
(Швеция)
Аркадий ВАЙНЕР
Даниил ГРАНИН
Геннадий ЛИСИЧКИН
Анатолий ЛЫСЕНКО
Николай МИТРОФАНОВ
Мартин Круз СМИТ (США)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Пако Игнасио ТАЙБО II
(Мексика)
Сергей УСТИНОВ
Александр ЭЙДИНОВ
Рафаэль Р. ЭРРЕДИА
(Мексика)

Любовь ПЕШКУНОВА,
зам. ответственного
секретаря

Оформление номера:
Владимир ВОВНОВОЙ
и Владимир ПОМОЧИЛИН
Технический редактор
Татьяна КОЙРАНСКАЯ
Корректор
Татьяна ПОЛЕНОВА

Рукописи, присланные
в редакцию, не рецензируются
и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на
«Совершенно секретно»
обязательна.
Во всех случаях типографского
брака обращаться в типографию,
указанные в выходных данных.

В следующих номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Главлит: откровения цензора

Квартирант Керенский

Поздний «Оскар» Татьяны Самойловой

Штаб-квартира
Международной ассоциации
«Детектив и политика» (МАДПР)
1991

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, ИАН
Штаб-квартира МАДПР
Ежемесячник
«Совершенно секретно»
Тел.: 291-98-62; 202-20-11
Телекс 411323 Факс 2302170
Подписано к печати 9.12.91

ОПЕЧАТАНО ТИПОГРАФИЕЙ «ВСП»
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВОС-СИБ
ОТДЕЛЕНИЯ «ЗОРГЕ» Г. ИРКУТСК

Тираж 100 000 экз.